

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

КАЗАЧЕСТВО

ПУТЬ ВОИНОВ
ХРИСТОВЫХ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Казачество: путь воинов Христовых
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493226

Казачество: путь воинов Христовых. /Шамбаров В.Е.: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0567-2

Аннотация

Известный писатель-историк Валерий Шамбаров представляет читателю полную историю всех Казачьих Войск России от их зарождения до нынешних дней. Книга рассказывает о зарождении казачества, о казачьих традициях, о верном служении Отчизне, о страшных временах казачьего геноцида при советской власти. После десятилетий коммунистической клеветы автор возрождает правду о славном и великом казачьем народе. Эта уникальная книга будет интересна всем неравнодушным к истории России.

Содержание

Предисловие	4
1. О древнейших корнях	6
2. Изначальное казачество и его гибель	11
3. От рассеяния к организации	16
4. О традициях	22
5. Казачество на службе России	27
6. Начало Войска Донского	31
7. Начало Оренбургского и Терского Войск	36
8. Начало Запорожского Войска	39
9. Начало Сибирского Войска	42
10. Запорожцы и уния	47
11. Начало Уральского Войска	51
12. Катастрофа Смуты	54
13. Казаки устанавливают династию	60
14. Морские походы	66
15. Казаки расширяют державу	71
16. На буйном Тереке	76
17. Украина в крови	80
18. Азовское сидение	84
19. Воссоединение Дона с Россией	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Казачество: путь воинов Христовых

Предисловие

С земным поклоном всем братьям казакам и сестрам казачкам

Казачество... Оно создавало обширную и могучую Россию, защищало ее в боях, охраняло ее границы. Но что же это такое – казачество? Есть казаки донские, кубанские – но и на противоположном краю континента живут казаки забайкальские, амурские, уссурийские. Была великолепная казачья конница – но были и пластуны-пехотинцы, казаки-моряки, казаки-землепроходцы, преодолевавшие и осваивавшие огромные пространства тайги и ледяных пустынь. Были удальцы-станичники, с молоком матери впитывавшие боевой дух и воинское искусство – а была и Запорожская Сечь, куда приходил любой желающий. Были служилые и городовые казаки, набиравшиеся царской администрацией из людей разного звания. А были и некрасовцы, задунайцы, воевавшие против России. Однако все эти категории, несмотря ни на какие различия, признавали друг друга казаками. И все они составляли единое явление, имя которому – казачество.

Литературы по данному вопросу довольно много. Но обычно авторы ограничивали свои исследования каким-то одним Казачьим Войском или определенным историческим периодом. В результате существует большое количество трудов о славном прошлом Дона, гораздо меньше – Кубани и Терека, по остальным же Войскам – отдельные работы или ничего. А ведь были и такие казачьи общины, которые впоследствии упразднились, исчезли. О них вообще известно лишь узкому кругу специалистов.

Кроме того, все лучшие труды по истории казачества создавались в XIX – начале XX в, и содержащаяся в них информация ограничивается временем написания. Они давно уже вошли в разряд редких книг, далеко не каждому доступны. С момента, когда они выходили в свет, изменился литературный язык, шрифт, у широкого круга читателей это вызывает затруднения. В итоге получается, что и эти работы знакомы только специалистам и немногим энтузиастам. А большинство людей, интересующихся казачьей историей, черпают сведения откуда придется – из брошюр, газетных публикаций, видеофильмов (зачастую сомнительного качества), из устных пересказов с неизбежными искажениями.

Вот и возникла идея написания книги, в которой была бы представлена вся история казачества – от зарождения до наших дней. Казачества в целом, всех Войск, всех категорий казаков. Эта идея обсуждалась на круге Московского казачьего отряда им. св. Александра Невского, и мне была оказана высокая честь, поручена работа над такой книгой. Конечно, справиться со столь ответственным и объемным делом было бы весьма тяжело, если не невозможно. Но, во-первых, в данном направлении уже имелись значительные наработки: истории казачества я так или иначе касался в других произведениях – «Белогвардейщина», «За веру, царя и Отечество», «Бей поганых», «Правда варварской Руси», «Русь – дорога из глубин тысячелетий», «Оккультные корни Октябрьской революции». А во-вторых, огромную помощь оказали братья казаки и сестры казачки. Через казачью прессу было распространено обращение ко всем, кто пожелает подключиться к творческому процессу. Многие откликнулись, предоставляли редкие книги, документы, материалы из личных архивов, рассказывали в письмах об известных им интересных фактах, местных преданиях. Поэтому хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в этой работе.

Согласно приговору круга, мне поручалось написать книгу «фундаментальную, полную, и вместе с тем изложенную просто и доступно, чтобы она могла стать пособием по истории казачества, настольной книгой казака». А насколько получилось выполнить эту задачу, судить уже не мне, а вам.

Войсковой старшина казачьего отряда им. св. Александра Невского
В. Шамбаров

1. О древнейших корнях

Доводилось ли вам слышать о том, что герой древнегреческого эпоса Ахилл был... казаком? Впрочем, сразу разочарую. Эту историю придумали в XVII в. киевские бурсаки, изучавшие античную классику. И, уж конечно, были сыто кормлены и крепко поены, рассказывая ее запорожцам. Но все же придумана байка не на пустом месте. Дело в том, что у самих греков бытовало несколько версий происхождения Ахилла. У Гомера он представлен царем мирмидонян, погиб и похоронен под Троей. А Ликофрон, Алкей и другие авторы писали, что он привел воинов с севера и «владычествовал над Скифской землей». Могилы, где якобы похоронен Ахилл, показывали и почитали на островах Змеином, в устье Дуная, и Белом, в устье Днепра – сейчас он превратился в Кинбурнскую косу. А Тендровская коса между Днепром и Перекопом носила название «Ахиллов Дром» («дром» – значит «бег», «ристалище для бега»). И археологические раскопки на Кинбурнской косе действительно обнаружили остатки жертвенника, надпись в честь Ахилла, неподалеку найдены три мраморные плиты с посвящениями ему.

Очевидно, в фигуре Ахилла предания совместили нескольких вождей. А тот из них, который жил в Поднепровье, судя по времени, был киммерийцем. Древнегреческие изображения сохранили облик этого народа, лихих всадников, и впрямь похожих на казаков, – бородатых, в папах, одежде наподобие зипунов, подпоясанных кушаками. Только вместо сабель в руках прямые мечи. Но, конечно, отождествлять киммерийцев с казаками нет оснований. Это был кельтский народ, населявший Северное Причерноморье в XIII–VIII вв. до н. э.

Люди в здешних краях жили задолго до киммерийцев – например, самый древний в мире образец лодки найден на Дону и датируется аж VII тысячелетием до н. э. Это типичная долбленка-однодревка, каковые впоследствии использовались и казаками. Жили тут люди и после киммерийцев, в VIII в. до н. э. их частично вытеснили, частично смешались с ними скифы, создавшие многонациональную империю, куда входили и праславяне [214]. А во II в. до н. э. началось расселение из Средней Азии сарматских племен, и Скифию разгромили савроматы. Но и сами были изгнаны языгами. А их, в свою очередь, оттеснили на запад роксоланы, заняв степи между Днепром и Доном. В лесостепях расселялись славянские и угорские народы, севернее, в лесах, – финские и балтские.

В Приазовье, на Кубани и на черноморском побережье Кавказа обитал ряд древних племен: зиги (чиги), керкеты, синды, ахеи, гениохи, аспургиане, дандарии, агры и др. Из них чиги славились как мореходы и пираты, выходившие в море на легких ладьях, вмещавших 25 человек. Но с востока двинулась еще одна волна сарматских племен – асседоны, иксаматы, писаматы, аорсы, сираки. За Дон роксоланы их не пропустили, и они тоже оседали на Кубани и в нынешнем Ставрополье. А в I в. последовала новая волна переселенцев, аланы (ясы). Они имели обыкновение инкорпорировать побежденные народы в состав своего, и этнонимы множества племен, живших от Тамани до Каспия, из античных источников исчезают, здесь появляется единая Алания...

Спрашивается – как и по каким признакам среди всех этих народов искать предков казаков? В начале XX в. возникли две теории их происхождения – «автохтонная» и «миграционная». Сторонником первой являлся историк генерал **Н.Ф. Быкадоров**. Утверждалось, что казаки всегда являлись коренным населением своих земель (правда, сам Быкадоров позже от своей теории отказался) [219]. «Миграционную» версию разрабатывал донской историк **Е.П. Савельев**. Он считал казаков потомками «гетов-русов», которые якобы сперва жили под Троей, потом в Италии, а потом переселились в Причерноморье [161].

Обе эти теории неверны. Во времена, когда они создавались, история Древнейшей Руси была исследована очень мало, а такой науки, как этнология, вообще не существовало, и представления об этногенезе бытовали поверхностные и примитивные. Хотя на самом деле эти процессы всегда сложны и неоднозначны. Так, если коснуться «автохтонной» теории, то надо иметь в виду, что ни один народ не может в течение тысячелетий обитать в одних и тех же местах и остаться неизменным. Подобное возможно лишь для небольших «изолятов», отрезанных от мира на отдаленном острове или в высокогорной долине. Но не в столь «бойком» районе, как Восточно-Европейская равнина, где зафиксирована масса больших и малых переселений, народы неизбежно вступали в контакты, принимали в себя те или иные «добавки».

Ну а относительно «миграционной» теории надо сказать – народ не футбольный мяч, способный кататься туда-сюда по полю земли. Переселения – тяжелый и болезненный процесс, обычно сопровождающийся расколом этноса. Часть уходит, часть остается. Обе части взаимодействуют с разным окружением, развиваются в разных условиях и теряют родство. Конкретный пример: в VII в. под ударами хазар населявшие Причерноморье древние болгары разделились на три ветви. Одна ветвь ушла в горы Кавказа – это балкарцы. Другая отступила на Балканы, объединила вокруг себя местных славян и создала Болгарское царство. Третья ушла вверх по Волге, в X в. приняла ислам и снова разделилась – не пожелало менять веру племя чувашей. А сменившие религию стали предками казанских татар. Ну кто скажет, что нынешние болгары, балкарцы, чуваш и казанские татары – это один народ? Или что один народ венгры и башкиры, разделившиеся в IX в.? Причем если уж говорить о родстве, о преемственности, то нелишне вспомнить, что даже у отдельного человека не один, а два предка, отец и мать. А в процессах этногенеза их гораздо больше. Поэтому производить «напрямую» один народ от другого совершенно неправомерно. И, скажем, предками русского народа являются отнюдь не только славянские племена, он имеет многочисленные финно-угорские, тюркские, балтские, германские, сарматские, скифские, кельтские корни.

Впрочем, и в наши дни наука этнологии разработана весьма слабо и представляет собой не единую стройную систему, а расплывчатый набор частных взглядов тех или иных ученых. Самой полной и последовательной теорией представляется к настоящему времени концепция одного из основоположников этой науки Л.Н. Гумилева, который считал казаков «субэтнотом великорусского этноса» [38, 39, 40]. А субэтнос, по определению автора, – «таксономическая единица внутри этноса как зримого целого, не нарушающая его единства» [41]. Т. е. общность, имеющая черты и признаки народа, но при этом прочно связанная с основным этносом.

К данной классификации казачества мы еще будем возвращаться по ходу книги, но пока возьмем его за основу. И отметим еще одно фундаментальное положение учения Гумилева – для любого этноса (и субэтноса) очень важной оказывается связь с родным для него ландшафтом. Именно ландшафт определяет его «лицо», особенности, способы хозяйствования. Так, родным ландшафтом таджиков являются горы, узбеков – орошаемые долины, туркмен – оазисы пустынь. Три народа живут рядом, но существенно отличаются. Для русских это – лесостепь. И при расселении на север они всегда выбирали сходные условия: поляны, опушки, но не глубины лесов. А, скажем, для евреев обязательно нужен искусственный ландшафт – города, местечки, но не деревни.

Какой же ландшафт является родным для казаков? Это долины великих рек степной полосы! Дона, Днепра, Волги, Яика, Терека, Кубани. А чем они были характерны в древности? Тогдашние степные народы являлись скотоводами, но не кочевниками в полном смысле. В Европейской России выпадает много снега, скот не может добывать из-под него корм. И требовались постоянные селения, где заготавливается сено, зимуют стада и люди. Разумеется, строили их не посреди голой степи, а вблизи рек, долины которых были покрыты

густыми лесами и кустарниками. Тут имелись дрова, стройматериалы, сенокосы на заливных лугах, водопой. И археология это подтверждает. Города скифов обнаружены на Днепре, их столица располагалась возле Запорожья. А роксоланы зимовали в городках на Нижнем Дону.

Но евразийские степи были и «торной дорогой», по которой, громя друг друга, приходили новые народы. А покрытые зарослями долины рек, острова, плавни, болота являлись естественным укрытием, где имела возможность спастись часть побежденных. Не все. Ведь для этого требовалось сменить образ жизни, добывать пропитание охотой, рыболовством, угодками скота. Выжить в таких условиях могли только самые сильные, выносливые. И вольнолюбивые, не желающие покориться победителям. И из осколочков различных племен произрастают древнейшие корни казачества.

Доказательства есть. На Дону и Донце археология обнаруживает непрерывное существование оседлых поселений примерно со II в. до н. э. Что совпадает с гибелью Скифии и праславянской Милоградской культуры. Археологические данные дополняются письменными. Страбон писал о «смешанном» племени, обитавшем в гирлах Дона. Арриан, посетивший Северное Причерноморье во II в. н. э., сообщал, что некоторые из местных племен «прежде питались хлебом и занимались земледелием», но после вражеских нашествий «покаялись великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов... а скота держать не более, чем сколько можно переводить из одной страны в другую». Но этот же закон, категорически запрещающий земледелие, известен у донских казаков, он просуществовал до 1695 г. и был вполне рационален – привязанные к земле хозяйства стали бы легкой добычей степняков.

Еще одним доказательством является резкое изменение стереотипов поведения местных жителей. Если в V–IV вв. до н. э. греки сообщали о мирных «меотах», пассивно переходивших под власть Скифии или Боспора, то римские авторы в I–II вв. н. э. предостерегали, что оседлые жители Приазовья не менее воинственны, чем кочевники. То есть, они вобрали в себя часть скифов, праславян, сарматов. У них существовали и крупные центры вроде г. Танаиса – Азова. Этот город был не греческим – во всех документах его граждане подразделяются на «танаитов» и «эллинов», причем руководство составляли «танаиты». А умение здешних племен воевать римляне испытали на себе, в 47 г. их легионы от Тамани прошли по Приазовью, взяли Азов, но он стал самой северной точкой их завоеваний. Римляне тут крепко получили и дальше не продвинулись ни на шаг [214].

Позже жителей Нижнего Дона и Приазовья зарубежные авторы стали именовать «герулами». Иордан сообщал, что герулы – племя «скифское», т. е. местное, не германское, что оно «очень подвижно». «Не было тогда ни одного государства, которое не набирало бы из них легковооруженных воинов». Однако карта Причерноморья продолжала меняться. Во II в. сюда с Балтики пришли русы (руги), объединившись в одну державу со славянами и роксоланами. А затем этот союз был побежден германцами-готами. С герулами готы сперва вошли в альянс. С 256 г. совместные эскадры их лодок стали совершать нападения на берега Кавказа, Малой Азии, Босфора. Но в IV в. готский император Германарих решил окончательно поработить окрестные народы. Герулы сопротивлялись дольше других, согласно Иордану, были «в большей части перебиты», и лишь после нескольких поражений вынуждены были покориться.

Торжество германцев было недолгим. Из Поволжья и Приуралья развернули наступление гунны. Разгромили Аланию, а в 371 г. обрушились на готов. И герулы, как и большинство славянских племен, сразу приняли сторону гуннов, помогая им бить общих врагов. Кстати, до нас дошла легенда о том, как гуннские воины, охотясь на Тамани, ранили оленя. Он бросился в воду, переплывая между отмелями и наносами, пересек Керченский пролив – и показал путь войску. Готы сосредоточили силы на Дону, а гунны обошли их через Крым

и ударили в тыл [40, 65]. Не этот ли олень, раненный стрелой и помогший герулам освободиться, был изображен на древнем гербе донских казаков?

Но напрямую отождествлять казаков с герулами тоже нельзя. Основная их часть вместе с союзниками-гуннами ушла на запад. В 476 г. герулы, во главе со своим вождем Одоакром (в славянской транскрипции Оттокар), захватили Италию, где и сгинули в последующих войнах. В Причерноморье после распада империи гуннов возникла Антия. Но в 558 г. из Средней Азии пришли авары, сокрушившие ее. А в 570 г. с востока двинулись враги аваров, тюрки. Возникли Аварский и Тюркский каганаты – граница между ними пролегла по Дону.

В VII в. оба каганата развалились на части. В степях от Дуная до Кубани образовалось Болгарское ханство. А хазары, населявшие берега Каспия и долину Терека, приняли тюркскую военную верхушку и создали свой каганат. В 670 г. в союзе со славянами и аланами они одолели и изгнали болгар. Затем разбили и подчинили Аланию. И вот после этого вдруг распространяется этноним «касаки» (в русских летописях «касоги»). Впервые он зафиксирован еще у Страбона в I в. – среди племен, населявших Кубань и Кавказ, у него упоминаются «коссахи». Потом это название исчезает. А с VII в. начинает широко применяться по отношению к жителям Западного Кавказа, Кубани и Приазовья. О «стране Касакии» сообщают авторы X в. Константин Багрянородный, Аль-Масуди, персидский географ XIII в. Гудад ал-Алэм и др. И как раз в этих известиях эмигрантские исследователи склонны были видеть «казачью нацию».

Это не совсем так. Этноним может передаваться от одного народа к другому, как, допустим, от римлян их название перешло к ромеям (византийцам), а потом и к румынам. Но если мы попытаемся понять смысл слова «касаки», то действительно подойдем к разгадке, откуда же происходит имя казаков. Обычно считают, что оно тюркское и употреблялось в значениях «вольный воин», «бродяга», а то и «разбойник». Но Страбон упоминает его задолго до тюркского нашествия. И к тому же в тюркских языках нет близких корней, от которых можно было бы произвести «казак», нет и никаких родственных слов. Следовательно, в лексикон тюркских народов оно попало уже «готовым», откуда-то извне. Откуда?

Происхождение слова «казак» надо искать не в тюркских, а древнеиранских языках, на которых говорили скифы и сарматы. И чтобы увидеть это, предлагаю читателю взглянуть на набор слов (в первой группе древнеиранские, во второй более поздние):

- асии, асы, ясы, аспургiane, каспии, траспии, Асаак, сакасны, массагеты, аседоны, асиаки, язгы, азады, хазары, хорасмии, касоги
- казаки, черкасы, казахи, хакасы.

Что общего в этих словах? Корень «ас» (в зависимости от произношения и передачи способный трансформироваться в «яс» или «аз»). Его значение известно – «свободный», «вольный» (например, «азады» – служилое сословие воинов Парфии, это слово как раз и означало «свободные», в Сасанидском Иране то же самое слово произносилось «газа»). Но «асы» было и самоназванием всех сарматских народов! Причем такое обозначение самих себя отнюдь не редкость в мире. «Франки» – тоже означает «свободные», а Чингисхан собирал монгольский этнос из «людей длинной воли» (читай «свободных»).

Корень «ас» входил и в большинство сарматских племенных названий. Почти все слова, представленные в цепочке – этнонимы. Скажем, аланы – это название народа, а самоназванием было – асы, в славянской транскрипции – ясы. А окончание «-ак, – ах» в древнеиранских языках применялось при образовании существительных от прилагательных и глаголов, оно присутствует в этнонимах «язгы», «асиак», «касак», в названии первой парфянской столицы Асаак. Таким образом «казак» в буквальном переводе – что-то вроде «вольник», а если перевести не по форме, а по смыслу – «вольный человек». Легко переводится и «черкас». «Чер» – голова, и это слово можно прочесть или как «главные свободные», «главные асы», или «вольные головы». Обратим внимание, что и казахи, хакасы, сохранившие

в этнонимах тот же корень, проживают на территориях, некогда заселенных сарматскими племенами. От которых и перешли сквозь века их названия, хотя сами народы успели измениться, сменить языки, и к казакам, естественно, никакого отношения не имеют.

Кстати, от скифо-сарматских народов к нам пришли и многие другие названия: Азовское море, Казбек, Кавказ, Азия (слова имеют тот же корень «аз»), а «дан» в древнеиранских языках означало «вода», «река» – отсюда Дон, Днепр (Данапр), Днестр (Данастр), Дунай (Данувий), да и русское «дно». Что же касается древних касаков, то можно еще раз вспомнить: при образовании Алании в нее вошли многочисленные побежденные племена, как сарматские, так и досарматские (в том числе и «коссахи», упомянутые Страбоном). И логично предположить, что после разгрома аланов хазарами эти племена отделились. Причем теперь уже обобщенно обозначили себя «свободными» – «касаками». Какие-то из них назвались и «черкасами» (но не черкесами – это не самоназвание, а прозвище, данное аланами, означает «головорезы»). Арабский историк Масуди описывал очень красноречиво: «За царством алан находится народ, именуемый касак, живущий между горой Кабх (Казбек) и Румским (Черным) морем. Народ этот исповедует веру магов. Среди племен тех мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более выпуклой линией бедер и ягодиц. Наедине их женщины, как описывают, отличаются сладостностью. Аланы более сильны, чем касаки. Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В таком случае ни аланы, ни какой другой народ не смогли бы их покорить». Как видим, и Масуди отметил, что это был не один народ, а раздробленные племена.

2. Изначальное казачество и его гибель

Изгнание из Причерноморья болгар вызвало и другие изменения на карте здешних мест. По Донцу и Дону расселились северяне, хотя население здесь оставалось смешанным, археологи отмечают одновременное сосуществование разных культур. Но арабы и персы стали называть Дон «Русской рекой» или «Славянской рекой». Поселения русов возникли и в Приазовье, в Крыму. С VIII в. греки упоминают флотилии русов. Северяне были союзниками хазар, вместе с ними отражали натиск арабов, рвавшихся из Закавказья на север. Уже начало распространяться и христианство, от Константинопольской патриархии была учреждена Хазарско-Хорезмийская митрополия.

Однако в 808 г. в Хазарском каганате произошел переворот, власть захватила иудейская купеческая верхушка. И из военной державы он превратился в торговую, что стало бедствием для окрестных народов – основными товарами, которые Хазария поставляла в страны Востока, были меха и рабы. Каганат принялся поработать соседей, облагая тяжелой данью. А христиане подверглись гонениям, бежали на окраины государства, укрывались и на Дону. В 834 г. византийский инженер Петрона Коматир, присланный по просьбе кагана для строительства крепости Саркел (ныне затоплена Цимлянским морем), обнаружил, что здешнее население – христиане, и запроектировал в цитадели храм. Но иудейское руководство не позволило его возвести, завезенные для церкви капители и колонны были брошены в степи, где их и нашли археологи в 1935 г.

Северяне отступили с Дона и Донца на Десну. А каганат, как страшный паук, все шире раскидывал паутину, захватывая в нее славянские, кавказские, финно-угорские народы. По Дону, Осколу, Донцу возникла система крепостей-замков (археологи обнаружили их более 300), продвигавшаяся на запад и достигшая Днепра (в с. Вознесенка около Запорожья). Сами хазарские евреи воинами не были, в крепостях несли службу какие-то другие племена. Причем выявлены не только мужские, но и женские воинские погребения, что было характерно для сарматских народов (от которых и пошла легенда об «амазонках»). Но установлено, что хозяева им не доверяли. Внутри цитаделей жили только властители, а гарнизоны располагались во внешнем обводе укреплений. По рисункам и надписям, нацарапанным часовыми, обнаружено, что даже и посты несли службу не с внутренней, а с внешней стороны стен! [80]

В IX в. у хазар появился сильный противник, князя из династии Рюриковичей. Борьба шла с переменным успехом, пока в 965 г. Святослав Игоревич не нанес каганату смертельный удар. Сокрушил войско хазар, разрушил Итиль, Семендер на Тереке, Саркел, победил и вассалов каганата, ясов и касиков. Согласно Иоакимовской летописи, часть из них он «приведе Киеву» на поселение – вероятно, некоторые из подневольных племен в войне перешли на его сторону. А на месте Саркела была отстроена крепость Белая Вежа – Дон стал границей Киевской Руси.

Сын Святослава св. Владимир в 984–985 гг. покорил последний осколок Хазарии Таматарху (Тамань), основав здесь Тмутараканское удельное княжество. Правящая верхушка в нем была русской, а основную часть населения составили касики. Их отношения с русичами начались с противостояния, с поединка между Мстиславом Владимировичем и вождем **Редедей**, однако после победы князя местные племена признали подданство и были установлены вполне дружеские связи. Касики вступали в дружины русских князей, часть их приняла крещение.

При Владимире Красно Солнышко создавались и системы пограничной обороны. Поскольку Русь постоянно тревожили набегами печенег, князь стал строить систему крепостей по Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне. Кроме того, в противовес печенегам Владимир начал привлекать на службу торков – ветвь туркмен, отказавшуюся принять ислам и

изгнанную из Средней Азии. Эту практику продолжили преемники Владимира, «осаживая» в Поднепровье для защиты своих границ торков, черных клобуков (каракалпаков), берендеев (угров), союзную часть половцев.

Но с XI в. Киевская Русь стала дробиться и втягиваться во внутренние распри. В 1094 г. князь Олег Святославович навсегда оставил Тмутаракань – отдал ее грекам, а сам с войском из русских, касиков и половцев ушел добывать Черниговский стол. В 1117 г. был выведен гарнизон и из Белой Вежи. Однако за 150 лет русские прижились здесь, и многие, естественно, остались. *Смешанное русскоязычное население на Дону получило название «бродников»* – не от слова «бродить», а от «брод». Через территорию Дона проходили важные торговые пути, и бродники селились вблизи переправ, волоков, обслуживая их, подрабатывали в качестве лодочников, проводников. Разводили овец, ловили рыбу, торговали своей продукцией. Живя в окружении степняков, конечно, вырабатывали в себе и воинские навыки. О бродниках упоминают не только русские летописи, но и западные источники.

Существовали в Древней Руси и места, подобные Запорожской Сечи. Базы, где собиралась всевозможная вооруженная вольница, сперва возникли на «Белобережье» (Кинбурнской косе) и близлежащих островах. Греки называли этих удальцов, тревоживших их морскими набегами, «русами-дромитами» (от Ахиллова Дрома – Тендровской косы). Позже на Днестре возник «вольный город» Берлад, собиравший разноплеменных «берладников».

Как известно, Киевская Русь, подорвав свои силы в междоусобицах, стала добычей татаро-монголов. Обвинять бродников в том, что они в 1223 г. на Калке изменили Руси, некорректно. Во-первых, они уже более ста лет не относились к Руси. Во-вторых, русские князья выступали в поддержку половцев, с которыми бродники враждовали. Поэтому бродники приняли сторону пришельцев по принципу «враг моего врага – мой друг». Ну а в 1237–1241 гг. нашествие Батыя добило и поработило Русь.

Историк **А.А. Гордеев** [35] связывает начало казачества как раз с Золотой Ордой. Но его теория ошибочна. Автор был эмигрантом уже не первого поколения, нередко даже путался в русских словах, терминах. И пользовался зарубежными источниками сомнительной достоверности, тенденциозными, а то и совершенно ложными. Свои выводы он построил на предпосылках, будто русским князьям под властью Орды не дозволялось иметь вооруженные дружины, а десятая часть населения ежегодно угонялась в рабство и использовалась ханами для охраны границ, откуда и появилось казачество. Исторической действительности эти предпосылки не соответствуют. В составе Орды у русских сохранялись и дружины, и городские ополчения, велись войны с немцами, шведами, литовцами. Ежегодных угонов десятой части людей не выдержал бы ни один народ. (Если хотите, возьмите карандаш и посчитайте – через 15 лет от народа осталась бы пятая часть). И никто, разумеется, не стал бы «оказачивать» невольников. Представьте сами – если человека, угнанного с родины, поселить в степи, дать оружие, коней, долго ли он останется на месте?

Угоны в рабство действительно имели место, но носили характер разовых акций, для ханов важнее было получить деньги. А из подневольных русских воинов, взятых в Орду, составили особые полки и отправили подальше от родных мест, в Китай. Там они хорошо известны, имели свои поселения возле Пекина и были истреблены в XIV в. в ходе антимонольских восстаний.

Однако на Дону сохранилось прежнее оседлое население – бродники, проявившие лояльность к татарам. Французский посол Робрук, проезжавший в 1252–1253 гг. через земли Дона, сообщал: «Повсюду среди татар разбросаны поселения русов; русы смешались с татарами и в смешении с ними превратились в закаленных воинов; усвоили их порядки, а также одежду и образ жизни. Средства для жизни добывают войной, охотой, рыбной ловлей и огородничеством. Для защиты от холода и непогоды строят землянки и постройки из хвороста; своим женам и дочерям не отказывают в богатых подарках и нарядах. Женщины украшают

свои головы головными уборами, похожими на головной убор французов, низ платья опускают мехами выдры, белки и горностая. Мужчины носят короткую одежду: кафтаны, чекмени и барашковые шапки. В смешении с другими народами русы образовали особый народ, добывающий все необходимое войной и другими промыслами... Все пути передвижения в обширной стране обслуживаются русами; на переправах рек повсюду русы, имеющие на каждой переправе по три паромов».

Писалось это всего через 10 лет после Батыева нашествия, и об «усвоении» татарских обычаев говорить не приходится. Способы хозяйствования, жилища, наряды, о которых рассказывается, совершенно не соответствуют монгольским. Просто Робрук видел бродников, которые и раньше жили подобным образом. Л.Н. Гумилев в 1965 г. при раскопках на берегу Цимлянского моря обнаружил остатки селения, в том числе камень от очага, пряслице от веретена – здесь обитали семейные люди. Тут же на небольшом пространстве 17 × 14 м были найдены многочисленные фрагменты керамики, и разные образцы ее датировались в диапазоне от X до XV в. Люди непрерывно жили на одном и том же месте и до Орды, и во время Орды.

Но население Приазовья не желало покориться, и после своего рейда в Европу Батый жестоко усмирил восстание местных племен. Они были разгромлены, г. Тана (Азов) разрушен и вырезан. И «страна Касакия» из всех источников исчезает. На ее месте обосновалась Ногайская орда. *Однако исчезает и этноним бродников (в последний раз они упоминаются в 1254 г.) – позже сменяясь на «казаки».* Напрашивается вывод, что подвергшиеся погрому племена касак-ов распались. Одни отступили в горы – они стали предками черкесов, карачаевцев, кабардинцев. Другие бежали, укрываясь в болотах Приазовья, лесах донских притоков. Смешались с местными жителями и передали им свой этноним.

Доказательства таких миграций имеются. Так, авторы античных времен и раннего Средневековья локализируют племя чигов на Нижней Кубани и черноморском побережье Кавказа. Некоторые выделяли его, некоторые смешивали с касак-ами. Впоследствии чиги обнаруживаются на Верхнем Дону и Хопре [38, 39]. В казачий лексикон вошли связанные с ними слова «чигонаки» (селения в болотистых низинах), «чигин» – поясной кошелек, «чики-леки» (женское украшение), прозвище «чига востропузая». Какая-то их часть ушла и в Поднепровье, где их этноним зафиксировался в названии Чигирин. А этноним черкас-ов – в названии города Черкассы. Общий ход и механизмы переселений остаются нам неизвестными. Например, русские источники XVI–XVII вв. именовали термином «черкас-ы» как кабардинцев, так и украинских казаков, но не донских. Почему – мы не знаем, но какая-то причина для такой градации имела-сь, тогдашние приказные чиновники ее вполне представляли.

Хотя, повторюсь, напрямую соотносить прикубанских касак-ов с казаками нельзя. Они тоже стали лишь одним из корней формирования казачества, влившись в прежнее смешанное население. А общей основой для такого объединения становились русский язык и Православие. Великую силу Православия в полной мере осознавал первый устроитель Руси после татарского нашествия, св. благоверный князь **Александр Невский**. И именно он обеспечил духовную связку казачества и русского государства. Поднепровский Переяславль был почти стерт с лица земли, и в 1261 г. Александр Невский добился разрешения хана Берке, чтобы резиденция Переяславского епископа была перенесена в столицу Орды Сарай, возникла Сарско-Подонская епархия. Из самого названия видно, что значительная часть паствы жила по Дону. А подчинялась епархия митрополиту Всея Руси, резиденция которого в 1299 г. была перенесена из Киева во Владимир, а потом в Москву. И таким образом через Церковь установились связи казаков с новым центром русских земель.

Правда, информация о казаках в этот период неясна и расплывчата. Они упоминаются в составе отрядов, сопровождавших баскаков, в составе ордынских войск. Но это могли быть

еще те же кубанские казаки, пристраивавшиеся служить где получится. Впрочем, и донские казаки служили ордынским ханам, участвовали в их войнах. Хотя порой и разбойничали. Робрук писал, что русы, аланы и другие собираются ватагами по 20–30 человек и «шалют» на дорогах.

А в 1380 г. казаки впервые выступили в том качестве, в котором им впоследствии суждено было прославиться. В качестве воинов Христовых. Когда великий князь Московский **Дмитрий Иванович** собирал рати, готовясь выступить против Мамаю, поддержали его далеко не все русские земли. Не прислали свои полки Великий Новгород, Тверь, двоякую позицию заняла Рязань. А вот казаки пришли. Незадолго до битвы, как сообщает «Гребенная летопись», к князю присоединились казаки городков Сиротина и Гребни: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый казаки в радости встретиша великаго князя Дмитрия, со святыми иконы и со кресты поздравляюще ему об избавление своем от супостата и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквях своих».

Казаки принесли князю Донскую икону Пресвятой Богородицы. «Она была утверждена на древке, как хоругвь, и во все продолжение войны оставалась при русском войске. В день славной Куликовской битвы... икону носили среди православных воинов для ободрения и помощи» [58]. После победы уцелевшие казаки подарили икону св. Дмитрию Донскому. Летопись рассказывает, что князь побывал и в казачьих городках, где ему была подарена еще одна чудотворная икона Божьей Матери – Гребневская (или Гребенская). Эти сведения сохранились и в описании икон [58, 106, 162].

Однако победное торжество оказалось непродолжительным. Уже в 1382 г. Москва была захвачена и сожжена Тохтамышем. А затем пришла беда и на казаков. Неумный и коварный Тохтамыш захватил престол Орды при поддержке властителя Средней Азии Тимура Тамерлана. Но тут же поссорился со своим благодетелем, «отплатив» набегами на его владения. Тамерлан несколько раз бил его, совершал ответные вторжения, однако все повторялось. И рассвирепевший Тимур, в 1395 г., разгромив татар на Тереке, решил подчистую разорить все земли противника. Тохтамыш удрал в Литву. А полчища Тимура, преследуя отступающих и уничтожая все на своем пути, дошли до Днепра. «Прочесали» степь, и Тамерлан двинулся на ханского вассала – на Москву. Был взят и выжжен Елец. Сын Дмитрия Донского Василий собирал войска. Но, осознавая мощь врага, люди ждали катастрофы и молились. В Москву была принесена Владимирская икона Пресвятой Богородицы – и произошло чудо. Тимуру во сне привиделась великая горы, на которой стояла сама Божья Матерь в окружении Небесного Воинства. И завоеватель вдруг повернул назад.

Историки называют и другую причину отступления – дескать, в тылах «черкесы» пожгли степи. Но доверия это не вызывает. От Ельца до Кубани далеко, и на положении армии Тамерлана диверсии черкесов сказать никак не могли. Другое дело, если степи начали жечь казаки. И косвенным доказательством того, что они пытались вести партизанскую борьбу, служат дальнейшие действия Тимура. Он разделил армию надвое. Одна половина пошла на Крым, другая стала спускаться по Дону. Хроники Шереф-ад-Дина Йезди и Низама ад-Дина Шами восторженно описывают итоги похода «на Машкав» (Москву) – мол, были одержаны победы «над эмирами русскими... вне города», захвачены многочисленные «подобные пери русские женщины – как будто розы, набитые в русский холст», взята большая добыча: «рудное золото и чистое серебро, затмевающее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканые ткани... блестящие бобры, черные соболя, горностаи... меха рыси... блестящие белки и красные, как рубин, лисицы, равно как и жеребцы, еще не видевшие подков...»

Но ведь Тимур до Москвы не дошел! А в прикордонном Ельце такой добычи быть не могло. Так где же одерживались победы, набирались пленницы и трофеи? Это могло

быть только на Дону. И подтверждением служат записи диакона Игнатия, проезжавшего из Москвы в Константинополь в 1399 г., через 4 года после нашествия: «По Дону никакого населения нет, только виднелись развалины многих городков...» То есть в составе Орды казаки чувствовали себя уже достаточно вольготно, строили «многие городки» на виду. А удар Тамерлана не был локальным набегом. Его армия целенаправленно «прочесала» весь Дон сверху донизу. Те самые украшения, меха и наряды, которые зарабатывались службой и которыми, по Робруку, казаки любили баловать жен и дочерей, стали вражеской добычей, а сами жены и дочери, «подобные пери», угодили на невольничьи рынки и в гаремы. Рейд по Дону завершился взятием Азова.

Дальше Тамерлан прокатился по Северному Кавказу, уничтожая селения и жителей, разграбил Астрахань, Сарай и удалился в Закавказье [38].

Таким образом «изначальное» донское казачество было уничтожено. Уцелевшие бежали кто куда. Предания, записанные в XVIII в. Рычковым, Рукавишниковым, Акутиным, связывают с нашествием Тамерлана первое появление казаков на Яике – атаман **Василий Гугня** с отрядом из 30 донцов и одного татарина перебрался на эту реку. Встретили группу татар и побили их, кроме женщины, на которой Гугня женился. После чего к отряду присоединилось много татар, бежавших из Астрахани [153]. Легенда о том, будто до «**бабушки-Гугнихи**» казаки не женились, сходились с женщинами на время, бросали их, отправляясь в новый поход, а прижитых детей убивали, разумеется, относится к разряду сказок. Как мы видели, на Дону испокон веков жили семьями. Но целиком отвергать предание, как это делали историки XIX в., нельзя. Народная память зафиксировала важные и исторически верные факты. И миграции с Дона, вызванные именно Тамерланом. И даже последовательность разорения – сперва Дона, потом Астрахани. Вычитать это в каких-либо источниках неграмотные казаки, сохранявшие устные предания, никак не могли. Хотя постоянных поселений на Яике в данное время еще не возникло. Казаки лишь стали приходить сюда, а обосновались уже позже, в XVI в.

Но уходили не только на далекий Яик. Часть казаков бежала в Крым, *многие перебрались в Поднепровье, принадлежавшее Литве*. Она не знала татарского ига и быстро усиливалась. Прирастала не отдельными городами, как Москва, а целыми областями – русские удельные князья добровольно переходили под власть Гедиминовичей, чтобы обрести защиту. В Литве взяла верх более высокая русская культура, утвердилось православие, официальным языком стал русский. Правда, в 1386 г. путем династического брака Литва объединилась с Польшей, и государственной религией стал католицизм, но на окраинах это еще не ощущалось. *Часть казаков обрела пристанище во владениях Чернигово-Северских, Рязанских, Московских князей – и появились казаки-севрюки, рязанские, мещерские казаки.*

3. От рассеяния к организации

Дон надолго запустел. И объяснялось это не только Тамерлановым разорением. Стала разваливаться Золотая Орда, и степь превращалась в «Дикое Поле», где месились друг с другом, хищничали и грабили отряды претендентов на престол, отдельных мурз и просто банды. Рухнул весь внутренний порядок державы. Обслуживание тех же переправ, паромов, постоянных дворов, ямских станций больше никого не интересовало. Конечно, при известных навыках человек может прокормиться за счет охоты, рыболовства. Но надо же и одеться, обуться, откуда-то взять оружие, орудия труда... В конце XIV – начале XV в. на границах русских княжеств отмечалось появление «бездомовного люда». Не только казаков. Из погрязших в междоусобицах ордынских владений уходили жившие там крестьяне, ремесленники, разорившиеся торговцы. Уходили и татары, поступая на службу в Москву и Литву.

Известия о казаках в течение двух столетий эпизодичны. Потому что они выступали не самостоятельной силой, а в составе смешанных контингентов разных государств. Тем не менее эти упоминания составляют непрерывную цепь и позволяют представить географию расселения казаков по всем окраинам степи. Так, в 1399 г. литовский князь Витовт в союзе с Тохтамышем выступил против ордынского хана Темир-Кутлуга. В составе литовского войска были и днепровские казаки. Но в битве на р. Ворскле оно потерпело страшное поражение. И Витовта спас казак **Мамай**. Три дня блукал с ним в лесу по чащобам, пока Витовт не пообещал ему княжеский титул и город Глинск. Казак сразу же нашел дорогу и стал князем Глинским.

Впоследствии Глинские постарались приукрасить свою родословную и представили казака потомком темника Мамаю. Но это не более чем выдумка. Со времени гибели хана Мамаю прошло всего 18 лет, и трудно предположить, чтобы его сын или внук стал простым казаком, знавшим как свои пять пальцев леса Полтавщины. Да и вообще казак Мамай – один из любимейших героев украинского народного творчества. Его рисовали на дверях хат, скрынях (сундуках), печках. Изображали обычно с бандурой, чаркой, часто вместе с конем Белогривом и песиком Ложкой, сопровождая подписями из стихов и поговорок типа: «Козак – душа праведна, сорочки не має, колы не пье, то вошу бье, а все не гуляе». Подобные рисунки были распространены повсеместно, впоследствии они с запорожцами перекочевали и на Кубань. И совершенно невероятно, чтобы у простолюдины пользовались такой популярностью родичи хана Мамаю. Скорее, прозвище «Мамай», прилепленное по тому или иному поводу, было распространенным среди казаков, вот и стало обозначать фольклорного «обобщенного» казака. А Иван Грозный, по матери потомок Глинских, таким образом имел в своих жилах не татарскую, а казачью кровь.

Известно, что казаки сражались в 1410 г. в битве при Грюнвальде в составе польско-литовской армии. Неплохим пристанищем у казаков считались и богатые торговые города Кафа (Феодосия), Сугдея (Судак), Тана (Азов). Умирающая Византия отдала их генуэзцам, которые пользовались наемными воинами и хорошо платили. В уставе Кафы (1449 г.) п. 66 гласил: «Если случится, что будет взята какая-нибудь добыча на суше казаками, или оргузиями, или кафскими людьми», запрещалось отбирать ее и взимать с нее налоги. В уставах Солдаи и Чембало требовалось, чтобы казаки, если возьмут добычу, выделяли четвертую часть консулу города, а остальные три четверти делились пополам между казаками и городской общиной [57]. Венецианец Барбаро, живший в 1436–1452 гг. в Крыму и на Руси, писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называвшийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русско-татарском языке», указывал, что они имели выборных предводителей.

В 1444 г. летописи говорят о рязанских казаках – зимой вторглись татары под предводительством ордынского царевича, казаки выступили против них на «артах» (легких санях или лыжах) и отбили нападение. Между тем Золотая Орда совсем развалилась. Выделились самостоятельные Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Ногайская орда. Все они враждовали между собой. А Сарай пришел в упадок. И пребывание в нем Сарскою-Подонской епархии теряло смысл. В 1460 г., при Василии II Темном, епископ Вассиан был переведен в Москву. Резиденцию ему выделили на Крутицком подворье при храме свв. Петра и Павла, и епархия стала называться Крутицкой, сохранив прежнюю задачу – окормлять православное население в татарских владениях.

Московские князья при распаде Орды выбрали союз с Крымом – здешние ханы из династии Гиреев воевали с Литвой, противницей Руси. И враждовали с Сараем и Казанью, которые донимали русских набегами. Казаки же сперва служили во всех ханствах, возникших на месте Орды. Польский историк Ян Длугош писал, что в 1469 г. на Волынь напало крымское войско, состоявшее «из беглецов, добычников и изгнанников, которых они на своем языке называют казаками». При возникновении Казанского ханства на службе у него также отмечены казаки. Но затем сведения о них исчезают – они перешли к единой Руси. В самом первом походе на Казань, предпринятом в 1467 г. Иваном III, в его войско входил отряд казаков под началом атамана **Ивана Руды**. Он отличился, первым ворвавшись в город, но атаман заслужил царскую опалу за своеволие и недисциплинированность.

Однако в это время кардинально изменилась международная обстановка. Погибла Византия. А в 1475 г. турки предприняли экспедицию в Крым. Генуэзцы воззвали о помощи. Польский король Казимир откликнулся, но не рискнул вступать в открытый конфликт с османами и прислал для защиты Кафы казаков [197]. Тем не менее Кафа была взята и вырезана. Прочие здешние города сдались, а Крымское ханство признало себя вассалом Османской империи. На северных берегах Черного моря начали строиться турецкие крепости.

Но уже входила в силу Русь, став новым мировым центром Православия. Под властью Ивана III она преодолела удельную систему, превратившись в мощную единую державу. В ходе противостояния с Ахматом сбросила остатки ордынской зависимости. Россия начала теснить Литву, отобрав у нее Вязьму, Чернигов, Рязань, Новгород-Северский. И в этот период стал заново заселяться Дон. Рязанская княгиня Аграфена, сестра Ивана III, жаловалась ему, что приграничный люд «самодурью» уходит за рубеж. Государь негодовал, требовал пресечь процесс: «А их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовым же и женским делом не отпиралась бы, а по уму бабью не учнешь казнити, ино мне велети казнити и продавати их в окуп». Всего при Иване III на Дон ушло около 4 тыс. человек.

Однако представлять дело так, будто сперва казаки отступили из родных мест на Русь, а потом вернулись, было бы слишком грубым упрощением. Большинство тех, кто покинул Дон сотню лет назад, конечно же, прижилось в рязанских, северских, московских землях, их потомки смешались с коренным населением. Но в семейных преданиях сохранялась память о прежней родине, а ситуация в степях менялась. Основная часть татар теперь тяготела к центрам ханств, а в Диком Поле вместо крупных орд остались рассеянные кочевья и шайки.

И некоторые из казаков находили возможным рискнуть. К ним присоединялись другие жители порубежья из самых крутых и отчаянных – и тоже становились казаками. Селились по верховьям Дона, по Вороне, Хопру, Медведице, что давало возможность и вольную жизнь вести, и поддерживать связи с русским приграничьем, торговать там, покупать необходимые вещи.

Азов же после истребления и изгнания генуэзцев очутился на краю Османской империи, у властей до него долгое время руки не доходили. Местные казаки стали считать его своей «столицей», жили в полной воле, не подчиняясь никому, нападали на турок и их вассалов. Наконец, в 1502 г. султан повелел Крымскому хану Менгли-Гирею навести порядок, а

«всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». Хан предпринял экспедицию и занял Азов. А казаки отступили от устья Дона вверх по реке, основав свои городки.

Так возникли верховое казачество – костяк его составили выходцы с Руси, и низовое – его основой стали азовские казаки. Они были разделены, так как места у Переволоки лежали близко от Астраханской орды и оставались слишком опасными. Но и сами по себе казачьи сообщества не были централизованными. Городки и станицы (изначально станицами назывались не населенные пункты, а отряды) существовали независимо, избирали собственных атаманов. А объединялись и ставили над собой общего руководителя только на время совместных предприятий. В связи с этим возникло два центра донских казаков – Раздоры возле впадения в Дон Северского Донца и Верхние Раздоры на Медведице. Здесь собирались для совместных походов, проводили выборы, а потом делили добычу. Как выборы, так и дуван не обходились без конфликтов, откуда и названия городков.

В период распада Орды среди казаков нередко встречаются и тюркские имена. Что вполне естественно – лихие татарские воины, потеряв в междоусобицах родных, лишившись средств к существованию, прибегали к казакам, были близки им по быту и становились своими в их среде. Но общим языком, средством «межнационального» общения, был русский, хотя и вобравший в себя тюркские заимствования и термины (впрочем, как и язык Московской Руси в целом). Общей основой оставалась и православная вера. Она давала казакам идеологическое знамя – они осознавали себя защитниками христиан от «басурманских» хищников. И сами отвечали контрударами. В 1503 г. Менгли-Гирей жаловался, что киевские и черкасские казаки ограбили турецких купцов. В 1504 г. просил Ивана III отпустить крымских послов «на зиме... коли казаки не ездят и дорога чиста», а в 1505 г. в переписке отмечалось, что «от казаков страх в поле».

Православие через Крутицкую епархию связывало казачество с Москвой. И в начале XVI в., когда великий князь Василий III решил перевести дипломатические отношения с Турцией на постоянную основу, он пригласил для консультаций донских атаманов (откуда видно, что контакты с ними уже существовали). Атаманы пояснили, что обмениваться посольствами на Переволоке нельзя из-за угрозы со стороны Астрахани, и был выработан механизм, что охрана и сопровождение посольств на Дону будет осуществляться казаками, а встреча и передача дипломатов будет происходить в низовьях Дона и на Медведице. Казакам за такую службу стало выплачиваться жалованье.

Но ситуацию на юге все больше определяло Крымское ханство. Под покровительством Блистательной Порты (Турции) оно усилилось. Добило Сарайскую орду. Зависимость от Крыма признали народы Северного Кавказа, ногайцы. Развернулось и соперничество за Казань. Русские князья неоднократно совершали походы на нее, возводя на престол своих ставленников. Однако крымские Гирей теперь считали себя правопреемниками Золотой Орды. Вмешивались в казанские дела, пророссийские ханы свержались, заменяясь антиросийскими. Мало того, чувствуя себя неуязвимым под эгидой Османской империи и получив выход на ее рынки, Крым занялся очень выгодным промыслом – охотой за рабами. Ежегодно татарские загоны стали выплескиваться за «ясырем», разоряя окраины России, Литвы, Польши.

Московская Русь зарождалась и росла как государство централизованное. Еще с Дмитрия Донского она каждое лето выводила войска на Окский рубеж. А при Василии III начали строиться гигантские фортификационные сооружения – засечные черты. В лесах рубилась сплошные завалы из деревьев, на открытых местах копался ров и насыпался вал с палисадами. Эти укрепления тянулись по линии Болхова – Белева – Одоева – Тулы – Венева – Рязани. Прикрыть такую протяженность войсками было невозможно, но засечные черты являлись препятствием для конницы. Ей приходилось останавливаться, рубить проходы или штурмовать города-крепости, что давало возможность стянуть силы на угрожаемый участок.

А для службы на засечных чертах правительство стало привлекать казаков. И тех, кто уже раньше осел в русском приграничье, и вольных. Им давали места для поселения, освобождали от податей, платили жалованье, а они за это выставляли посты, высылали разъезды, составляли гарнизоны укрепленных слобод и городов. *Так возникло служилое казачество, прикрывшее Рязанскую, Рязско-Сапожковскую, Липскую засеки.* Служилые казаки имели связи и с донскими, присылавшими предупреждения об опасности.

В Речи Посполитой дела обстояли иначе – спецификой этой державы были ее «свободы». Не для всех, только для знати, определявшей решения сената и сейма. Короли не имели ни реальной силы, ни денег, ни своей армии. Осуществить такие оборонительные мероприятия, как Москва, поляки не могли. Единственной силой, противостоявшей степнякам, тут были поднепровские казаки. К их помощи обращались и магнаты, чьи владения опустошались татарами. Эти паны и сами были русскими по крови, еще держались православия. В конце XV в. казаки служили у киевского воеводы Дмитрия Путятича. *А в 1506 г. аристократ Ляндскоронский и «знаменитый казак» Евстафий Дашкевич занялись организацией войска из казаков.* Ляндскоронский стал их гетманом, и в 1517 г. за успехи в войне с турками Сигизмунд I даровал казачеству «вольность и землю выше и ниже порогов по обеих сторон Днепра». Даровал так запросто, потому что поднепровские территории, постоянно находящиеся под угрозой набегов, лежали в запустении и никому из дворян были еще не нужны.

Главными базами казаков являлись Канев и Черкассы. Здесь степные воины зимовали, а летом выходили на охрану рубежей и на промысел в Дикое Поле. Но служба их не была государственной, они действовали по собственному разумению, причем разные общины казаков поддерживали друг с другом контакты. Днепровские казаки дружили с российскими поданными, севрюками, нередко промышляли рыбу на «северских реках». Ходили и на Дон, в 1517 г. там побывал Ляндскоронский, построив несколько городков. В 1527 г. крымский хан, заключивший союз с Польшей против России, писал королю: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям». Жаловался, что они напали на татарские тылы, когда «я шел на Московского князя... Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (*Московского князя*) под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву» [57].

В России организация казачества началась при **Иване Грозном**. Уже в начале его правления казаки все чаще фигурируют в дипломатической переписке. В 1538 г. при переговорах с Москвой на них жаловались ногайцы. Российские власти признавали наличие казаков в степи, но указывали, что за их действия не отвечают: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные ходят баловни казаки, а и наших украин (*окраин*) казаки, с ними смешавшись, ходят». В действительности ходили не только «баловни». Служилые казаки порубежья не ограничивались пассивной обороной, сами совершали вылазки в степь, объединяясь при этом с вольными казаками. В 1546 г. путивльский воевода доносил царю: «Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасцев (*украинцев*), и кыян, и твоих государевых, вышли, государь, на поле изо всех украин».

Количество вольных казаков множилось за счет добровольцев, беглецов из плена. И от Ногайской орды сыпались все новые жалобы. То на «казаков-севрюков» и «всю русь», осевшую на Дону, требуя «свести их» с этой реки. То на некоего **Сары-Азмана**, который со своим отрядом «на Дону в трех или четырех местах города поделали... да наших послов и людей стерегут и разбивают». Москва не отрицала, что Сары-Азман прежде служил царю, но потом ушел «в поле». В общем, ответы были стандартными – за действия таких ватаг Русь ответственности не несет, они «как вам, так и нам тати», вот и разбирайтесь с ними сами.

Но воспринимать подобные отписки буквально (как нередко делают историки) нельзя. Ногайцы, крымцы, казанцы, астраханцы вовсе не были невинными овечками. Русь страдала от них очень сильно. Причем не помогали никакие договоры. Когда московскому правительству удалось заключить соглашение о мире и дружбе со Стамбулом, и султан Сулейман в 1521 г. запретил Крымскому хану набеги, тот ответил: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?» Даже и денежные «поминки» Крыму (татары называли их данью) не спасали. Если сам хан соглашался не предпринимать походов, он отпускал «подкормиться» своих мурз, царевичей, иначе подданные его просто свергли бы. Страдала и торговля. Достаточно почитать «Хождение за три моря» Никитина, как караван купцов захватили и разграбили астраханцы, хотя он плыл вместе с посольством. А те же ногайцы на жалобы о нападениях на купцов отнекивались – дескать, не мы, «на поле всегда лихих людей много... и тех людей кому мочно знати, хто ни ограбит тот имени своего не скажет». Москва старалась не вступать в открытый конфликт с соседями. Но с помощью казаков отвечала «неофициально», имея возможность тоже отнекиваться и разводить руками.

А в 1540-х гг. против России развернулась настоящая необъявленная война. Боярское правление при малолетнем Иване IV принесло стране массу злоупотреблений, раздраз, смуты. Казна разворовывалась. Пошел развал в армии. Засечные черты остались недостроенными. А Крым и Турция не преминули воспользоваться такой ситуацией, чтобы подмять Московское государство. Крымцы опять усадили своего ставленника на престол Казани, подчинили Астрахань. Образовался единый фронт, охватывающий Русь полукольцом. Набеги резко активизировались. Современник писал: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте». Дошло уже и до того, что Казань требовала платить «выход» – такой же, как когда-то Золотой Орде. А крымский Сахиб-Гирей прямо писал царю, что турецкий султан «вселенную покорил», и «дай Боже нам ему твоя земля показати». В походе крымцев на Русь в 1541 г. участвовали не только татары и ногаи, но и «турского царя люди с пушками и с пищальми» [171].

Становилось ясно, что петлю, стягивающуюся вокруг Москвы, надо решительно разрубить. И самостоятельное правление Ивана Грозного началось с Казанской войны. Реорганизовывалась и усиливалась армия, она состояла из поместной конницы – бояр, дворян и детей боярских (мелкопоместных дворян), формировались полки регулярной пехоты, стрельцов. Войско включало и казаков, как служилых, так и вольных – их нанимали за плату отрядами во главе со своими выборными атаманами. Но первые походы на Казань в 1547 и 1550 гг. были неудачными. Тогда царь изменил тактику, весной 1551 г. была построена крепость Свияжск. Небольшая, казанцы ей не придали значения. Однако в крепости вместе с гарнизоном были размещены казаки. Они перекрыли «сторожами» сообщение между Казанью и Крымом, несколькими рейдами привели «под государеву руку» окрестные племена горной (правобережной) черемисы. И уже вместе с черемисами начали «на луговую (левобережную) сторону ходити воевать и языков добывать». Эти нападения вызвали в Казани панику, внутренний раскол, и уже летом ханство запросило о мире. Условия были продиктованы жесткие. Казань возвращала всех русских невольников (их набралось 60 тыс.!), выдавала царю крымского царевича с матерью и становилась вассалом Москвы, принимая на престол касимовского служилого «царя» Шах-Али и русский отряд. По сути, ханство капитулировало.

Но мир был недолгим. Крымский Девлет-Гирей и султан Сулейман тут же направили послов в Астрахань и Ногайскую орду, призывая к войне с русскими. Их эмиссары постарались взбунтовать казанцев. Шах-Али поспешил уехать, русские чиновники и дети боярские, оставшиеся в городе, были перебиты, Казань провозгласила ханом астраханского царевича

Ядигера. Переворот привел царя к выводу, что полумерами ограничиваться больше нельзя, и с самостоятельностью Казани надо покончить. В 1552 г. он стал собирать рать для решающего удара. Девлет-Гирей попытался предотвратить его, двинул на Москву крымскую орду, усиленную турецкой артиллерией и янычарами. Но об этом вовремя предупредили донские казаки. Русское войско выступило на юг, отразило татар под Тулой, а уж потом повернуло на восток.

Казаки в этой кампании участвовали очень активно. В донской песне взять Казань помогает Ермак Тимофеевич. Но это фольклорная фантазия более поздних времен. А в начале XVII в. на Дону еще помнили подлинные события и писали: «В которое время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы и казаки выходили з Дону и с Волги и с Яика и с Терека». А возглавил их атаман **Сусар Федоров** [171, 219]. Отсюда видно: во-первых, что к середине XVI в. казаки уже жили и промышляли на перечисленных реках; во-вторых – что Москва, несмотря на дипломатические отговорки перед татарами, поддерживала с казаками неплохие отношения; а в-третьих, что сами казаки на различных реках были связаны между собой. Осада Казани была очень трудной. Город жестоко сопротивлялся. Корпус хана Епанчи совершал нападения на тылы. С 30 сентября начались кровопролитные атаки крепости. А в день Покрова Пресвятой Богородицы, 2 октября, были взорваны мины, и летопись сообщает, как пошли на штурм «многие атаманы и казаки, и стрельцы, и многие дети боярские, и охотники». Казань пала. За проявленный героизм казакам, первым ворвавшимся в город, Иван Грозный пожаловал в вечное владение Тихий Дон со всеми притоками. Эта грамота не сохранилась, но казачество о ней всегда помнило. И именно в связи с Казанским взятием Покров Пресвятой Богородицы стал почитаться у казаков особенным, своим праздником. Общим – ведь в этой войне впервые выступили вместе донские, терские, волжские, яицкие казаки. И днепровские тоже, их привлекали на службу в качестве наемников. *А значит, эту дату, Покров Пресвятой Богородицы 1552 г., наверное, правомочно рассматривать как некую точку отсчета, как дату рождения российского казачества.*

4. О традициях

Но в этой точке, на переходе, так сказать, от «предыстории» к истории казачества, целесообразно остановиться. Потому что факты свидетельствуют: на историческую арену оно вышло весомой силой, в значительной мере сложившейся общностью, с уже сформировавшимися традициями – братства, самоуправления, самоорганизации, казачьего обычного права. Такой комплекс традиций никак не мог возникнуть сразу, случайным образом. И можно показать, что он вырабатывался в течение долгого времени, веками. Например, обычаи воинского круга были присущи многим древним народам – германским, славянским, есть версия, что и у скифов цари выбирались на кругу. Но от древнерусского веча и земских сходов Средневековой Руси казачий круг значительно отличался как по ритуалу, так и по функциям. Он был не только избирательным, но и высшим законодательным, административным и судебным органом с огромными полномочиями.

Как уже отмечалось выше, слово «казак» сарматское. И атаманская булава тоже пришла к казакам от сарматских народов. У них она являлась символом власти князей и военачальников, «булавы вождей» считаются у археологов характерной особенностью сарматских погребений. А само слово «атаман» северное, оно встречается в новгородских документах. И пришло от варягов, т. е. балтийских русов. В их языке было много германизмов, и «ватт-ман», «атта-ман» называли предводителей варяжских дружин, что означало «отец-витязь», «отец-муж» [106]. Отсюда и казачье «батька-атаман». От этого же народа перешел обычай запорожцев брить голову, оставляя оселедец – у русов оселедец считался признаком знатного рода. Лев Диакон, описывая князя Святослава, упоминает и одну серьгу в ухе. У казаков она означала единственного сына у матери – каковым и являлся Святослав.

Слово «есаул» – тюркское, «хорунжий» – польское, «писарь», «сотник», «судья» – русские. А среди казачьих законов, как уже отмечалось, встречаются и такие, которые действовали еще в начале нашей эры. То есть обычаи, терминология формировались постепенно, заимствуясь от разных народов. Но они отнюдь не случайны. Казаки и их предки почти всегда жили в экстремальных условиях. Для которых такие традиции оказывались оптимальными. Без братства, взаимопомощи было нельзя. Оптимальным являлся и обычай самоорганизации. Ведь любой народ можно покорить или рассеять, если разбить его войско, убить или пленить князя, хана – и обезглавленная, незащитная общность капитулирует или развалится. Но казаки сами по себе в своей совокупности были войском! И даже если в столкновении с врагом большинство погибнет, но уцелеет хотя бы трое, то они и будут войском. Могут составить круг, выбрать нового атамана и станут костяком для восстановления своей общности. Откуда и пословица «казачьему роду нет переводу».

В дореволюционной и советской историографии была внедрена теория, будто казачество составилось из беглых крепостных и староверов [63, 74]. Но почему-то никто из авторов таких утверждений не счел нужным задуматься, что до 1593 г. крепостного права на Руси не существовало, любой крестьянин имел право легально уйти от помещика на Юрьев день. Церковный же раскол случился в середине XVII в. Казачество сформировалось задолго до этих дат. Да и куда стал бы бежать крестьянин? В татарский плен? Дикое Поле потому и значилось «диким», что без умения владеть оружием, без организации и навыков выжить здесь было невозможно. И привычного хозяйства крестьянин тут никак не смог бы вести.

Существуют и гипотезы, что казаки составились из тех, кто удрал от царских репрессий, из беглых преступников, из шаек разбойников, выходивших в степь пограбить. Эти версии также не выдерживают критики. Разве правдоподобно, чтобы пострадавшие и обиженные в России проявляли такую верность ей, отдавали за нее жизни? Скорее, сомкнулись бы с ее врагами, как и поступали эмигранты в эпоху Ивана Грозного, некрасовцы и т. п. Наконец,

попробуйте представить, возможно ли братство и общая спайка между разномастными разбойничьими бандами? А ведь у казаков это было объединяющим началом – братьями считали друг друга казаки Дона, Днепра, Яика, Терека.

Да, казачество интенсивно пополнялось извне. Но за счет кого? В основном – жителей приграничья, привычных к условиям военного быта. Примыкали и просто удалыцы, «руку правую потешить», удачи поискать. Давали приток постоянные татарские набеги. Если степняки сожгли деревню, перебили и угнали близких, уцелевший мужик уходил в казаки. У него с татарами были теперь свои счеты. Как и у тех, кто бежал из плена. Впрочем, присутствовал и «разбойный элемент». Например, новгородские ушкуйники. Когда Иван III присоединил Новгород, переселив в другие земли часть его жителей, взял под контроль Верхнюю Волгу и Север, прежний промысел ушкуйников стал невозможен. И они подались в казачью среду. Видный исследователь истории Терека, Н.Н. Великая, приводит многочисленные доказательства присутствия в казачьей культуре новгородских элементов [23].

Но, повторюсь, разрозненные группы и одиночки сплотиться в единое явление под названием «казачество» никак не могли бы. А традиции казаков, хоть и имели местные отличия, но их главная основа является общей для всех рек и Войск! И как раз эти традиции становились индикатором принадлежности к казачеству, базой для его формирования. Значит, были и носители традиций. Ими являлись остатки «изначального», древнего казачества. Они и стали костяком, обраставшим новыми людьми, но обеспечивавшим общность и духовное единение. Как и адаптацию к специфическим условиям существования. В XVI–XVII вв. любой пришлый сперва становился «товарищем» старого казака. Который выступал его наставником, опекуном. И лишь прижившись, зарекомендовав себя, человек признавался полноправным казаком [171].

Еще раз коснемся и сказок о том, будто казаки в ту пору не женились. Разумеется, летописи и переписка царей их жен не упоминают, в документах подобного уровня такие вещи никогда не фиксировались. Но никаких законов о безбрачии у казаков не существовало, они не были ни аскетами, ни извращенцами. Запрет на связь с женщинами действовал только в походах, как и «сухой закон» – вполне здравые требования для поддержания дисциплины. На Дону в XVI в. неоднократно упоминаются сыновья казаков, потомственные казаки – а дети без жен, как известно, не получают. В царской грамоте 1624 г. упоминается, что еще раньше, в XVI в., многие донцы имели семьи в российских окраинных городах. Польские источники сообщают о женах днепровских казаков, живших в Черкассах, Каневе, Киеве. Ян Сеннинский писал о казаках: «Женщины у них наравне с мужчинами участвуют в военных действиях». Предания гребенцов говорят, что они издревле жили семьями, часто умыкали на женитьбу девушек у горцев. О семьях сообщают и предания уральцев. А Назаров, сопоставивший прозвища яицких казаков, встречающиеся в документах XVI в., с данными переписей 1632, 1723 гг., метрическими книгами XIX в., выявил четкую преемственность – некоторые прозвища продолжали существовать, превращаясь в фамилии [128]. Кстати, среди прозвищ XVI в. нередко встречается «болдыря» – а по казачьей терминологии так называли сына не-казака и казачки.

Другой вопрос, что многие казаки и впрямь оставались холостыми, не успевая обзавестись семьей из-за бурной и непоседливой жизни. Или становились вдовцами. Смертность была высокой, а опасность подстерегала каждый час. Один удачный налет на городок, когда казаки в походе – и они остались без жен и детей. Иностранцы посещали Дон уже позже, в начале XVII в. И в своих описаниях отмечали очень большую свободу казачек, их красоту, силу, выносливость, чистоту и опрятность жилищ. Рассказывали и о брачных обычаях. Церквей и священников тут еще не было, и жених приводил невесту на майдан. Атаман перед лицом всех казаков спрашивал молодых, любы ли они друг дружке, и объявлял мужем и женой. Легким был и развод – казак и его супруга снова приходили на майдан, муж сви-

детельствовал, что она была хорошей женой, но любви больше нет. И слегка отталкивал ее от себя. После чего другой холостяк был вправе накрыть ее полой зипуна, предлагая себя в мужа.

Обычаи, кстати, весьма архаичные и не славянские. На Руси развод был возможен только при уходе одного из супругов в монастырь. Впрочем, и в других вопросах отношение казаков к религии имело свою специфику. В России той эпохи чрезвычайное внимание уделялось внешним атрибутам: постам, регулярному посещению храмов, ритуалам праздников и т. п. Казаки были очень набожны, но выполнять эти требования попросту не могли. Как соблюдать посты, если хлеб покупной и не всегда есть, а основу питания составляют мясо и рыба? Священнослужители иногда имелись, но были и из расстриг, беглых монахов. Это считалось нормальным, где других взять? Иногда навещали священники, командированные Крутицкой епархией. Но часто их обязанности выполняли «уставщики», избранные из своей среды – те, кто лучше знает молитвы. Исповедовались им же или друг другу. А перед боем прикусывали кончик собственной бороды – полагали, что это в какой-то мере заменяет причастие [23].

Была распространенной и такая форма покаяния, как обеты. Исккупаться на Крещение, сделать вклад в монастырь. По обетам казаки периодически отправлялись на богомолье в монастыри – то в близлежащие, а то и в далекие, например, на Поморский Север. «Отмаливали грехи», после чего возвращались к привычному образу жизни. Но если, скажем, купец Афанасий Никитин, будучи за границей, не имел возможности соблюдать посты и службы, сбился с календаря церковных праздников и был от этого в ужасе – писал, что теперь его душа наверняка погибла, то казаки так не считали. Они пребывали в уверенности, что служат Богу по-своему, защищая православных людей от басурман. И Господь это учтет.

Таким образом, вырабатывалось осознание себя воинами Христовыми. Не в качестве гордыни или претензий на исключительность, а как констатация факта. Воины Христовы, а уж Он разберет, кто достойно послужил Ему, а кто оказался нерадивым.

Вера стала и одним из краеугольных камней традиций. А вторым была воля. Но здесь надо обратить внимание, что в XIX в. либералы произвели подмену понятий, внедрив вместо «воля» – «свобода». Идеализировалась «борьба за свободу», этот термин стал подразумеваться заведомым благом и противопоставлялся «рабству». А в таком контексте как же не согласиться? Однако в XVI–XVII вв. на Руси слово «свобода» применялось очень редко. В ходу был термин «воля». Который совпадает со «свободой» лишь в одном из значений, а в других расходится. Понятие «свобода» чисто механическое. Так, в физике говорят о «степенях свободы». Одна степень – способность частицы телепаться вдоль одной оси, две степени – по двум осям, три – по всем направлениям, четыре – тело вдобавок может вращаться вокруг одной оси, пять – вокруг двух осей, шесть – если способно перемещаться в пространстве и кувыркаться как угодно... Термин «воля», в отличие от «свободы», включает в себя целенаправленное, осмысленное начало. Говорят – «моя воля». (В том числе, если сочтено нужным, и воля на то, чтобы ограничить свою свободу.) Данное понятие включает и усилие по достижению цели – «волевое усилие», «силу воли». Наконец, оно имеет много уровней. Есть воля одного человека, воля коллектива – которая выше воли индивидуума, есть и Божья Воля...

«Свобода», доведенная до абсолюта, дает анархию, хаос. То бишь, царство лукавого. Воля – нет. Для нее идеалом будет случай, когда воля отдельного человека совпадает по направлению с волей коллектива и с Божьей Волей. И слово «рабство», на самом-то деле, антоним не для «свободы», а для «воли». Невольник – человек, не способный действовать по своей воле. В наше время можно привести массу примеров, когда люди, юридически вполне свободные, утрачивают собственную волю и живут по манипуляциям пропаганды, бездумно

следуют в русле навязанных им стандартов и ценностей. И вот эту разницу важно учитывать для правильного понимания психологии казачества и его истории.

Последующие исследователи внесли и искажение другого порядка – отождествление казаков с легкой конницей. То есть с родом войск. И в итоге ряд современных ученых договаривается до вывода: дескать, в современной войне легкая конница не нужна, поэтому и казачество не имеет будущего. Однако в действительности казаки были конницей далеко не всегда. Изначально они были пехотой и десантниками. Для табунов нужны пастбища, а степь еще принадлежала татарам. В кавалерийских боях с крупными отрядами степняков шансов на победу у казаков было мало. Как и на то, чтобы уйти на конях от татарской погони. Лошади имелись у служилых казаков – для разъездов, сторожевой службы. Вольные казаки тоже умели ездить верхом (как и все тогдашние русские), но использовали коней ограниченно – находясь на службе, для отдельных рейдов и дальних переездов (для чего их угоняли у татар). А главным транспортным средством являлась лодка. И операции чаще всего осуществлялись на лодках. Скрытно подплыть, внезапно высадиться, ударить, а потом отчалили – и попробуй достань на воде. И исчезли в сплетениях рек и проток.

Основной тактикой была стрелковая. Казаки учились владеть оружием с детства и славились исключительной меткостью. Что и неудивительно, ведь пропитание добывали охотой. Причем в середине XVI в. огнестрельное оружие применялось еще не слишком широко, но казаки всеми силами стремились обзавестись им – захватить, купить, выменять. И выделялись именно как мастера «огненного боя», оснащенность им была в среднем выше, чем в российской или европейских армиях. В морских столкновениях или при десантировании один борт лодки стрелял, другой перезаряжал ружья. Сметали врага огнем, а потом бросались в сабли.

А на суше казаки проявляли себя отличными фортификаторами. Первым делом старались огородиться, очень быстро возводили «острожки» (иностранцы называют их «фортами»). Или «засекались» завалом срубленных деревьев, делали кольцо из телег. Провоцировали противника на атаку, из-за укрытий косили пулями и стрелами, а потом довершали дело решительной контратакой. Подобную роль играли и укрепления казачьих городков. Преодолеть их вражеская конница не могла. А спешившись, татары в значительной мере теряли боевые качества. Казаки отстреливались, наносили им урон. А вести планомерную осаду, глядишь, и не станут – добыча небольшая, а серьезные потери гарантированы. *Своя «табель о рангах» – атаманы, есаулы, старишины, формировалась у казаков независимо от государственной службы.* Она тоже диктовалась жизнью: чтобы при необходимости быстро сорганизоваться, определить, кто из наличных казаков возглавит отряд.

Ну и в заключение коснемся еще одного вопроса. Древние касоги были отдельным неславянским народом (точнее, группой племен). Но они смешались с бродниками, приняли Православие, пошла широкая подпитка за счет русских, украинцев. Что же получилось? Этнос? Субэтнос? Впрочем, тут встает еще одна проблема... Выясняется, что до сих пор не существует однозначной формулировки, а что же это такое? Все определения этноса и субэтноса, сделанные различными учеными авторами, опровергнуты другими авторами, не менее учеными! Как ни парадоксально, современная наука не установила даже четких признаков, по которым выделяется этнос. Государственность? Нет. Существует множество народов, никогда не имевших своей государственности. Происхождение от общих предков? Опять нет. Оно никогда не может быть полностью общим. И наоборот, общие предки могут оказаться у разных этносов. Потому что любой народ формируется из множества компонентов, да и продолжает вбирать в себя те или иные «добавки» все время своего существования. Это характерно и для русских, и для французов, немцев, турок, американцев...

Казалось бы, однозначный признак – язык... И снова нет! По данному признаку мы должны были бы признать одним народом португальцев и бразильцев. Или испанцев, мек-

сиканцев, кубинцев, филиппинцев. По этому признаку нам пришлось бы признать народом воров, «ботающих» по фене. Вместе с тем нам пришлось бы считать, что нет немецкого народа, поскольку наречия разных германских земель очень сильно отличаются. Что нет грузинского этноса – там тоже диалекты настолько разнятся, что жители соседних долин могут друг друга не понимать. И что нет еврейского народа – у него много языков: иврит, идиш, английский, русский и др. Так по каким же все-таки признакам выделять народ? Единственный непротиворечивый ответ пока что дал Л.Н. Гумилев – по стереотипам мышления и поведения, по своей традиционной психологии [41]. И это действительно так. В одной и той же жизненной ситуации представители различных этносов поступят по-разному. На один и тот же внешний фактор отреагируют не одинаково. Допустим, похвала телесных прелестей жены, высказанная француз, будет воспринята как комплимент, а высказанная грузину – как оскорбление. Над шуткой, смешной для русских, не засмеется американец, он ее просто не поймет. А то, над чем будет ржать американец, покажется русскому пошлым и плоским.

При этом происхождение не всегда играет определяющую роль. Человек вполне может переходить из «системы координат» одного народа в систему другого. Так, о семье одного знакомого, переехавшего в США, мне довелось услышать любопытное высказывание: «У его старшей дочери наша, русская улыбка, а у младшей уже типично американская». Важную роль в таких случаях играет самоосознание человеком принадлежности к той или иной общности: кто для него «свой», а кто «чужие». Младшей девочке оказалось легче осознать себя «настоящей американкой», и она быстрее переняла иноземные стереотипы поведения. Точно так же «обрусевали» немцы, шотландцы, татары, когда порывали с прежней родиной и переходили на службу в Россию, навсегда связав себя с ее обычаями и системами ценностей.

И вот если руководствоваться критериями Л.Н. Гумилева, то казачество, выработавшее свою особую психологию, традиции, поведенческие стереотипы, действительно приобрело признаки народа. Однако и отдельным этносом не стало. С русскими казаков связывало Православие. А по понятиям той эпохи «православный» было тождественно слову «русский». Православные украинцы тогда называли себя «рускими». И человек любой нации, принимая православное крещение, становился «русским», с ним обращались как с полноправным русским. То есть казачество стало субэтносом, «народом внутри народа». Впрочем, ведь и сам по себе великорусский этнос, в XV–XVI вв. только еще формировался, объединяя в одно целое значительно отличавшиеся общности москвитян, новгородцев, рязанцев, смолян, севрюков, финские племена мерян, муромы, чудь, служилых татар, «литву» и т. д.

Но при слиянии особенности всех этих компонентов стирались, а у казаков, наоборот, утверждались и укреплялись. Почему? Тут надо учитывать, что образование любого нового народа – процесс не только благотворный, но и отнюдь не безболезненный. Самые активные, энергичные люди могут противиться «унификации». Они становятся тормозом на пути объективного процесса и, как правило, погибают – это происходило в феодальных и религиозных междоусобицах Западной Европы, Арабского халифата, Индии, Балканских стран. Однако в условиях России нашлась готовая древняя структура – казачество, которая нуждалась именно в таких людях! Вбирала их в себя. И им она вполне подходила, они дали старой форме новое наполнение. Таким образом формирование великорусского этноса и казачества шло одновременно, было «двуединым» процессом. Случай в мировой истории уникальный, оттого и не удастся втиснуть казаков в какую бы то ни было «стандартную» классификацию. Особенностью «двуединого» процесса стало и то, что казаки не отделяли себя от Российского государства (как следовало бы по версии о «беглых» – из самой психологии эмигрантов), а, напротив, крепили связи с ним. И еще одним краеугольным камнем казачьих традиций стал российский патриотизм.

5. Казачество на службе России

Казанское взятие стало в истории России столь же важной вехой, как Куликовская битва и Стояние на Угре. Русь уже не только оборонялась от татар, она перешла в наступление! Она красноречиво продемонстрировала свою мощь, и ее зауважали. На сторону царя предпочла перейти Большая Ногайская орда, кочевавшая между Волгой и Яиком. Однако война еще не кончилась, сопротивлялись некоторые районы Казанского ханства, а поддерживал их астраханский хан Ямгурчей. И в 1554 г. русская рать во главе с Юрием Пронским-Шемякой выступила на Астрахань. В этой кампании решающую роль сыграли казаки. Волжцы и донцы, которыми командовал атаман **Федец Павлов**, выступили к Переволоке навстречу воеводе. Но обнаружили выдвигавшееся астраханское войско и возле Черного острова разбили его. Хан бежал. Павлов двинулся следом на стругах, захватил суда с пушками и гарем Ямгурчея. Астрахань сдалась без боя. На ее престол посадили сына ногайского хана Дервиш-Али.

А продвижение на Нижнюю Волгу выводило Россию к Северному Кавказу. Но политическая карта этого региона значительно отличалась от нынешней. В степях Кубани и Ставрополья кочевала Малая Ногайская орда, а горцы разделялись на множество родовых княжеств – черкесских, кабардинских, осетинских, дагестанских. Господствующее положение здесь в то время занимала Кабарда. Она была значительно больше, чем сейчас. Ей принадлежали Пятигорье, территории Карачаево-Черкесии, междуречье Терека и Сунжи. В зависимости от Кабарды находилась часть черкесских и чеченских родов. *На Кавказе жили и гребенские казаки, появившиеся тут в XV – начале XVI в.* По преданиям, первый отряд пришел с Дона во главе с атаманом **Андреем Шарой**. Как показывают исследования, сперва казаки «кочевали в гребнях» (горах) по рекам Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ, Сунжа, в Воздвиженском и Татартупском ущельях, по Качкалыковскому хребту. Оставляли одно место и переходили в другое. Но потом выбрали постоянное пристанище – по р. Сунжа (в фольклоре гребенцов ее зовут Сунжа-матушка) [23]. Здесь казаки установили весьма дружественные отношения с кабардинцами, стали союзниками.

Но в Закавказье шли непрестанные войны между Ираном и Турцией, причем обе державы не оставляли попыток подчинить и Северный Кавказ. Пробовало это сделать и Крымское ханство. Татары и ногайцы теснили горцев, взимали дань не только скотом, но и людьми. Местные народы сопротивлялись, отбивались в своих крепостях. Однако в середине XVI в. хан Девлет-Гирей, получив от турок артиллерию, развернул наступление на адыгов и кабардинцев, разбивая их замки. Требовал признать подданство, принять ислам. И еще до взятия Астрахани посольства черкесских и кабардинских князей прибыли в Москву, просили принять их «под государеву руку» и оказать покровительство.

Для переговоров на Кавказ был направлен дипломат Андрей Щепотьев. И в 1555 г. к Ивану Грозному прибыло новое посольство от кабардинцев, «дало правду на всю землю». В состав посольства входили и гребенские казаки. Царь согласился принять Кабарду в подданство, послы принесли присягу, «что им со всею землею Черкасскою служить государю». И любопытно, что правительственные чиновники знали давнюю историю кавказских народов. Или кабардинцы подсказали. Дабы подвести под решение юридическую базу, указывалось, что некогда «черкасы» (кабардинцы) являлись «холопами» Тмутараканских князей, а когда их земля «отошла к нечестивым», «вселились в горы» [35, 199]. То есть мы видим явное подтверждение версии о касогах и черкасах, рассеявшихся в XIII в. под ударами Батыя.

А предание гребенцов рассказывает, будто сам Иван Грозный побывал на Тереке, и казаки поставили ему условие – сохранить их волю. Царь согласился и даровал им здешние земли за службу по охране границ. В действительности Грозный никогда на Кавказ не ездил.

Очевидно, легенды сохранили память о визите Щепотьева или переговорах в Москве. Но условия зафиксированы верно. Для кавказских народов подданство оставалось чисто номинальным, сохранялось прежнее управление, законы, дань не взималась, московская администрация не назначалась. Горцы лишь брали обязательство защищать царские владения, получая за это русскую помощь. В том же 1555 г. вассалом царя признал себя Сибирский хан Едигер. Но для него условия подданства были другими – Сибирь стала платить ежегодную дань в тысячу соболей.

Однако турки и крымцы с успехами России отнюдь не смирились. Их эмиссары стали сеять смуту среди волжских народов, подбивали к восстаниям, обещали поддержку. И в 1556 г. изменил астраханский хан Дервиш-Али. К нему из Крыма пришла тысяча конников и янычар, русские, находившиеся в городе, были вероломно перебиты. Отряд воеводы Мансурова, прикрывавший Переволоку, под ударами неприятеля отступил к донским казакам в городок Зимьево. Иван Грозный стал собирать против Астрахани рать под командованием воевод Черемисинова и Писемского. Отличился в этот раз донской атаман **Ляпун Филимонов**. Он понял, насколько важно не упустить время, пока астраханцы не изготовились к обороне. И казаки напали на врага, не дожидаясь воевод. Погромили улусы, нанесли жестокое поражение войску. Среди астраханцев началась паника, они перепугались мести за содеянное. И прибывшее русское войско нашло город пустым. Многих «бегавших» астраханцев взяли в плен ногайцы, Дервиш-Али удрал в Крым. А Астрахань окончательно вошла в российский владения.

К сожалению, это привело к трениям с казаками. Правительство, которое возглавлял Алексей Адашев, придавало слишком большое значение союзу с ногайцами, склоняло их к переходу в подданство. Но ногайцы издавна конфликтовали с казаками. И выдвинули условия, чтобы их избавили от такого соседства. Москва согласилась. В обмен на присягу о верности было обещано, что царь поставит на Волге стрельцов и «казаков добрых вам на бережение, в которых воровства нет». В столицу пригласили Ляпуна Филимонова, облакали, пожаловали в чин сына боярского. И назначили во главе «казаков добрых», ему и воеводе Кобелеву ставилась задача – прочих казаков с Волги «всех согнать». Но прежние соратники признали такое поведение атамана изменой казачьему братству. А за измену ответ был один... Филимонова вызвали на круг вольных казаков, он был осужден и казнен.

И все же, несмотря даже на такие эксцессы, казачество в целом оставалось надежнейшим и ценнейшим союзником Москвы. Причем на службу к Ивану Грозному перешли уже и днепровские казаки. А почему ж не перейти, если враги были общими? Татары наведывались на Украину ежегодно. Угоняли то 5, а то и 50 тыс. человек за раз. Возглавлял днепровских казаков князь **Дмитрий Вишневецкий** по прозвищу **Байда**. По происхождению русский, православный. По натуре – рыцарь, отчаянный рубака. Впрочем, был и изрядным авантюристом. Успел послужить даже туркам. Но вернулся обратно к полякам, получил пост старосты Черкасского и Каневского. Казаки его любили, избрали гетманом, и он обратился к царю, предлагая перейти в подданство со своими городами. Иван Грозный войны с Польшей не желал, городов не взял. А вместо этого пожаловал Вишневецкому удельное княжество в России и принял в службу «со всем казачеством». Таким образом под властью царя собралось казачество всех рек!

И с помощью казаков Россия перешла в наступление уже и на главное гнездо хищников – Крым! В 1556–1559 гг. на него посыпались удары со всех сторон. К казакам посылались русские воеводы с отрядами. На Дон – Данила Чулков, на Днепр – дьяк Ржевский, Данила Адашев. Были разгромлены предместья Очакова, взята крепость Ислам-Кермен на Днепре. *Вишневецкий впервые создал базу в еще пустынном Запорожье, перевез из Ислам-Кермена трофейные пушки на о. Хортица, где и построил первую Сечь.* И татарам только с огромным трудом, после 24 дней атак, удалось заставить казаков отступить с Хортицы. На Дону и

Днепре строились лодки, и казачьи эскадры стали выплескиваться в море, нападая на Керчь, Евпаторию и другие населенные пункты Крыма.

Это оказалось очень эффективным. Защитить все побережье было невозможно. Казаки легко находили слабые места, нападали, а пока враг успевал сорганизоваться, уже отчаливали. Захватывалась огромная добыча, освобождались тысячи невольников. Как докладывал Адашев, «русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала... а ныне морем... в малых челнех якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кров христианскую поганым, здорово отъидоша». Хан Девлет-Гирей пребывал в шоке, «у турецкого салтана помощи просил» – ждал, что сам Грозный предпримет поход на Крым. Бахчисарайские дипломаты вопили, что Россия действует по «казанскому сценарию». Там, мол, тоже сперва казаков напустили, а потом и захватили.

Тем временем кабардинцы и адыги с гребенцами разорили Темрюк и Тамань. В 1558 г. по приказу царя Вишневецкий с днепровскими казаками совершил поход в Кабарду. Помог ей против ногайцев и вместе с кабардинцами ударил на крымцев. В 1559–1560 гг. кабардинцы с гребенскими казаками совершили два похода в Дагестан против шамхала Тарковского, занимавшего протурецкую позицию. Он был разгромлен и вступил в переговоры о переходе под власть царя. *В эти годы на Кавказе, кроме гребенцов, появилась еще одна, другая община казаков – на Нижнем Тереке (впервые упоминается в 1563 г.).* Судя по сведениям из дипломатической переписки, что «на Тереке волжские казаки громят» турецких гонцов, и о казаках, «которые Волгою приходят в Терку», нижнетерская община отпочковалась от волжских казаков, построила Трехстенный городок и прочно обосновались в нем.

Однако вскоре политическая ситуация изменилась. Потому что правительство Адашева допустило грубую ошибку: В Прибалтике вел себя враждебно Ливонский орден. Не пропускал в Россию приглашенных мастеров, стратегические товары, заключал союзы с недругами Москвы. Но орден был очень слаб, и правительство сочло, что раздавить его и прорубить выход к Балтике будет легко. А чтобы не вмешалась Польша, Адашев придумал «хитрый» ход – в качестве компенсации предложить ей союз против Крыма. Ну неужели король не согласится, если хан не дает житья обеим державам? Однако Сигизмунд II вовсе не собирался уступать русским Прибалтику. И, невзирая на татарские набеги, не желал крушения Крымского ханства, считая его необходимым противовесом России. Сигизмунда поддерживал папа римский. И с его помощью против Москвы вызрел заговор, в который были втянуты Польша, Литва, Ливония, Крым, Турция. При переговорах с царскими дипломатами король обманул. На словах соглашался на альянс, но от конкретных обязательств под разными предлогами уклонялся, а сам... тайно заключил союз с Девлет-Гиреем. И русское правительство попало в расставленную ловушку. Не завершив одной войны, ввязалось в другую.

В 1558 г. царское войско выступило на запад. Сперва все шло, как по писаному. Ливония удара не выдержала, ее города сдавались один за другим. А казаки продолжали рейды на Крым. Вдобавок раздули смуту в принадлежавшей туркам Молдавии, посадили на ее престол самозванца Василида. Но Ливонский орден отдался вдруг под покровительство Польши. Вмешались и Швеция. И Москва неожиданно для себя оказалась перед лицом нескольких сильных врагов. Уже с 1561 г. царю пришлось менять политику. Он дал знать в Крым, что готов мириться и выплатить большие «поминки». Не тут-то было! Девлет-Гирей тоже прекрасно понимал, в каком трудном положении очутились русские. Отвечал, что «многими кунами мысль моя утешена не будет» – выдвинув требование отдать Казань и Астрахань.

Между тем сворачивание операций на юге не понравилось Вишневецкому. Он пришел к выводу, что триумфов здесь больше не предвидится, и очередной раз сменил подданство, вернулся на службу польскому королю. Но днепровские атаманы **Савва Балыкчей**

Черников, Ивашка Пирог Подолянин, Ивашка Бровка и другие отказались ему повиноваться, сохранили верность царю. Дальнейшая участь Вишневецкого была трагичной. На службе королю ему быстро наскучило, он снова набрал отряд казаков и ринулся в очередную авантюру – решил сесть на молдавский престол. Однако молдаване выдали его туркам, и бывшего гетмана подвергли жуткой казни, повесили на остром крюке под ребро. А пророссийская часть днепровских казаков выбрала гетманом **Богдана Ружинского**, тоже князя и богатого магната. Впрочем, ориентация на тех или иных знатных панов была в XVI в. характерной для украинских казаков и являлась вполне рациональной. Подобный покровитель мог предоставить свои замки в качестве баз, помогал обеспечивать оружием, селил у себя казачьи семьи. А Ружинский симпатизировал царю и имел с «басурманами» личные счеты – в татарском плену сгинули его жена и дочь. И под его началом казаки возобновили удары по Крыму и туркам.

6. Начало Войска Донского

Боевые действия против Польши сперва протекали успешно. В 1563 г. царь предпринял победоносный поход на Полоцк – в составе его армии числилось 6 тыс. казаков, служилых и вольных. Но затем война стала приобретать затяжной характер. Победы чередовались с неудачами. Росли потери, истощались средства и ресурсы. Этим в полной мере воспользовался крымский хан. Его набеги опустошали Мценск, Северщину, Рязанщину. На Кавказе ногайцы стали теснить кабардинцев. Царский тесть Темрюк Идарович Сунжалей обратился за помощью к зятю, и в 1567 г. в устье Сунжи была построена первая русская крепость на Кавказе – Терский городок. Сюда прибыл отряд стрельцов, на службу привлекались и гребенские казаки.

Однако для активной войны на нескольких фронтах сил не хватало. Царские рати, прикрывавшие южные рубежи, становились все слабее. Да и из казаков значительная часть отвлекалась в Польшу и Ливонию. А татары теперь старались отыграться. Нападали на донские городки, захватывали жен и детей. Если же удавалось поймать казаков, в плен их уводили редко. Понимали, что «хороших» рабов их них не получится, и подвергали страшным казням. Сдирали кожу, сажали на кол, зарывали заживо. Но донцы держались, осаживали врага.

В этих схватках выдвинулся один из величайших героев Дона – атаман **Михаил Черкашин**. Судя по прозвищу, он мог быть из украинских казаков, а мог быть и из терских, часто роднившихся с «черкасами». Но в российские документы раз за разом попадали сведения о его подвигах. Именно с ним связано первое упоминание о выходе донцов в море – в 1556 г. отряд Черкашина погромил окрестности Керчи. В 1559 г., по записям Разрядного приказа, атаман разбил крымцев в верховьях Северского Донца, прислав «языков» в Москву. Казаки верили в его удачу, считали его «характерником» – полагали, что он может и пули, и ядра заговаривать. Но Черкашин был не просто удачливым атаманом. С его именем связано и объединение Войска Донского. После падения Астрахани места у Переволоки стали не такими опасными, исчезла «преграда», разделявшая низовых и верховых казаков. Но потребовалось и объединение другого рода. На Дону и его притоках оседали не только казаки. Были разбойничьи шайки, знать не желающие казачьих законов. Были «самостийные» атаманы, предпочитающие жить сами по себе. Изначально центром объединения стало низовое казачество. Оно ведь и сложилось в отрыве от России, в случае чего могло рассчитывать только на себя. Поэтому и потребность в сплочении тут была сильнее. И в общую войсковую структуру сперва объединились низовые городки, возникло Нижнее Большое Войско.

В 1560-х – начале 1570-х гг. было осуществлено вовлечение в эту структуру верховых казаков. Речь еще не шла о полном слиянии. Но на казачество «всех рек», всех притоков Дона, распространялось общее войсковое право, традиция общего круга и обязанности его решений. Для этого велись переговоры с верховыми атаманами и казаками, высылались делегации. Но таких мер оказывалось недостаточно. Подчиняться большинству и стоять заедино выражали желание отнюдь не все. Что ж, в таких случаях казачество не останавливалось перед крайностями. Некоторые городки брались «на шит», смутьянов и самостийников сурово карали. Однако благодаря этому было достигнуто единение, и Дон выстоял в смертельной борьбе.

Между тем положение России продолжало ухудшаться. Из-за войны налоги выросли вдвое, крестьяне разорялись. В 1566–1567 гг. прокатилась эпидемия чумы, унесшая множество жизней. А меры царя по укреплению центральной власти вызывали недовольство бояр. Они изменяли, строили заговоры. В ответ следовали репрессии. Но при этом вассалы и дружинники опальных вельмож тоже оказывались обиженными, дезертировали, бежали за

рубеж. И в Стамбуле сочли, что наступил самый подходящий момент сокрушить Москву. А стоит напомнить, в XVI в. Османская империя находилась на вершине своего могущества, охватывая всю Юго-Восточную Европу, Ближний Восток, Северную Африку. Турки создали лучшую и величайшую в мире армию, их считали «потрясателями вселенной». После долгих войн с Ираном султан заключил мир, поделив пополам Закавказье. А в 1568 г. заключил мир с германским императором, отобрав у него почти всю Венгрию. Силы Турции высвободились для удара на север.

Был разработан грандиозный план направить флот и армию на Дон, очистить его от казаков, прорыть канал и провести корабли на Волгу. После чего Астрахань и Казань достались бы османам, под их власть переходил и Северный Кавказ. А России, попавшей в полуокружение, осталось бы только капитулировать. Для реализации этого проекта в Азов стягивались корабли, воинские части. Казанцы и астраханцы заверили, что при появлении турок поднимут восстание. О поддержке турок заявили шамхал Тарковский и хан Тюменский. И летом 1569 г. началось вторжение. Огромный флот и армия под командованием Касим-паши двинулись на Дон. Шло более 100 судов, 17 тыс. турецкой конницы, 40 тыс. татарской, янычары. По русским данным, рать насчитывала 90 тыс. (но это, видимо, с рабочими-землекопами). Казаки такой лавине сопротивляться не могли. Многие из них находились в Ливонии. А оставшиеся уходили, бросая городки. Русского посла Мальцева, ехавшего к ногайцам, турки захватили и везли, привязав к мачте – пусть увидит триумф османского оружия.

Однако большие турецкие суда садились на мели, их приходилось разгружать, стаскивать, и армада ползла до Переволоки 5 недель. Лишь в августе Касим-паша разбил лагерь на Иловле и распорядился приступить к работам. Царь предпринимал экстренные усилия, чтобы противостоять врагу. Собрав кого смог, направил в Астрахань на стругах «плавную рать» князя Петра Серебряного. Но она была небольшой. Князь дошел до Царицына острова, узнал о силах Касим-паши и от боя уклонился, отступил выше по реке. Иван Грозный разослал и призывы к казакам. На помощь донцам прибыли 5 тыс. днепровских казаков во главе с Ружинским. Явились и кабардинцы с гребенцами. И на вражеских коммуникациях началась партизанская война. А тем временем Касим-паша понял, что прорыть канал нереально. Попытались тащить корабли волоком, с помощью катков, но они были слишком тяжелыми, ничего не получалось. Зато прибыло посольство астраханских татар и заверило, что суда на Волге не понадобятся. Пусть турки быстрее наступают, а уж астраханцы их и плавсредствами обеспечат, и снабжением, и ворота города откроют.

И Касим рискнул. Отправил флот с артиллерией и припасами обратно в Азов, а войско пошло дальше налегке. 16 сентября оно подступило к Астрахани, и «астороханские люди со многие суда к ним приехали». Начали строить осадный лагерь. Но астраханский воевода Карпов предпринял должные меры, крепость ворот не открывала. А казаки нанесли удар по тылам. Не по туркам и татарам, а по изменившим астраханцам, взявшимся снабжать неприятельскую армию. Погромили и разогнали их. Захватили и разметали «многие суда», очистив Волгу. И рать Серебряного, усилившись за счет казаков, проскочила в город. После чего Касим-паша очутился в тупиковом положении. Теперь перед ним была крепость с большим гарнизоном, готовая к обороне. Штурмовать ее без артиллерии было нельзя. И осаждать тоже – армия осталась без припасов, в кольце казачьих отрядов. К тому же начиналась осень с дождями. Голодные янычары взбунтовались. И уже 26 сентября паша поджег лагерь, повел войско назад. Причем и прямой путь по Манычу оказался перекрыт казаками. Туркам и татарам пришлось выбираться через степи Северного Кавказа, без еды и воды. Из всей армии вернулось лишь 16 тысяч...

Часть украинских казаков, пришедших с Ружинским, на Днепр возвращаться не стала. Решила остаться на Дону. И в 1570 г. основала Черкасск. А Иван Грозный надеялся, что после такого провала неприятели станут сговорчивее, направил в Бахчисарай и Стамбул

посла Ивана Новосильцева с очередными предложениями о мире. В связи с этим послал грамоту «на Донец Северский», в ней указывалось – «проводить посла из Рыльска велели к Азову Мише Черкашину» и сообщалось, что за службу казакам выделено «государево жалование: деньги, и сукна, и селитру, и свинец». Грамота в общем-то обычная. Такие поручения казакам давали уже давно. И все же этот документ стал особенным. В 1860-х гг. было решено установить «старшинство» Казачьих Войск. А критерием было принято считать самый ранний документ о выполнении казаками службы российским царям. И именно эта грамота в архивах оказалась самой ранней. Были, конечно, и другие, но не сохранились. А она сохранилась. *Отсюда и официальное старшинство Всевеликого Войска Донского было установлено с 1570 г.*

Однако посольство Новосильцева успехом не увенчалось. Поражение турок и татар не образумило. Наоборот, обозлило, и они грезили о реванше. В 1570 г. последовали нападения крымских мурз на каширские, рязанские, новосильские окрестности, царевич Адиль-Гирей разгромил кабардинцев, Темрюк Идарович был ранен, двое его сыновей попали в плен. Причем единства среди кабардинцев не было – ими правил не один Темрюк, у разных родов были свои князья. Когда запахло жареным, часть из них переметнулась к татарам. На их сторону перешли адыги, изменила Большая Ногайская орда.

И летом 1571 г. Девлет-Гирей выступил на Русь со всеми силами. Впрочем, сперва ставил ограниченные цели – хотел напасть на Козельск. Но к нему явилась группа изменников под предводительством Башуя Сумарокова. Сообщили, что на Руси «была меженина великая и мор», что войска «в Немцах», а у царя «людей мало». И Девлет-Гирей повернул на Москву. Россия и впрямь была очень ослаблена. По ней вторично прошла чума, добавились неурожай, голод. И на Оке удалось собрать лишь 6 тыс. воинов во главе с Иваном Бельским. Чтобы подкрепить его, выступил сам царь с опричниками. Но перебежчики показали хану броды через Оку, и орда обошла русское войско. А царь и воеводы неожиданно узнали, что враг уже у них в тылу! Иван Грозный с частью опричников спешно уехал. А Бельский форсированным маршем погнался к Москве – она осталась вообще без защитников! Хан и русская рать подошли к столице одновременно. Бельский все же успел ввести воинов в город, и когда враг полез в атаку, дал отпор. Но тогда... татары подожгли Москву. Случился один из самых страшных пожаров. Погибли сотни тысяч людей. В том числе и защитники, воеводы. Погибло и много крымцев, кинувшихся грабить. И Девлет-Гирей предпочел увести орду от пылающего города – вместо этого беспрепятственно набрал по русской земле огромный полон.

Ответные удары не заставили себя ждать. Днепровские казаки «впали за Перекоп», погромили крымские улусы. А волжские казаки отплатили Ногайской орде за измену, совершили рейд на ее столицу Сарайчик, разорили его и сожгли. Тем не менее для России случившееся стало колоссальной катастрофой. Таких потерь, такого унижения страна не знала уже давно. Иван Грозный после сожжения Москвы готов был мириться уже на любых условиях. Выражал готовность отдать Астрахань, платить «поминки». Приказал скрыть Терский городок, раздражавший Стамбул и Бахчисарай. Но нет, теперь врагам этого было мало! От султана русские послы получили ответ грубый и заносчивый – Селим II соглашался на мир только в том случае, если царь уступит Казань, Астрахань, а сам станет «подручным нашего высокого порога», т. е. признает себя вассалом Турции. В Крыму были настроены еще более решительно. Зачем брать часть, если можно взять все? Ведь прошлый поход показал, как легко громить обессиленную Русь. Значит, оставалось ее добить совсем. Вообще ликвидировать российскую государственность! В Бахчисарае уже распределяли наместничества – кому из мурз дать Москву, кому Владимир, кому Суздаль. А купцы, спонсирующие поход, уже получали ярлыки на беспошлинную торговлю по Волге.

Россия тоже готовилась. Во главе войска были назначены лучшие полководцы Михаил Иванович Воротынский и Дмитрий Иванович Хворостинин. Но сил не хватало. На окский рубеж ратников скребли «с миру по нитке». И вот тут-то казакам в первый раз суждено было спасти Москву и Россию. Михаил Черкашин поднял и привел на подмогу казачий Дон. Сколько человек было с ним, неизвестно. Разрядный приказ сообщал о численности армии: «И всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20 043, опричь Мишки с казаки». Как видим, донцы названы отдельно, то есть отряд был значительным. По разным оценкам, 3–5 тыс. К тому же это были отборные, высокопрофессиональные бойцы. Но и в числе 20 тыс. «опричь Мишки» было как минимум еще 2 тыс. казаков, разрядные росписи указывают тысячу «казаков польских наемных с пищальми», и тысячу волжских казаков наняли на свой счет Строгановы. По планам казакам предстояло действовать на стругах, прикрывая переправы Оки, а в случае отступления хана выбирать места для засад и нападать, отбивая полон. Но на такой исход надежды было мало. Силы оказывались слишком неравными. Царь перенес свою резиденцию в Новгород, туда же эвакуировали государственную казну. Да, это был один из самых критических моментов в истории нашей страны...

Девлет-Гирей поднял орду, 40–50 тыс. татар. К нему примкнули 20 тыс. всадников Малой и Большой Ногайской орд, отряды кавказских горцев, ополчения турецких городов. Султан прислал янычар, пушкарей с орудиями. Собралось 80—100 тыс. воинов, не считая обозов, слуг. В июле эти полчища устремились на север и появились у Серпухова. Русские войска изготавились к обороне, отбросили головные разъезды. Однако хан позаботился заблаговременно собрать сведения о местности. И, демонстрируя, будто готовит переправу у Серпухова, двинул главные силы вверх по реке. Ночью татары форсировали Оку через Сенькин брод. Опрокинули сторожевой полк Ивана Шуйского. Воевода Хворостинин попытался задержать врага, спешно направив полк правой руки на рубеж р. Нары, но и он был отброшен. Вражеская армия обошла русскую, оставив ее в тылу, и по Серпуховской дороге устремилась к незащищенной Москве. Казалось, прошлогодняя история повторяется. Но во главе русских ратей стояли другие военачальники. Они не стали наперегонки с противником мчаться к столице, а затеяли другую игру. Смертельно опасную, но сулившую единственный шанс на успех. Вцепились татарам «в хвост» в надежде оттянуть назад, на себя.

Хворостинин, собрав всю конницу, бросился в погоню и разгромил арьергард, которым командовали крымские царевичи. Хан уже дошел до р. Пахры возле Подольска. Но озабочен ударом с тыла, остановился и выделил сыновьям еще 12 тыс. конницы, чтобы устранили досадную помеху. Мы не знаем, участвовали ли в разработке планов Черкашин и другие атаманы, но, во всяком случае, был применен типичный казачий «вентерь». Русская пехота и артиллерия подтягивались следом за конницей, выбрали удобное место у дер. Молоди, на холме, прикрытом р. Рожайкой, и укрепились, поставив «гуляй-город». А кавалерия под натиском крымцев покатила назад. И, удирая по Серпуховской дороге, подвела разогнавшихся татар прямо под батареи и ружья гуляй-города. Врага покосили огнем, нанесли огромные потери. И хан сделал именно то, ради чего предпринимались все усилия. Не дойдя до Москвы 40 верст, повернул обратно, на русскую рать.

30 июля разгорелось сражение. Противник обрушился всей массой. Шесть полков московских стрельцов, 3 тыс. человек, прикрывавших подножие холма у Рожайки, погибли до единого. Сбили с позиций и конницу, оборонявшую фланги, заставили отступить в гуляй-город. Но само укрепление устояло, отражая все атаки. Были убиты ногайский хан, трое мурз. А лучший крымский полководец, второе лицо в ханстве Дивей-мурза, решив лично разобраться в обстановке, неосторожно приблизился к гуляй-городу и был взят в плен. Враг понес такой урон, что двое суток приводил себя в порядок. Но и положение русской армии было тяжелым. Она оказалась заперта в укреплении почти без еды и фуража, отрезана от

воды. Люди и кони слабели, мучились. Воины пытались копать колодцы «всяк о своей голове», но ничего не получалось.

А 2 августа возобновился яростный штурм. Лезущие татары и турки устилали холм трупами, а хан бросал все новые силы. Подступив к невысоким стенам гуляй-города, враги рубили их саблями, расшатывали руками, силясь перелезть или повалить, «и тут много татар побили и руки поотсекли бесчисленно много». Уже под вечер, воспользовавшись тем, что противник сосредоточился на одной стороне холма и увлекся атаками, был предпринят смелый маневр. В гуляй-городе остались Хворостинин и Черкашин с казаками, пушкарями и немцами-наемниками, а конницу Воротынский сумел скрытно вывести по ложине и двинулся в обход. При очередном штурме неприятеля подпустили вплотную без выстрелов. А потом из всех ружей и пушек последовал залп в упор, и защитники с криком выскочили в контратаку. А в тыл хану ударила конница Воротынского. И орда... побежала. Бросая оружие, обозы, имущество. Ее гнали и рубили. Погибли сын и внук хана, «много мурз и татар живых поимали». Несмотря ни на какую усталость, измученность, незваных гостей «проводжали» до самой Оки – здесь 3 августа прижали к берегу и уничтожили 5 тыс. крымцев. Многие утонули при переправе.

Полный разгром многократно превосходящих врагов был настоящим чудом... Кому-то из участников битвы было видение, что в критический момент на помощь изнемогавшим ратникам явились семь святых князей – Александр Невский, Борис и Глеб, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Юрий и Ярослав Всеволодовичи. Пришли с Небесным Воинством, незримо встали в ряды воинов и помогли опрокинуть татар [42]. А царь признал, что победа одержана благодаря заступничеству святых великомучеников и чудотворцев князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (потому что воевода Воротынский был прямым потомком Михаила Черниговского). И Иван Грозный распорядился о торжественном перенесении мощей свв. князя Михаила и боярина Феодора из Чернигова в Москву, даже самолично написал тропарь в их честь.

К сожалению, либеральные историки XIX в., поливая грязью Ивана Грозного, сумели «заодно» очернить и всю его эпоху. Стало автоматическим подразумеваться, будто в его времена ничего яркого и великого происходить не могло. Затерлась и память о битве при Молодях. Автору неоднократно приходилось бывать на ее месте.

И даже здешние жители и дачники ничего не знают о давних событиях. Хотя эта битва должна была бы стоять в одном ряду с такими сражениями, как Куликовское, Полтавское, Бородинское. Сражениями, в которых решалась судьба России. Академик Р.Г. Скрынников назвал победу при Молодях «крупнейшим событием русской истории XVI в.» [171]. Фактически она остановила османскую экспансию на север. И пресекла последнюю реальную попытку восстановить на Руси татарское иго.

Если будете проезжать на машине по Старому Симферопольскому шоссе, между Подольском и Столбовой обратите внимание на деревню Молоди. А если будете ехать на электричке или поезде по Серпуховскому направлению – на станцию «Колхозная». Течет здесь и речка Рожайка. Она сейчас превратилась в ручей, а возле Молодей перекрыта и образует пруд. На той самой низине, где полегли стрельцы. А за прудом, на берегу, противоположном от Москвы, вы увидите холм с церковью. Как раз на этом холме стоял гуляй-город. Перекреститесь и хотя бы мысленно помяните русских ратников и казаков, доблестно сражавшихся и умиравших здесь знойным летом 1572 г.

7. Начало Оренбургского и Терского Войск

Битвой при Молодях война с Крымом отнюдь не завершилась. Предложения о мире хан по-прежнему отвергал. А атаману Черкашину жестоко отомстил. До сей поры Азов неофициально считался как бы «нейтральным» городом. Здешние купцы придерживались принципа «деньги не пахнут» и торговали с казаками, городские власти закрывали на это глаза. А донцы по памяти все еще считали Азов «своим», никогда не нападали на него, приезжали сбывать рыбу, военную добычу, покупать одежду, вино, хлеб. Через азовских купцов турки с татарами выкупали у донцов своих пленников, а казаки – своих.

Но теперь крымцы были обозлены на Черкашина. И когда его сын Данила появился в Азове, схватили его и увезли в Крым. Атаман отреагировал немедленно. Напал на город, погромил посад Тапракалов и захватил 20 «лучших людей», в том числе Сеина, шурина турецкого султана. И через азовского пашу передал, что отпустит всех в обмен на сына. Девлет-Гирей не согласился, предал Данилу мучительной казни. Естественно, в ответ были убиты заложники. Султан, кстати, был очень недоволен действиями татар. Видимо, не терял надежды, что донцов можно оторвать от России. Писал хану: «А ведь, де, Азов казаками и жил, а казаки, де, Азовом жили, о чем, де, у них по ся места все было смирно. Нынче, деи, ты меж казаков и Азова великую кровь учинил». Действительно, с этого момента «нейтралитет» Азова кончился.

А Иван Грозный наступательных операций против Крыма не предпринимал, но развернул энергичную деятельность по защите южных рубежей. Еще в феврале 1571 г. (по др. источникам в феврале 1574 г. [120]) под руководством боярина Михаила Воротынского был разработан «Приговор о станичной и сторожевой службе» – по сути, положивший начало пограничным войскам, основу которых составили служилые казаки. Предусматривалось с ранней весны до глубокого снега размещать в степи станицы-заставы, выставившие разьезды. Определялись правила несения ими службы, пересылки донесений.

И эти меры начали воплощаться в жизнь. Добраивалась и восстанавливалась система засечных черт, начатая при Василии III. Возводились новые крепости Орел, Епифань и др. Укрепления становились сплошными и составили Большую засечную черту, перегородившую завалами, рвами и 15-метровыми валами путь полчищам степняков. Прикрывались засеки башнями, постами, укрепленными слободами. А службу несли дети боярские, пушкари и казаки. Это было удобно – казаки становились и населением приграничных мест, и их защитниками. Привлекались тульские, брянские, рязанские, мещерские казаки. Приглашали и вольных, предоставляя им землю для поселения, льготы, оплату, оружие от казны. Их ряды пополнялись и за счет местных крестьян, которые в приграничье волей-неволей привыкли к военному быту.

Так возникло Орловское казачество. В самом Орле существовала Черкасская слобода (из украинских казаков), развертывались «Мценские сторожи», «Орловские и Карачевские сторожи». О них до сих пор свидетельствуют названия здешних селений – Казачье, Сторожевское, Караул, Воин, деревни Казаки и Казаковки в Елецком, Болховском, Колпинском, Покровском, Новосильском районах. Казачий отряд в крепости назывался «прибором», его командир получал чин «головы» и подчинялся городскому воеводе. Осуществлялась разведка, например, мещерские казаки делали разьезды «вниз по Дону до Волжской переволоки» – взаимодействуя при этом с донскими казаками. Глубоко в степь высылались дозоры. Каждый состоял из 2 казаков с заводными лошадьми. Пункт наблюдения выбирался на дереве, кургане, холме. Заметив облако пыли, дозорный сообщал товарищу, и тот скакал к своим. По этому первому сигналу поднималась тревога в крепостях, высылались разведка. И

если поступало подтверждение, что тревога не ложная, идут татары, приходила в действие вся система обороны, информация шла до Москвы, выступали войска.

Создание такой мощной защиты стало серьезным препятствием для татарских набегов, избавляло крестьян от постоянного страха перед крымской опасностью и открыло возможность к освоению плодородных южных земель. Но беспокойным оставалось и Поволжье. Турецкие и крымские агитаторы продолжали мутить воду, подбивать на восстания татар, черемису, мордву, чувашей. Да и Большая Ногайская орда, хотя после разгрома она снова метнулась под власть царя, искренностью отнюдь не отличалась. При любом удобном случае ногайцы не прочь были пограбить русских. К их набегам подключались и башкиры. Поэтому царь предпринимал усилия для закрепления в Поволжье. И здесь тоже важнейшую роль сыграли казаки. Они составили значительную часть гарнизонов Казани и Астрахани. Строились новые крепости: Мокшан, Верхний и Нижний Ломов, Водинск.

А чтобы более эффективно противостоять набегам из степи, было решено выдвинуть форпост далеко на восток. В 1574 г. отряд воеводы Ивана Нагого заложил на р. Белой Уфимское укрепление. Здесь также поселили казаков. *И с этой даты, 1574 г., берет отсчет старшинство Оренбургского Войска.* Хотя нужно помнить, что сам принцип подобного определения все же весьма условный. Так, донское казачество существовало уже давно и службы царю выполняло давно, но самая ранняя сохранившаяся грамота к донцам датируется 1570 г. А Оренбургского Войска еще и в помине не было. Однако в 1860-х гг. решили считать старшинство по самой старой казачьей общине, которая потом вошла в то или иное Войско. И для оренбуржцев таковой стала уфимская община, документально зафиксированная в 1574 г.

Победа при Молодях значительно подняла авторитет России и среди народов Кавказа. Кабардинские князья из числа царских союзников воспрянули духом, возобновилась их поддержка из Москвы – уступать Терек крымцам Иван Грозный больше не намеревался. Кабардинцы, гребенцы и нижнетерцы снова начали теснить своих противников. *А в 1577 г. «по челобитью Темрюка, князя Черкасского» был вторично построен Терский городок. В его возведении участвовали гребенские казаки. И... эта дата принята для определения старшинства Терского Войска.* Потому что сведения о первом строительстве городка в 1567 г. и о службе в нем казаков есть, но «вторичные», в хрониках и переписке.

А прямое царское указание и донесения воевод сохранились только насчет второго городка.

В Терский городок был направлен воевода, подчинявшийся астраханскому, и гарнизон стрельцов. Они сменялись через каждые три года. Но надо сказать, что гребенские и нижнетерские казаки подданными России в данный период еще не стали. Они сотрудничали с царскими воинами, сражались против общих врагов. Однако во многих отношениях, как и донцы, вели себя независимо. Имеются известия, что гребенцы служили не только у терских воевод, но нанимались и к грузинским царям. Впрочем, известны и их походы в Грузию «на добыч». Документы конца XVI в. свидетельствуют и о том, что казаки подрабатывали наемничеством в Дербенте, у персидских шахов, в одной из войн взяли Индили и еще 7 городов. Не прочь были и «пошалить». Периодически царю шли жалобы иранских, крымских, турецких купцов, кумыкских, тюменских, шемахинских, ногайских князей, что их или их подданных пограбили казаки, захватив товары, скот, лошадей [23].

Но для Северного Кавказа это было делом обычным, здесь все так жили. И, допустим, угнать коней считалось не только «заработком», но и признаком удали. Кстати, стоит подчеркнуть, что заселение казаками Терека и Сунжи никакого кровного противостояния с местными жителями не вызывало. Ни чеченцы, ни дагестанцы в то время в долинах вообще не жили, это было слишком опасно. Ведь по соседству кочевали ногайцы, не успеешь оглянуться, как в ясырь угодишь. И коренные кавказцы предпочитали оставаться в горах. А для казаков селиться по рекам было привычно. Основным их промыслом являлось рыболовство,

в камышах и прибрежных лесах водилось множество дичи. Если же налетят степняки, казаки хорошо умели отбиваться в своих укрепленных городках, а потери скота и урон, нанесенный хозяйству, тут же компенсировали ответными рейдами. Для казаков это тоже было привычно, буднично.

8. Начало Запорожского Войска

Несмотря на то, что Польша воевала с Россией, большинство днепровских казаков по-прежнему служило царю и выполняло его приказы тревожить южных врагов. Хан слал жалобы польскому королю, что «из года в год зимой и летом» они нападают на татар и турок, побивают их, угоняют коней, скот, громят купцов и даже послов, возвращающихся из Польши. Что окрестности Очакова, Бендер, Аккермана, Ислам-Кермена по 4–5 раз за год подвергаются набегам казачьих отрядов, а в Киеве, Черкасах, Каневе и Брацлаве содержится не менее тысячи мусульманских женщин и детей. А потом и жаловаться стало некому. Сигизмунд II умер, и пресеклась династия Ягеллонов. В Речи Посполитой настало «бескоролье». И казалось, что Россия одерживает верх. Паны запросили перемирия, согласившись за это, чтобы Иван Грозный выставил свою кандидатуру на польский трон. А туркам и татарам казаки житья не давали. Не прекращали морских рейдов, впервые появились у берегов Малой Азии, пограбив Трапезунд и Синоп. Учинили новую смуту в Молдавии, сажая на ее престол очередных самозванцев, сперва некоего Ивону, потом своего гетмана **Подкову**.

В ответ Девлет-Гирей нарушил союз с Польшей и начал набеги на Украину. Впрочем, это был предлог. Из-за поражения под Москвой и строительства пограничных оборонительных систем татары не рисковали идти на Русь. А значит, нужно было брать «ясырь» у других соседей. В 1575 г. состоялся большой поход. Киевский воевода Константин Острожский организовал оборону с помощью казаков, они на «чайках» спустились по Днепру, разбили крымские авангарды и сорвали переправу. Но хан выбрал другое место, переждал, пока недисциплинированная шляхта, мобилизованная Острожским, разойдется по домам, и нанес удар, прокатившись до Тернополя и захватив огромный полон. За это Ружинский «впал за Перекоп... учинив великие опустошения». Такие контрудары оказались самым эффективным способом противодействия набегам. Когда татары вздумали повторить рейд на Украину, они узнали, что и казаки готовят нападение на Крым, и от Днепра повернули коней обратно.

Однако польские паны надеждой на корону всего лишь морочили голову Ивану Грозному. Для них было важно перемирие. Королем был избран французский принц Генрих Валуа. Правда, вскоре сбежал – предпочел занять престол Франции. Тогда избрали трансильванского князя Стефана Батория, бывшего вассала Турции и врага России. Который возобновил курс на укрепление союза с Портой и Бахчисараем – против Москвы. Но помехой этому были казаки. На короля обрушился целый поток жалоб хана и султана о разорении их земель. Зимой 1575/76 г. Иван Грозный направил Ружинскому приказ опять идти «на крымские улусы и Козлов (Евпаторию)», прислал жалованье, отряды служилых казаков. И днепровские казаки обязались «государю крепко служить». В море снова вышли эскадры, а 3 тыс. казаков во главе с Ружинским осадили Ислам-Кермен. Подвели мину и взорвали башню. Но Ружинский неосторожно встал на «плохом месте» и при взрыве погиб. А хан прислал подмогу, перебившую многих казаков, ворвавшихся в город.

Смертью гетмана как раз и воспользовался Баторий. И сумел расколоть казаков. *В 1576 г. он издал универсал о принятии их на службу. Вводился реестр на 6 тыс. человек, из них формировались 6 полков.* Войску даровались официальные «клеюды» (регалии) – знамя, бунчук, печать. Гетман и старшина должны были утверждаться королем. Реестровым выплачивалось жалованье, им выделяли земельные наделы, разъясняли, что они вошли в воинское сословие Речи Посполитой, а значит, со временем их уравниют в правах со шляхтой. Но те, кто не попал в реестр, теряли право называться казаками и обращались в крестьян. Однако подчинились универсалу далеко не все. *Часть нереестровых отказалась повиноваться и составила Низовое Войско – которое впоследствии стало Запорожским.*

И королю опять сыпались жалобы от хана и султана то на «низового гетмана» **Шаха**, то на других казачьих предводителей. В исторической литературе иногда приводится «грамота Батория» от 1576 г., коей он и запорожцам даровал войсковые права, земли с городами и селами. Но это фальшивка, составленная уже в XVIII в. Это однозначно доказали не только немецкий историк Г.Ф. Миллер, но и столь компетентный исследователь Сечи, как Д.И. Яворницкий [57]. В действительности даже термин «запорожцы» появился позже. В документах 1570-х гг. Запорожье еще не фигурирует. Баторий писал туркам, что «низовцы живут около московских границ за Днепром» [238] (Черниговщина и Северщина являлись в XVI в. российскими владениями). Свидетельство Батория вполне согласуется с преданиями запорожцев, согласно которым Сечь сперва располагалась в Седневке, недалеко от Чернигова. Однако казаки жили и в других местах. Резиденцией «низового гетмана» Шаха был Немиров. А к походам низовцов, по информации крымцев, примыкали люди из Брацлава, Черкас, Канева.

Но в лице Батория Польша получила прекрасного полководца и хитрого дипломата, он постарался и низовых казаков перетянуть на свою сторону. Их соблазняли высоким жалованием, манили надеждами, что за усердную службу тоже сделают реестровыми. Хорошо потрудились королевская агентура, подкупая атаманов, бочками выставляя вино. И низовым гетманом был избран ставленник Батория **Зборовский**. Предоставленное царем перемирие Речь Посполитая использовала в полной мере, восстановила боеспособность, Баторий реорганизовал и усилил армию. И если раньше Польша, Швеция и Крым действовали против России вразнобой, то стараниями нового короля между ними был заключен тройственный союз.

В 1579 г. враги обрушились с нескольких сторон. Хан возобновил атаки с юга. С севера развернули наступление шведы. А Баторий двинул войско на Полоцк. Причем был первым, кто использовал и идеологическое оружие. Объявил, будто воюет не против русских, а «за» них, ради их «освобождения» от «тирании» царя. Но его агитация успеха не имела. Полочане, в том числе белорусы, оказали жесточайшее сопротивление. На помощь им Грозный направил рать Бориса Шеина, в которую входил и отряд донцов Михаила Черкашина. Но подмога запоздала, уже не смогла пробиться к крепости. Полоцк был взят, а потом Баторий разгромил и Шеина. Уцелели только казаки – они сумели организованно отступить и пробиться на Дон.

В 1580 г. шведы взяли Карелу, поляки – Великие Луки. А казаки-низовцы сожгли Стародуб. Правда, вскоре они поняли, что их гетман Зборовский является агентом короля, и скинули его, но Баторий был очень доволен. Считал, что Зборовский свое дело сделал – поссорил низовцов с Москвой. Россия же в долгих войнах начала выдыхаться. Но от предложений мира Польша теперь отказывалась. Рассчитывала захватить все западные русские области и готовила поход на Псков. Иван Грозный об этом узнал и усиливал гарнизон. Псковским воеводой был назначен опытный военачальник Иван Петрович Шуйский, к нему направили стрельцов, тысячу служилых казаков, 500 донцов во главе с Черкашиным. В 1581 г. вражеская армия обложила город.

Чтобы облегчить положение Пскова, оттянуть часть польских сил, царь организовал глубокий рейд на неприятельскую территорию. Возглавил его Дмитрий Хворостинин с корпусом конницы, служилых татар и казаков. Выступив из Смоленска, он напал на Дубровну, потом на Оршу, разбил литовцев под Шкловом, сжег посады в Могилеве, повернул на Радомысль и Мстиславль и вышел к своим. Комендант Могилева Стравинский составил отчет королю, и среди командиров сторожевого полка, чьи имена поляки узнали от пленных, названы «**Василий Янов** – воевода казаков донских и **Ермак Тимофеевич** – атаман казацкий». Янов известен и из других документов, он был служилым командиром, имел чин головы, а в походе возглавлял отряд из 500 донцов. Ермак Тимофеевич был вольным атама-

ном, нанявшимся на службу со своим отрядом. В донесении Стравинского он упоминается впервые [171].

Рейд продемонстрировал Баторию, что ресурсы России еще не исчерпаны, что она способна наносить удары. Тем не менее положение оставалось тяжелым. Крымцы опять взбунтовали поволжские народы. Из-за Волги напали ногайцы. Шведы взяли Нарву, зверски вырезав, невзирая на пол и возраст, 7 тыс. русских, живших в городе (он принадлежал России уже 23 года). Но Псков держался. Осада длилась 147 дней. Пять месяцев жесточайших бомбардировок, штурмов, минных подкопов. Гарнизон и жители отбивали все атаки. Позади разрушенных укреплений возводили новые. Сами взорвали башню, захваченную врагом. Одним из героев обороны стал Михаил Черкашин. Он и среди псковичей славился в качестве «характерника». Летописец отмечал: «А заговоры были от него ядром многим». Здесь и сложил атаман свою буйну голову. Летопись сообщает: «Да тут же убили Мишку Черкашина, а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам».

Псков не только устоял. Его осада обернулась для Батория крупным поражением. 1 декабря, понеся огромные потери и отчаявшись взять город, король уехал. А защитники совершили вылазку, разгромив польский лагерь, захватили богатые трофеи. И Баторий согласился на переговоры. Война кончилась фактически «вничью». Поляки возвращали занятые ими русские города, а Москва уступала ливонские. Но для продолжения войны со шведами сил и средств у государства уже не было. В 1583 г. был заключен мир – Швеция удержала захваченные ею города, Россия лишилась выхода к Финскому заливу.

9. Начало Сибирского Войска

В Сибирь русские начали проникать еще с XI в. Сюда ходили новгородцы, при Иване III царские воеводы совершили четыре похода за Урал. Морские пути в Сибирь освоили поморы, регулярно бывали в устье Оби, торговали с местными племенами, и при Иване Грозном основали на р. Таз город Мангазею. Как уже отмечалось, после взятия Казани принес присягу о подданстве Сибирский хан Едигер. А земли по Каме и Чусовой царь дал промышленникам Строгановым, здесь выросли укрепленные городки, слободы, соляные варницы. Однако в Средней Азии усилилось Бухарское ханство. И сын хана Муртазы Кучум предпринял поход на север. Заключил союз с башкирами, ногайцами, и в 1563 г. разгромил и убил Едигера. Но и после этого ему пришлось воевать 7 лет, чтобы подчинить входившие в Сибирское ханство племена хантов, манси, сибирских татар. Кучум обложил их высокой данью, повел политику исламизации – из Бухары прислали мулл и шейхов. России завоеватель сперва побаивался и тоже признал себя вассалом Ивана Грозного. Но после сожжения Москвы Девлет-Гиреем счел, что русские слабы. Убил царского посла Третьяка Чебукова и начал набеги на Пермь, на владения Строгановых. Это и стало причиной похода Ермака.

Впрочем, хочу предупредить читателя, что всевозможные версии из области «желтых сенсаций» в этой книге рассматриваться не будут. Поэтому я, например, не стал повторять баек о том, будто герой Куликовской битвы Дмитрий Боброк был казаком (он был волынским князем). Точно так же я не собираюсь пересказывать «сенсаций» об отождествлении Ивана Кольцо и боярина Колычева или отождествлении Ермака с патриархом Гермогеном. Оставляю подобные домыслы журналистам соответствующего уровня. Однако история покорения Сибири и без дополнительных «наворотов» оказалась сильно искаженной. Первые исследования свершений Ермака велись в 1620-х – 1630-х гг., когда образовалась Тобольская епархия и составлялись сибирские летописи. С московскими архивами местные летописцы не сверялись, далековато было. Они опрашивали соратников Ермака, которые были еще живы, но они находились уже в ветхом возрасте, и воспоминания точностью не отличались. Дополнялись их сведения фольклором, преданиями. И возникла путаница, которая в более поздних источниках нарастала. События, даты совершенно не стыковались с данными, зафиксированными в документах столичных приказов. Самое полное и детальное исследование сибирской эпопеи провел академик Р.Г. Скрынников, сопоставивший все первоисточники, отделяя правду от наслоений. Поэтому данную главу я излагаю на основании его работы [171].

Ермак – это имя, Ермолай или Герман. А в документах Посольского приказа сообщается: «Прозвище ему у казаков было Токмак» (пест, колотушка). Известно, что атаманом он был заслуженным, один из подчиненных под его началом «на поле казаковал двадцать лет». Данных, в каких именно операциях и сражениях он участвовал, нет. Первое упоминание уже приводилось – в июне 1581 г. в рейде Хворостинина. Тем не менее мы имеем доказательство, что он пользовался у казаков исключительным авторитетом. Ермак Тимофеевич – единственный атаман, которого называли по имени-отчеству! История о том, будто он разграбил на Волге персидских послов и царскую казну, за что на него были посланы войска, – вымысел. Этот случай действительно имел место, но его дата зафиксирована в Посольском приказе – через несколько лет после смерти Ермака.

Царская опала коснулась не его, а других атаманов. Весной 1581 г. Ногайская орда, 15 тыс. всадников хана Уруса, выступила в набег. Момент был критическим – осада Пскова, Нарвы, восстания в Поволжье. Москва направила к Урусу посла Пелепелицына с богатыми дарами, чтобы любой ценой сохранить мир. Одновременно волжским казакам пошел приказ «промышляти» против врага. Дважды казаки разбили ногайцев на волжских переправах.

И лишь в августе Урус (уже пограбив Русь) склонился к миру. В Москву поехал Пелепелицын с ногайским послом в сопровождении 300 всадников. Но казаки, не особо разбирая, что за отряд, напали на него у Соснового острова и разгромили – бегством спаслись лишь 25 человек. В Москве это вызвало негодование. И следствие установило, что послов погромил сводный отряд – казаки, живущие «на Тереке и на море на Яике и на Волге и казаки донские, пришедшие с Дону», а возглавляли их атаманы **Иван Кольцо**, **Богдан Барбоша**, **Никита Пан** и **Савва Болдыря**. Их было велено «промышлять» и при случае повесить.

А Ермак Тимофеевич оставался на царской службе до начала 1582 г., когда было заключено перемирие с Польшей. Часть его отряда вернулась на Дон. Часть осталась с атаманом – судя по тому, что некоторые были еще живы в 1630-х гг, с ним остались в основном молодые. Жалованья, видать, хватило ненадолго. И в поисках новых предприятий отправились на Волгу. Но тут происходили большие передвижки войск – полки, высвободившиеся на западе, правительство перебросило подавлять восстание черемисы и волжских татар. А здешние казаки, очутившиеся вдруг в опале, ушли на Яик. Ермаковцы тоже подались туда. На Яике казаки созвали общий круг, дабы решить, что делать дальше. Прибыл на круг и посланец Строгановых. Кучум тоже не преминул воспользоваться трудным положением России. В сентябре 1581 г. его вассал пелымский князь Аблыгерим с отрядом в 700 человек напал на владения Строгановых, взбунтовал местных вогуличей, разорил деревни. И промышленники обратились к казакам, приглашая их для охраны своих земель.

Часть казаков во главе с атаманом Барбошей отказалась от такой службы. А те, кто согласился, выбрали командование на «паритетных началах», от ермаковского отряда и от волжского. Большим атаманом стал Ермак Тимофеевич, его «сверстником» (со-руководителем) – Ивана Кольцо. Был и священнослужитель. Имя его, к сожалению, неизвестно, в XVII в. старики-ермаковцы из всех соратников смогли поименно вспомнить лишь 37. Но помнили, что был некий старец, не отлучавшийся от атамана ни на шаг, – что он «круг церковный справно знал», «правило правил», раненых исповедовал. А заодно вел счет припасам и «каши варил». И «ходил без черных риз» – то есть был либо уставщиком-самоучкой, либо священником, не имевшим прихода.

Во владения Строгановых казаки прибыли вовремя. Набег пелымцев в прошлом году был всего лишь разведкой боем. А летом 1582 г. Кучум направил на Пермь большое войско во главе с царевичем Алеем – бухарскую гвардию, ногайцев, башкир, отряды своих мурз. И первое сражение казаки выдержали у Чусовского городка, отбив врага. А Алей, получив здесь крепкий отпор, повернул на север, на Соль-Камскую. Враги ворвались в посад, учинив бойню, подожгли город, (после этого в Соли-Камской 200 лет устраивали крестный ход к братским могилам). Отсюда Алей двинулся еще севернее и осадил Чердынь, главную русскую крепость в Пермском крае. И вот этим-то воспользовался Ермак Тимофеевич. Нет, не Строгановы организовывали поход. Для них главным была защита своих владений. Это была истинно казачья тактика – пока главные силы сибирцев бродили по Пермскому краю, представлялась уникальная возможность нанести смертельный удар прямо в сердце их ханства! Сохранились сведения, как Кольцо и другие казаки угрозами вытрясли из Максима Строганова припасы и снаряжение. Взяли местных проводников и 1 сентября выступили. Отряд насчитывал 540 человек, имел на вооружении 3 малокалиберных пушки и 300 пищалей.

Чердынь еле отбилась. И воевода Пелепелицын, тот самый, что уже пострадал от казаков, послал в Москву донос. Мол, Строгановы не помогли, вместо этого отправили казаков в Сибирь. Царь осерчал. В этот момент правительство всеми мерами старалось не спровоцировать новых войн, и на Каму пошла гневная грамота. Строгановым нагорело за то, что они призывали «воров», которые «преж того поссорили нас с Ногайской ордой, послов ногайских на Волге на перевозех побивали». Но о том, чтобы их перевешать, уже не упоминалось –

царь приказывал под страхом «большой опалы» вернуть казаков и использовать «для оберегания пермских мест».

И именно эта грамота, датированная 6 декабря 1582 г., принята для определения старшинства Сибирского Войска.

Впрочем, грамота опоздала. Когда она писалась, Кучум уже был разгромлен. Не было трехлетнего похода на Кашлык с зимовками, многими сражениями и поочередным прогрызанием линий обороны. Такой поход, воспетый потом в легендах, оказался бы не по силам никаким героям. Был стремительный рейд. Очень тяжелый и напряженный. Нужно было и опередить Алея с его ратью, и успеть до ледостава. С Чусовой флотилия поднялась по ее притоку, Серебрянке. Здесь, на перевале Уральских гор, пришлось бросить несколько тяжелых стругов. Легкие перетасили волоком в р. Журавлик. А дальше сплавливались уже по сибирским рекам: Баранчук, Тагил, Тура, Тобол. Были стычки с противником у «Епанчиной деревни», в юрте Карачи, и Кучум узнал о появлении казаков. Но не придавал этому должного значения – ну пограбят и уйдут. Что может сделать горстка людей против целого царства? Но они быстро приближались, и хан принялся собирать войско, поручив командование брату Маметкулу. Столица ханства Кашлык не являлась в полном смысле слова городом. Это было небольшое укрепление на холме, где располагались ставка царя. Поэтому оборону организовали у подножия холма, на Чувашевом мысу. Соорудили засеку, построили воинов.

Когда струги Ермака вышли на Иртыш к Кашлыку, казаки увидели огромную рать, и многие невольно оробели, «восхотеша в нощи бежати». Атаман велел отойти в безопасное место и провел круг. Отступление было, в общем-то, уже невозможно. Стояла поздняя осень. Вотвот сибирские реки начнут замерзать, и отряд не успел бы уйти за Урал. Оставалось победить или погибнуть. Круг решил атаковать. 26 октября, в день св. Дмитрия Солунского, струги ринулись на штурм. Противников и впрямь было очень много, но это были не лучшие дружины Кучума – они еще не вернулись с Руси. Это было наспех собранное ополчение разных племен. Огнем казаки отогнали врагов, высадили десант. У засеки атака захлебнулась, штурмующих засыпали стрелами. Казаки остановились, стали откатываться к воде. Но не исключено, что это делалось нарочно – Маметкул велел делать проходы в засеке и контратаковать. А как только враги высыпались из-за укрытий, они стали хорошей мишенью. Получили несколько залпов, и разношерстная рать побежала. Маметкул, пытаясь навести порядок, был ранен, что усилило панику. А казаки ринулись в новую атаку. Кашлык был взят.

Кучум бежал. Но уступать не собирался. Он сохранил свои главные силы, подошло войско Алея. Захваченную столицу окружили, скрытно наблюдали за ней. А казакам требовалось пополнить припасы. Они узнали о хороших рыбных ловах на оз. Абалак, и туда отправился отряд под предводительством **Богдана Брызги**. Неприятеля напали на него и истребили полностью. Получив об этом сведения, Ермак немедленно вывел всех казаков. Это был рискованный, но единственно верный шаг – иначе кучумовцы, ободрившись победой, блокировали бы Кашлык. 5 декабря у оз. Абалак произошло тяжелое и кровопролитное сражение, «брань велия на мног час». Подробностей мы не знаем. Известно лишь, что казаки понесли серьезные потери, но победили.

И вот после этого держава Кучума посыпалась, как карточный домик. Местные племена вышли из повиновения узурпатору. Некоторые перешли на сторону русских, повезли в Кашлык дичь, рыбу, ясак – дань мехами. Против Кучума выступил Сеид-хан, племянник свергнутого Едигера. От царя отпадал его визирь Карача. А казаки на кругу решили – обратиться в Москву и передать Сибирь царю. По весне выехала станица из 25 человек. Вопреки легендам, возглавил ее не Иван Кольцо. В Посольском приказе и записях Чудова монастыря, получившего вклады казаков, зафиксированы имена атаманов посольства: **Александр Иванов** по прозвищу **Черкас** и Савва Болдыря. Возвращаться прежней дорогой значило 1200 км

грести против течения, и от местных жителей узнали более легкий обратный путь, вниз по Иртышу и Оби, а «через Камень прошли Собыю же рекой в Пусто-озеро».

В Москву прибыли летом или осенью 1583 г. Иван Грозный высоко оценил победу казаков, все «вины им отдал», наградил. Но о царских панцирях для Ермака столичные документы не упоминают нигде. Перечисляется, что Грозный жаловал казаков «деньгами и сукнами», а Ермака и атаманов «золотыми». Царь собирался немедленно послать подмогу, но убедился, что зимний поход через горы нереален, и отложил его на весну. А в марте он умер. И все пошло через пень-колоду. Черкаса и Болдырю правительство задержало в Москве как консультантов по сибирским делам. А за Урал направило Семена Болховского, Ивана Киреева и Ивана Глухова, выделив им всего 300 стрельцов, да и то две сотни предписывалось набрать самим. Это были не профессионалы, а новобранцы из крестьян и посадской голытьбы.

Тем временем казаки Ермака «гуляли» по Сибири, «приводя под государеву руку» племена. Свою базу они перенесли из тесного Кашлыка на Карачин остров в устье Тобола. Отсюда на лошадях и стругах совершили походы по Иртышу, Тавде. Одни племена присягали добровольно. Другие, хоть и вышли из-под власти Кучума, но и казакам покоряться не желали. Их приходилось подчинять с боями. В схватках погибали казаки, пал атаман Никита Пан. Но одерживались победы. На Вагае был еще раз разгромлен и взят в плен Маметкул. Однако и трудностей не убывало. Летом 1584 г. не удалось запастись достаточно продовольствия. О причинах остается лишь догадываться – то ли погодные условия выпали неблагоприятные, то ли враги отогнали дружественные племена, снабжавшие казаков. А отряд Болховского прособирался долго, выступил поздно. И дорога для воинов, набранных с миру по нитке, оказалась слишком тяжелой. Все грузы, в том числе продовольствие, они бросили на перевалах. Прибыли к Ермаку в ноябре. И такая подмога обернулась бедствием.

Зимой в лагере настал голод. Первыми начали умирать самые слабые – стрелецкие новобранцы, измученные дальним переходом. Умер и Болховский, да и казаков поубавилось. Едва спали морозы, Ермак отправил на Русь Киреева, который повез пленного Маметкула и донесение с просьбой о помощи. С началом весны казаки смогли выходить на рыбалку, положение немного улучшилось. Однако и враги не дремали. Первый удар нанес Карача. Явились его гонцы с известием, что влиятельный мурза признает себя русским вассалом, но за это умоляет о защите от теснящих его казахов. К нему отправился Кольцо с отрядом в 40 человек. В их честь был устроен пир, голодные казаки набросились на еду и питье, а когда захмелели, были подло вырезаны. Ермак, обеспокоенный отсутствием вестей от них, послал на разведку отряд **Якова Михайлова**. Его тоже уничтожили. И вскоре местные сообщили о приближении войска Карачи.

Ермаковцы перебрались из лагеря в укрепленный Кашлык. Но Карача на штурм не полез. Обложил крепость со всех сторон, надеясь выморить голодом. Блокада продолжалась с Великого поста до «пролетия». Заметив, что бдительность противника ослабла, Ермак выслал самых крепких и умелых бойцов под командованием **Матвея Мещеряка**. Ночью они пробрались мимо караулов и напали на ставку Карачи. Погромили, убили двоих его сыновей. Татары, опомнившись, стали окружать смельчаков, они отбивали атаки. А Ермак из крепости пошел на вылазку. Ошеломленные и растерявшиеся неприятели ринулись в бегство.

Казалось, все беды позади. Но подмоги из России все еще не было, и Ермак не знал, когда она придет. А местные жители жаловались, что Кучум, обосновавшись в южных степях, не пропускает бухарских купцов. Роль торговли со Средней Азией была в Сибири очень велика. Оттуда в обмен на меха поступали ткани, хлеб, рис. И Ермак, оставив в Кашлыке Глухова с уцелевшими стрельцами, предпринял свой последний поход, к верховьям Иртыша. Опять с боями, приводя в подчинение здешних князьков. Казаки осадили крепость Кулары, но взять не смогли. Ермак ободрял соратников, ничего, мол, на обратном пути «при-

берем». Дошли до Шиш-реки, но возвращались уже «прогребаючи все городки и волости». Не исключено, что у казаков кончались боеприпасы.

А Кучум и Карача, вновь объединившись, подняли все силы. И выслали агентов, сообщивших Ермаку, будто видели бухарских купцов на Вагае. Не дойдя всего 100 верст до Кашлыка, казаки повернули в эту реку. Прошлись по ней впустую, никого не нашли. И остановились на ночлег в устье Вагая. Измученные скитаниями, казаки утратили бдительность. На руку Кучуму сыграло и ненастье. Ночью 5 августа 1585 г. татары скрытно подобрались к лагерю и ударили. В более поздних хрониках возникла версия, будто вся дружина полегла, но ранние источники показывают, что часть казаков спаслась [171]. О том же говорят татарские предания. А версий гибели атамана несколько. По одной, он прикрывал отход – главное было столкнуть струги на воду и отчалить от берега. Ермак был тяжело ранен богатырем Кучугаем, и, бросившись вплавь за судами, утонул. По другой, он отбивался уже на стругах и, будучи раненым, упал в реку... Казаков осталось всего 90. Их возглавил Мещеряк. На общем совете со стрельцами Глухова решили – уходить на Русь. Но и Кучуму победа впрок не пошла. Кашлык захватил его соперник Сеид, на сторону которого перекинулся Карача.

А на Руси тем временем кончились неурядицы, связанные со смертью Ивана Грозного. При новом царе Федоре Иоанновиче власть крепко взял в руки Борис Годунов. И вести, привезенные Киреевым, его встревожили. Годунов забил тревогу, была срочно собрана рать воеводы Мансурова из 700 стрельцов и служилых казаков. Но, как уже отмечалось, в Сибирь и из Сибири вели разные пути. Мансуров опоздал всего чуть-чуть и разминулсЯ с Мещеряком. Увидел Кашлык в руках татар. Попытался догнать ушедших казаков, поплыл вниз по Иртышу до Оби, но не догнал. Наступали холода, реки стали замерзать. И рать Мансурова остановилась у устья Иртыша, срубив Обский городок, стала объясачивать местных хантов.

Мещеряк же с казаками встретил в Москве прохладный прием. Царь «на них не опалился», но и наград не последовало. А Годунов стал снаряжать новое войско. Во главе были поставлены Василий Сукин и Иван Мясной. В состав рати вошел и отряд Мещеряка, и прежние посланцы Ермака, все еще находившиеся в Москве, Черкас Иванов и Болдыря «со товарищи». В наказе воеводам предписывалось не ввязываться в сражения и закрепляться в Сибири строительством крепостей. В 1586 г. воины Сукина и Мясного перешли Уральские горы и заложили г. Тюмень. В 1587 г. в Сибирь прибыли еще 200 стрельцов и казаков Данилы Чулкова. Под его начало перешли и ермаковцы. Отряд основал г. Тобольск всего в 15 верстах от Кашлыка. Сеид-хану и Караче такое соседство, конечно, не понравилось. Они напросились на переговоры, но привели 500 воинов. И встреча вылилась в столкновение. В жестоком бою погиб Мещеряк, однако врага разгромили. Победителям достался и Кашлык, но он был уже не нужен – новой столицей Сибири стал Тобольск.

10. Запорожцы и уния

Две славянские державы, сложившиеся в Восточной Европе, Россия и Речь Посполитая, отличались, как небо и земля. Одна была православной монархией, где сильная власть царя опиралась на устои Православия и дополнялась широким земским самоуправлением народа. Другая – оплотом католицизма. И аристократической республикой, где магнаты и шляхта ставили во главу угла собственные «свободы». Заседая в сенате и сейме, выносили постановления, выгодные им самим, всячески ограничивали власть монархов. После смерти Сигизмунда II паны сделали пост короля выборным и ввели право «вето». Достаточно было одному депутату сейма крикнуть: «Не позволям!» – и решение не проходило. С этого времени короли стали полностью зависеть от магнатов, способных заблокировать любой их шаг.

Но простонародье никаких прав не имело вообще. Подати были самыми высокими в Европе. В 1566 г. был принят Статут, согласно коему владеть недвижимостью могла только шляхта. А крестьяне, не только крепостные, но и свободные, должны были арендовать землю у дворян, попадая при этом в их полную юридическую власть. Суды осуществляли помещики. И любой шляхтич мог безнаказанно ограбить, изувечить, убить простолюдина (в России право жизни и смерти принадлежало одному лишь царю). Для «хлопа» добиться справедливости было невозможно.

Что же касается казаков, то обещания, которые им надавали, остались пустым звуком. Реестровых так и не уравнили в правах со шляхтой. Правда, допустили, что реестровые могут владеть землей, но без закрепления этого в законе. Юридический статус казаков остался неопределенным. А низовцов не уравнили в правах с реестровыми. Ну а после сожжения ими Стародуба о том, чтобы базироваться возле Чернигова, разумеется, не могло быть речи. И в 1580-х гг. возникла Запорожская Сечь. Впрочем, термин «Сечь» не географический и не организационный. Запорожское Войско называло себя Кошем. А Сечь означает засеку, укрепление. Она несколько раз меняла свое место, а в конце XVI в. расположилась возле устья р. Чертомлык. Внутри укрепления строились курени – казармы. Впоследствии их количество было традиционным – 38. Каждый курень являлся самостоятельной общиной, выбирал куренного атамана. Каким образом сложилась такая структура, представляется очевидным – если на Дону разные отряды селились отдельными городками, то в Запорожье они объединились, став куренями, об этом свидетельствуют и названия куреней – Донской, Каневский и т. п.

В Сечи жило около 3 тыс. казаков. Ежегодно 1 января проводилась рада – круг, где выбирали кошевого атамана и старшин: судью, писаря и есаула. По жребию распределяли между куренями реки для рыбных и звериных ловов. Вырабатывали совместные предприятия. Быть запорожцем – значило принадлежать к какому-нибудь куреню. Но прием был легким. Задавалось всего два вопроса. Верует ли человек в Господа Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу и желает ли биться с басурманами. Два «да» – и ты казак. Принимали и поляков, русских, белорусов, даже татар и турок (но при условии перехода в христианство). Почему так просто? Потому что никаких благ и выгод звание запорожца не сулило. Зато лишений и опасностей – хоть отбавляй. Из походов нередко возвращалась половина, а то и меньше. Не по нутру такая жизнь, ну и иди себе, никто не держит. Погиб – Царствие Небесное. А из тех, кто оставался и приживался, выковывались настоящие казаки.

Запорожцы объявляли себя «лыцарским братством». И законы их в целом были такими же, как у других вольных казаков. Единство, взаимовыручка, равный раздел добычи, смертная казнь за предательство, убийство товарища, воровство, мужеложство и прочие тяжкие преступления. Но была и особенность – безбрачие. Женщины в Сечь не допускались под страхом смерти, а за «блуд» били киями. Легенда гласит, что подобные правила ввел Виш-

невещкий по образцу Мальтийского рыцарского ордена. Так это или нет, но правила были вполне рациональными. Народ в Сечи собирался разношерстный, и наличие женского пола запросто могло разложить «лыцарство». Были и женатые запорожцы. Но их семьи жили в городах или на хуторах, на зиму мужа возвращались к ним, а весной приходили в Кош для участия в походах. Сечевики к таким относились свысока, презрительно именовали «сиднями», «гнездюшниками». А постоянным ядром была безбрачная «сиррома» («сирромаха» – волк).

Поэтому применительно к запорожцам говорить о какой-то генетической преемственности не приходится. Преемственность шла сугубо на уровне традиций. А само слово «казак» на Украине приобрело три значения. Первое – реестровые днепровские казаки. Второе – разноплеменные запорожцы. Наконец, и крестьяне всеми правдами и неправдами стремились обозначить себя «казаками», потому что только в этом случае могли быть свободными землевладельцами. Если ты не казак, то «хлоп» со всеми вытекающими последствиями. Иной градации польское право не знало. Кстати, и термин «Украина» по смыслу отличался от нынешнего, он применялся только в прямом значении, «окраина». В документах того времени фигурируют Польская Украина, Московская Украина (южное порубежье), Сибирская Украина.

По окончании войны с Россией казаки принесли Баторию массу хлопот. От хана и султана опять пошел дождь жалоб на них. Украинский историк С.А. Лепявко просуммировал цифры, и оказалось, что только по данным, попавшим в эти жалобы, казаки в 1570–1580 х гг. совершили более 40 нападений на турок и татар, угнали 100 тыс. быков и овец, 17 тыс. коней, взяли 360 тыс. злотых деньгами. Баторий же вел себя хитро. Реагировал так, как ему выгодно. Когда казаки поймали и выдали ему молдавского господаря Янку Саса, бежавшего от турок со своими богатствами, король его убил, а казну присвоил и султану не вернул. Но когда казаки разрушили Бендеры, и турки грозили войной, Баторий ради примирения казнил 31 казака и возвратил захваченные ими пушки.

Казаки по-прежнему пользовались покровительством украинских магнатов, в их предприятиях участвовали Вишневецкие, Острожские, Збаражские, Заславские. Панам это было выгодно. Ну куда, спрашивается, казакам было девать 10 тыс. овец, угнанных от Аккермана? А магнату скупленные по дешевке стада и отары оказывались очень кстати. А из внутренних областей Речи Посполитой крестьяне вовсю бежали от шляхетского гнета и произвола. Устремлялись на пустующие земли Поднепровья и Приднестровья – под защитой казаков эти территории стали более безопасными, чем раньше. Но этим пользовались и местные паны, приманивая беглецов к себе. Давали льготы на 5, 10 лет. Не мешали новым подданным и «оказачиваться», пусть обороняют хозяйские земли, пусть ходят в набеги, умножают скот и добро. В результате именно украинские магнаты стали в Польше самыми богатыми.

У короля на панов управы не было никакой. Но и с казаками он сладить не мог. В 1585 г. хан Ислам-Гирей опять прислал жалобу на нападение, угрожая набегом. Баторий послал в Сечь дворянина Глембовского, чтобы вернуть татарам награбленное, однако казаки возмутились и посланца утопили. Впрочем, когда Ислам-Гирей выступил на Украину, казачьи челны встретили его на переправе у о. Таван, вступили в бой на воде, перебили 3 тыс. татар, захватили их лодки с седлами и припасами и сорвали набег.

Но в 1587 г. Баторий умер. И на престол был избран шведский принц Сигизмунд III Ваза, хотя и выходец из протестантской страны, но ярый католик. Ближайшим его советником стал папский нунций, страну наводнили иезуиты. Если многие украинские и литовские паны еще сохраняли православную веру, то иезуиты принялись переманивать в католицизм их сыновей. Открыли сеть своих школ. Сигизмунд покровительствовал и подыгрывал им, давал католикам преимущества при выдвижении на важные посты, так что сменить веру становилось выгодно. Во внешней политике Польша стала вернейшей опорой Рима и гер-

манских Габсбургов, под влиянием папы и императора Сигизмунд втянулся в антитурецкую коалицию. Но расплата была суровой. Хан Кази-Гирей в 1589 г. двинул всю орду на Украину. Своевольная шляхта приказ о мобилизации проигнорировала. Татары докатились до Львова, встали лагерем у Тернополя и разослали загоны, опустошая страну.

Достоинство проявили себя только запорожцы. Выступили из Сечи на перехват и встретили татар, когда они уже уходили, на Днестре. Напали на один из загонов и разгромили. Кази-Гирей, услышав шум боя, поспешил на выручку и окружил казаков. Но они устроили табор, заслонившись возами, и отбивались. Хан бросал на них все новые отряды. Как писали потом запорожцы, «враг на нас потопом пошел, чего мы перед тем в битвах никогда не видели». Отбили несколько атак, а затем вышли из табора и ударили прямо на ханскую ставку. Кази-Гирей был ранен, погиб его двоюродный брат, несколько мурз. И татары отступили. В битве они потеряли 9 тыс. воинов, был освобожден огромный полон.

И тем не менее, несмотря на столь явные заслуги, почти сразу же начались... репрессии против казачества. Потому что король поспешил замирился с турками, а султан выставил требование уничтожить и разогнать запорожцев, «чтоб и имени их не осталось». Однако наложился и другой фактор – менялась позиция украинских магнатов. Старые рубаки, добывавшие саблех свои владения и богатства, сходили со сцены. А их наследники уже не были заинтересованы в альянсе с казаками. Для них были важнее стабильность и покорность подданных. В том же 1589 г. сейм принял постановление, запрещающее отлучаться из заселенной Украины «на низ». Предписывалось казнить таких беглецов, как и тех, кто будет возвращаться из «диких полей» с добычей или принимать их добычу. Для контроля назначались особые «дозорцы», обязанные проверять приграничные города и местечки. Простолудинам запрещалось продавать оружие и боеприпасы.

В 1590 г. последовало второе постановление: казачьи гетман и старшина должны были избираться из польской шляхты, утверждаться королем, предписывалось проверить реестр, сведя число казаков до ранее установленной цифры в 6 тыс. То есть исключить вольных крестьян, которые, назвав себя казаками, заводили хозяйства, и запорожцев, имевших семьи и дома в украинских городах и селах. Те и другие превращались в «хлопов». О казачьих правах на поднепровские земли, дарованные прежними королями, было забыто. Сигизмунд указывал: «Государственные сословия обратили наше внимание на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусе наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы... будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитой». Территории, освоенные казачьей кровью (и отнюдь уже не пустынные), раздавались панам, получая тот же гнет, что внутренние районы Польши.

В ответ в 1591 г. полыхнуло первое восстание. Возглавил его шляхтич **Кшиштов Косинский**, которого запорожцы избрали гетманом. Повстанцы захватили Белую Церковь, войско их достигло 20 тыс. Но поляки сумели нанести им ряд поражений, после чего предложили заключить мир. Косинский был приглашен для переговоров в Варшаву, вероломно схвачен и казнен.

Правда, с запорожцами королю все же пришлось мириться. Потому что мир с Крымом был слишком ненадежным. Татары не преминули воспользоваться смутой в Речи Посполитой и в 1593 г. прокатились по ней так, что даже 8 лет спустя в Луцком повете насчитывалось 269 опустошенных селений. А западные «друзья» Сигизмунда, папа и император Рудольф, как раз затевали новую войну против Турции. Польша вступила в союз с ними. К участию в коалиции Рудольф хотел привлечь и Россию, просил Федора Иоанновича прислать ему 8–9 тыс. казаков, они в Европе уже тогда славились как непревзойденные бойцы. Посол императора Эрх Лясота посетил Сечь. Причем посетил вместе с московским послом. И любо-

пытно, что запорожцы все еще считали царя «своим» монархом. Просили, чтобы и он прислал для операций против турок российских воинов.

В этой войне запорожцы в очередной раз проявили себя с лучшей стороны, предпринимали рейды на Очаков, Крым, Молдавию, Валахию... Но тем временем король и иезуиты уже готовили православным подданным новый страшный сюрприз. Унию. Надо сказать, это была не первая попытка римских пап уничтожить Православную Церковь и стать единовластными хозяевами «христианского мира». Когда Византия совсем ослабла, ее императоры в надежде на помощь Запада заключали Лионскую унию в 1274 г. и Флорентийскую – в 1439 г. Но Рим в эпоху Возрождения превратился в настоящий гнойник, на папском престоле оказывались взяточники, убийцы, развратники, гомосексуалисты. Православные об этом знали, и оба раза большинство из них унию отвергло. Униатского митрополита Исидора, прибывшего в Москву, князь Василий II арестовал и выслал вон. Ну а для помощи Византии Запад пальцем о палец не ударил. И после падения Константинополя греческое духовенство унию осудило.

Однако в Риме о ней помнили и сочли, что в Польше представился удобный случай восстановить ее. Не только для того, чтобы залучить под власть «святого престола» украинцев, белорусов, литовцев, но и создать юридический прецедент для дальнейшей католической экспансии – на Россию, Балканы, Ближний Восток. Для иезуитов были разработаны особые инструкции, как обрабатывать православное духовенство. Им удалось перекупить Луцкого епископа, от его имени развернулась кампания по подчинению Риму. И в 1596 г. по указу Сигизмунда в Бресте был созван церковный собор. Сразу же он разделился на две партии, они заседали отдельно и вынесли противоположные решения. Одна, во главе с Киевским митрополитом Рагозой, постановила принять унию и проклала ее противников. Другая постановила лишить сана Рагозу и просила короля не чинить насилия в делах веры.

Да уж куда там! Конечно, Сигизмунд поддержал первую партию. Начались захваты имущества Православной Церкви, погромы униатами и католиками храмов и монастырей. Доходило до того, что луцкий староста Симашко в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в православном храме танцы, приказывал солдатам стрелять в иконы, а упорствующим православным выкалывал глаза... И в 1596 г. казаки вновь восстали. Возглавил их **Наливайко**. Он был из мелкой украинской шляхты, участвовал в подавлении восстания Косинского. Но в то самое время, когда он сражался за короля, магнат Конецпольский убил его отца. И Наливайко ушел к запорожцам. Отличился в войне с турками и был избран гетманом.

Лозунгом повстанцев стала защита православия, причем казакам покровительствовал князь Острожский. Наливайко базировался в его владениях, совершая набеги на униатов. Но и этот мятеж подавили. Наливайко и его полковников **Лободу** и **Мазепу** взяли в плен и подвергли в Варшаве особо изощренной казни, изжарили в медном быке. А против казаков вводились дополнительные меры. Шляхте Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств был поручен надзор за казаками, приказывалось арестовывать всех подозрительных, разгонять любые группы, хотя бы и по 5–6 человек, прекратить всякие сношения Украины и Запорожья. Но выступления против унии не прекращались, были бунты в Добровнице, Остре, Брацлаве, Корсуні. Сейм издал постановление «О своеволии Украины», предписывая «беспощадные кары» за любые «эксцессы». И Сигизмунд решил покончить с казачеством. Издал указ об уменьшении реестра до 1 тыс. человек. Планировалось направить войска и разорить Сечь. Но неумная политика короля перессорила Польшу со всеми соседями – Турцией, Швецией, Крымом, Россией, вызвала оппозицию знати. И проект уничтожения Сечи остался не реализованным.

11. Начало Уральского Войска

Многие историки допускают серьезнейшую ошибку, рассматривая казаков в XVI–XVII вв. как какую-то одну категорию людей. Но, как уже отмечалось, на Украине в ту эпоху слово «казак» имело три значения. А на Руси... четыре! Были «природные» казаки: донские, терские, волжские, яицкие. Но издавна многие казаки осели в русском приграничье, да и у природных казаков основным заработком была военная служба. И постепенно термин «казак» распространился на любых вольных людей, нанимающихся в царское войско или гарнизоны городов – если они служили не в стрелецких частях. В документах такую категорию выделяли как «служилых» или «городовых казаков», что, по сути, было синонимом слова «солдат» (напомню, этого термина в России еще не существовало). Служилыми казаками становились выходцы не только из казачьей среды, но и из крестьян, горожан. Они получали жалованье 4–5 руб. в год (сумма немалая, корова стоила 2 руб.), 12 четвертей ржи и столько же овса, участок земли, освобождались от налогов.

Служба их была пожизненной и потомственной. Они сводились в десятки, сотни. И командный состав имел чины десятников, пятидесятников, сотников, голов. Позже чин головы сохранился только у стрельцов и дворянской конницы, а у служилых казаков был заменен на «атаман». Но это был не выборный пост, а воинское звание, означавшее командира пяти сотен (и жалованье 9 руб.) Слобода, где жили служилые казаки, существовала и в Москве, ее следы сохранились в названиях нескольких Казачьих переулков.

Французский капитан Маржерет, служивший в России, писал о служилых и природных казаках: «Лучшая пехота... состоит из стрельцов и казаков... они есть в каждом городе, приближенном на 100 верст к татарской границе, смотря по величине имеющихся там крепостей по 60–80, более или менее, и до 150, не считая приграничных городов, где их вполне достаточно. Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают равную со стрельцами плату и хлеб, сверх того император (царь) снабжает их порохом и свинцом. Есть еще другие казаки, имеющие землю и не покидающие гарнизонов. Их наберется от 5 до 6 тыс. владеющих оружием. Затем есть настоящие казаки, которые держатся в татарских равнинах вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие, и часто наносят гораздо больший урон татарам, чем вся русская армия. Они не получают большого содержания от императора, разве только, как говорят, свободу своевольничать, как им вздумается. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тыс., готовясь соединиться с армией... Половина из них должна иметь аркебузы (пищали), по 2 фунта пороха, 4 фунта свинца и саблю. Остальные... должны иметь лук, стрелы, саблю или нечто вроде рогатины... когда зовут на войну, шлют им порох, свинец, жалованье 7—10 тыс. руб. Они приводят первых пленников, за что награждаются сукном на платье или деньгами...»

Природные казаки являлись не только воинами, но и отличными корабелями, моряками, чем также нередко подрабатывали. Отсюда третье значение – «кормовые казаки». Так стали называть матросов на речных судах (термина «матрос» в русском лексиконе тоже еще не было). А «кормовые» – не от слова «корма», а от «корм». То есть оплата, которую они получали. Наконец, всякая вооруженная вольница, то бишь разбойники, тоже величала себя казаками. Это были «воровские казаки». Следует помнить, что данные четыре категории были совершенно различными. И когда мы ведем речь о современном казачестве, то оно формировалось в основном из природных и служилых. Но были и добавки из двух других категорий.

Первые политические шаги Федора Иоанновича (точнее, правительства Годунова) были направлены на закрепление мира со всеми соседями. На Дон, Терек, Волгу пошли приказы казакам «жить смирно» и «не чинить задору» с соседями. Но на самом деле это было

нереально. Работорговый промысел стал главной специализацией Крыма. Причем определяющую роль в этом играли не сами татары и турки. Торговля в Османской империи всячески поощрялась, находилась под личным покровительством султана, но турки и татары ею не занимались, считали ее недостойной профессией. Купцами были греки, армяне, арабы, евреи. В Крыму работорговлю монополизировала еврейская купеческая община. (Обратите внимание, на Украине жило много евреев, но ни в одном документе вы не найдете, чтобы их захватывали в полон, продавали в неволю – выходит, крымцы знали, кого брать, а кого не стоит. А может быть и так, что крымские и украинские соплеменники обменивались информацией о предстоящих набегах, а то и наводили их.)

Община работорговцев являлась вернейшей опорой ханов. Но она влияла и на политику. От денег купцов зависели придворные, мурзы. В результате Крым стал главным поставщиком рабов в страны Востока. Но и для самого ханства захват «ясыря» стал основой политики и экономики, без этого оно существовать уже не могло. Крупнейший оптовый рынок был в Перекопе – тут работорговцы скупали полон у воинов. Вторым центром была Кафа. Здесь «оптовики» перепродавали «товар», и он развозился в Стамбул, Малую Азию, Африку. Еще один центр работорговцы устроили в Азове. Он был удобнее Перекопа, отсюда невольников не требовалось гнать через степи Крыма, а можно было везти морем. В «выгоды» работоргового промысла втягивались и азовские жители, черкесы, ногайцы.

И если правительство в Москве из политических соображений порой закрывало глаза на эти безобразия, то для казаков они были не безликими сведениями из воеводских донесений. Они воочию видели вереницы связанных мужиков, баб, телеги с пленными девчатами, корзины с маленькими детьми, притороченные к коням. У них по соседству шумели рынки, где помосты переполняли тысячи голых людей, а покупатели шупали их мускулы, заглядывали в зубы, оценивали телесные прелести женщин и мальчиков. И царские дипломаты оправдывались в Стамбуле, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей с крымскими и ногайскими людьми ходят на государевы украины войною и многих русских людей емлют в полон и ведут в Азов, и казаки, того не мога терпети, на них приходят».

Впрочем, и правительство на самом-то деле хорошо понимало, что мир со степняками – понятие условное. И Годунов продолжил мероприятия Ивана Грозного по укреплению границ. Южнее Большой засечной черты стала строиться еще одна система крепостей – Ливны, Курск, Рыльск, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород. Они составили передовую цепь укреплений, выдвинутую в глубь степи. Крепости строились и на Волге для предотвращения бунтов местных племен, защиты от ногайцев. В 1586 г. была возведена Самара, где поселили 200 семей казаков. Следом за ней выросли Царицын, Царево-Кокшайск, Царево-Санчурск, Уржум, Саратов.

К данному времени относится и первая достоверная информация о яицких казаках. Как уже говорилось, при уходе Ермака к Строгановым атаман Барбоша с соратниками остался на Яике. Он построил городок в урочище Коловратное, в 60 верстах от будущего Уральска. Эта река была еще совсем «дикой», никаких иных населенных пунктов тут не существовало. И на Яик стекались самые отчаянные головушки. В 1586 г. к ним обратились астраханские воеводы, приглашая на службу. 150 казаков согласились. Но атаманы **Богдан Барбоша, Нечай Шацкий, Ямбулат Чембулатов, Якуня Павлов, Никита Ус, Первуша Зея** и **Иван Дуда** отказались. С ними осталось 250 казаков.

Россия укрепляла позиции и на Кавказе. Терский городок, восстановленный в 1577 г., тоже был разрушен. В 1588 г. его отстроили заново, но теперь он располагался в устье Терека. Сюда переселился кабардинский князь Мамсрук со своими подданными и частью гребенцов, на службу привлекались и нижнетерские казаки. А в устье Сунжи был возведен Сунженский острог. Но в Дагестане шамхал Тарковский вел себя враждебно, сносился с турками и Крымом, предпринимал набеги на казаков и кабардинцев. И в 1591 г. против него был организо-

ван поход. Участвовали стрельцы, князя Кабарды, к экспедиции правительство привлекло гребенских, терских и яицких казаков. Шамхала быстро вразумили, он принес присягу о подданстве царю. А для защиты от врагов попросил, чтобы ему тоже построили русскую крепость. И на его землях возник Койсинский острог.

А поскольку сохранилась грамота об участии в походе яицких казаков, то как раз с 1591 г. принято считать старшинство Уральского Войска. Но в данном случае дата тоже условна, хотя по другим причинам, чем с Донским или Оренбургским Войсками. Казачья община на Яике в это время на службу России еще не перешла. Рейд на Дагестан стал разовым мероприятием – сулил хорошую добычу, жалованье, вот и сходили. А дальше яицкие казаки продолжали жить сами по себе, изрядную долю среди них составляли «воровские», и о контактах с правительством они знать не желали. Вместо этого предпочитали выйти на Каспий или на Волгу и грабануть персидских купцов.

При Федоре Иоанновиче были достигнуты новые успехи в освоении Сибири. Воевода Горчаков с казаками разгромил давно досаждавшее России Пелымское княжество. Росли новые города – Березов, Верхотурье, Обдорск, Кетский острог, Сургут, Тара. Годунов обратил внимание и на Мангазею. Поморы тут действовали сами по себе, торговали с местными и даже «дань с них имали воровством на себя». Царь взял этот город под контроль, направив своих воевод. А Кучума еще долго не могли одолеть. Он оставался вассалом Бухары, получая от нее помощь. Но Бухара воевала и с Казахским ханством. И вместе с Кучумом стеснила казахов с двух сторон, их хан Тевеккель обратился за подмогой в Москву.

Начались переговоры о том, что Тевеккель примет подданство царю, а за это получит «много рати с огненным боем». И хан соглашался, но погиб в бою, а затем ситуация изменилась. В Бухаре был убит заговорщиками свирепый хан Абдулмумин, началась гражданская война... От Бухары отделилась Хива, казахи захватили Ташкент. И Кучум лишился главной поддержки. Стал терпеть поражения. От него отпали ногайцы, башкирские и татарские мурзы переходили под власть русских. В 1598 г. против Кучума выступил воевода Воейков с отрядом из 400 бойцов, в который входили и ермаковцы под командой Черкаса Александра. Войско Кучума обнаружили на Черных водах. Скрытно приблизившись, отряд на рассвете 20 августа атаковал хана и разгромил наголову. После этого Кучум скитался по степям с горсткой людей и погиб в стычке с ногайцами.

Ну а Яицкое казачество к концу XVI в. значительно выросло – за счет притока беглых, перехода «воровских казаков» с Волги, которую все сильнее брали под контроль царские воеводы. Да и за счет естественного прироста. Но Яицкое Войско само подорвало свои силы. Решило воспользоваться раздорами в Средней Азии и предприняло два похода на Хиву. В 1600 г. отправился Нечай Шацкий с тысячей казаков. Сумел достичь Хивы, захватить и пограбить ее – поскольку хан с войском отсутствовал. Но на обратном пути ханская конница настигла казаков у Амударьи и почти всех перебила. В 1605 г. на Хиву отправился атаман **Шамай** с отрядом в 500 казаков. Однако Шамай был захвачен в плен калмыками, а казаки двинулись дальше без него, сбились с пути и очутились на берегу Аральского моря. Многие погибли от голода и жажды. Оставшихся захватили хивинцы и увели в рабство.

12. Катастрофа Смуты

Могущество России росло. В 1590 г. она начала войну против Швеции, одерживая победы. Враги России попытались было разыграть прежний сценарий – воспользоваться отвлечением царских войск на запад и ударить в спину. В 1591 г. крымский хан Кази-Гирей двинул на Москву всю орду, сумел прорвать пограничные линии. Но правительство смогло собрать к столице сильную рать. Федор Иоаннович вспомнил и о Донской иконе Пресвятой Богородицы, принесенной казаками на Куликово поле. После крестного хода вокруг города икона была поставлена в походной церкви. Всю ночь царь молился перед ней и получил известие, что одержит победу. 19 августа татары атаковали. И вдруг в их рядах возникло замешательство. Они начали отступать – и отход превратился в бегство [58]. Это чудо Пресвятая Богородица совершила через тех, с кем оставалась незримо связана икона, через донских казаков. Когда хан вышел к Москве, они ударили по второму эшелону орды, двигавшемуся следом. Разбили, взяли 7 тыс. пленных, 17 тыс. лошадей и двинулись на Крым. Известия об этом и вызвали среди татар панику [35]. В память о случившемся чуде был основан Свято-Донской монастырь – на том месте, где находилась икона во время битвы.

Шведов тоже разгромили, к России вернулись Карелия и утраченные земли возле Финского залива. Рос авторитет Москвы на международной арене. Через Константинопольского патриарха, получавшего от царя денежную помощь, удалось добиться учреждения Московской патриархии. Но... в стране стали нарастать и противоречия. Годунов был одним из первых в нашей истории «западников» и принялся проводить «европейские» реформы.

По примеру Польши он решил подмять казаков, обратить их в обычных подданных. В 1593 г. на Дон был направлен приказ «жить в мире с азовцами», отпустить пленных. А управлять казаками отныне должен был царский уполномоченный, на этот пост назначался дворянин Петр Хрущев. Круг возмутился и дал Хрущеву от ворот поворот. Годунов осерчал. И от имени царя послал с князем Волконским вторую грамоту. За конфликты с Крымом правительство угрожало опалами, казнями, обещало послать войска и согнать казаков с Дона, причем действовать против них вместе с турками. Правда, угрозы дополнялись и обычными приказами по службе – сопровождать посла в Азов, выслать разведку «на Арасланов улус добывать языков», «про ханское умышление проведать». И некоторые казаки соглашались исполнить повеления. Но в это время прибыл из Москвы казак **Нехорошко Картавый** и сообщил, что власти прижали донцов, которые находились на царской службе, перестали платить жалованье, «корму не дают», но и на Дон не пускают, «а иных в холопы отдают». Тут уж казаки совсем оскорбились, «показать службу» отказались и даже охраны Волконскому не дали.

Годунов попытался силой принудить Дон к покорности. Запретил казакам появляться в русских городах, где у многих были семьи и где они торговали. Воеводам предписывалось сажать их в тюрьму, кого поймали – казнили. Против казаков началось строительство крепости Царев-Борисов на Северском Донце. Кроме того, стали создаваться отряды добровольцев, чтобы нападать на Дон и отлавливать казаков, для этого привлекались даже волжские «воровские» банды. Так, некий атаман Болдырь совершил несколько рейдов на Медведицу, хватая казаков, за что получил награду. Но карательные акции вызвали вовсе не ту реакцию, на которую рассчитывал Годунов. В ходе борьбы против турок и татар у донцов установились прочные связи с запорожцами. Несмотря на разное подданство, те и другие казаки считали себя братьями. Помогали друг другу, предпринимали совместные походы. Теперь и на донцов, и на запорожцев катились гонения, и они заключили договор «стоять за един». А на нападения донцы ответили адекватно, ударили на Воронеж и сожгли его. Фактически началась война.

Однако Годунов испортил отношения не только с казаками. Он ухитрился нагадить всем слоям населения. Крестьяне на Руси были вольными. Но по образцу Польши, Прибалтики, Германии правительство решило закрепостить их, в 1593 г. отменило право ухода от помещиков на Юрьев день, а в 1597 г. учредило сыск беглых. Мало того, был принят закон, что любой вольный человек, проработавший полгода по найму, превращался в потомственного холопа. Начались страшные злоупотребления. Царские приближенные, бояре, дворяне заманивали мастеровых, даже хватали людей на дорогах, вымогая кабальные записи.

В 1598 г. умер Федор Иоаннович. Пресеклась династия Рюриковичей, и Годунов через Земский Собор обеспечил свое избрание царем. Но чувствовал себя на троне непрочно и развернул репрессии против возможных соперников. Главные из них, бояре Романовы, были арестованы по клеветническим обвинениям. Федора Романова постригли в монахи под именем Филарета, остальных сослали, многие умерли в заточении. Опалам подверглись и другие знатные роды – Нагие, Бельские, Черкасские, Сицкие, Шестовы, Репнины, Карповы, Шуйские, Мстиславские, Воротынские... Пострадало и дворянство. Опасаясь заговоров, Годунов внедрил повальное доноительство – холоп, донесший на дворянина, получал его поместье. Города наводнили шпионы... Пострадали и купцы, посадские. Годунов увеличил налоги и ввел западную систему, отдавать их на откуп частным лицам. Этим тоже пользовались его клеветы, обирая народ и разоряя торговцев.

А в 1601–1602 гг. случился двухлетний неурожай. Начался голод. В одной только Москве в общих могилах погребли 127 тыс. умерших. Хозяева распускали крепостных, которым нечем было кормить, другие разбегались сами, погибали, бродяжничали. Но когда положение стало выправляться, власти взялись сыскивать беглых. Вспыхнуло восстание Хлопки Косолапого. Его удалось подавить. Но главная гроза собиралась на юге. В тех самых городах-крепостях, которые понастроили по татарской границе. Они служили местом ссылки для опальных дворян. Именно сюда (а не к казакам) устремлялись беглые крепостные: людей здесь не хватало, и на происхождение смотрели сквозь пальцы. Юг не поразили стихийные бедствия, сюда шли голодающие. А потом побежали и остатки повстанцев. Рядом было враждебное Годунову казачество. Словом, юг превратился в пороховую бочку. И хватило одной искры...

Кем был в действительности Лжедмитрий I, доподлинно не известно до сих пор. Конечно, он не являлся «истинным царевичем». Но факты, приводимые современниками, ставят под сомнению и версию насчет расстриги Отрепьева. В России заметили, что он прикладывается к образам и творит крестное знамение не совсем так, как природный «москвитянин». А это вырабатывалось с детства, отвыкнуть за 3 года бывший монах не мог [90]. Заметили, что он не ходит регулярно в баню – а русские, в отличие от редко мывшихся западноевропейцев, были весьма чистоплотными. Да и речи самозванца по стилю и цитатам выдают следы польского воспитания. Скорее всего, он происходил из русских эмигрантов, живших в Польше, и был «тройной лошадкой», специально подготовленной иезуитами. Хорошо известно, что покровителями его стали папа Павел V, Сигизмунд III, иезуиты, авантюристы Адам Вишневецкий и Мнишек (который и в Польше имел репутацию подлеца). Сам Лжедмитрий был человеком храбрым, не злым, но абсолютно беспринципным. Тайно принял католичество, обязался распространить его на Руси, королю дал расписку уступить Смоленск, Северщину, Мнишеку обещал жениться на его дочери, отдать Новгород, Псков.

Предприятие сперва выглядело несерьезным, в 1604 г. на Русь выступили 3 тыс. шляхты и 2 тыс. запорожцев. Но едва Лжедмитрий перешел границу, на его сторону стали переходить города – Моравск, Чернигов, Путивль, Кромы, Рыльск, Севск, Белгород, Курск... Поддержало и казачество. Впрочем, при описании Смуты часто бывает неясно, о каких именно казаках идет речь. Историки нередко относят всех русских казаков к «донским», а украинских к «запорожцам». Это неверно. Сторону Лжедмитрия приняли и служилые

казаки, и вооруженные крестьяне тоже именовали себя «казаками». Например, к Самозванцу пришли 12 тыс. конных «запорожцев» – цифра абсолютно нереальная. Сечь вместе с женами «зимовыми»ставляла лишь 6 тыс., из них 1,5–2 тыс. конных. Очевидно, это были обычные поселяне. На Украине многие из них имели оружие для защиты от татар. А узнав об успехах Самозванца, хлынули к нему в надежде на добычу и награды. И в январе 1605 г. в битве у Добрыничей эти самые «запорожцы» при первом же натиске царских войск кинулись наутек, воеводам осталось только гнать и рубить их. Но донские казаки Лжедмитрию I помогли крепко. Оставались его опорой даже тогда, когда после поражений от него разбежались поляки. Атаман **Карела** с отрядом из 4 тыс. ополченцев, из них всего 600 донцов, в крошечной крепости Кромы связал всю царскую армию и несколько месяцев выдерживал осаду.

Тем не менее успех Самозванца определили не казаки, а то, что вся страна ненавидела Годунова. Ратники геройствовать и погибать ради него не стремились. А 15 апреля царь умер, оставив престол сыну Федору. Тут же среди войска и бояр возникли заговоры, ставившие целью с помощью Лжедмитрия избавиться от Годуновых. Армия перешла на его сторону, Федор был свергнут и убит. И Самозванец торжественно воцарился в Москве. Он щедро награждал и обласкал донцов, допускал атаманов к руке прежде бояр, сажал рядом с собой за столом. Реабилитировал всех пострадавших при Годуновых. В частности, вернул из ссылок Филарета Романова с женой, тоже насильно постриженной, и сыном Михаилом. Филарета, который должен был бы приходиться «царю Дмитрию» дядей, поставил митрополитом Ростовским.

Но бояре не для того свергали Годуновых, чтоб посадить себе на шею безродного пройдоху, и стали готовить переворот. «Подыграл» им сам Лжедмитрий. Окружил себя иностранцами, выскочками, иезуитами. На подарки любимцам и забавы за полгода растратил из казны 7,5 млн. руб. (при годовом доходе бюджета 1,5 млн.). Ударился в разгул, пиры, охоты. Устраивал оргии, куда его подручный Молчанов поставлял девок. Позже в Москве насчитали 30 только таких, которых «государь» обрюхатил. А наилучшая ситуация сложилась в мае 1605 г., когда на свадьбу Лжедмитрия и Марины Мнишек понаехали тысячи поляков. Вели себя по-хозяйски, безобразничали, задирали русских, насиловали женщин. И москвичи охотно поддерживали заговорщиков. Самозванец был убит. Царем стал Василий Шуйский. Был низложен и поставленный Лжедмитрием патриарх, грек Игнатий. Его место занял Казанский митрополит **Гермоген**. Он был из донских казаков, прославился как строгий ревнитель веры, а в царствование Самозванца не боялся обличать его.

Но положение в стране сразу стало выходить из-под контроля. Лжедмитрий и его окружение успели дискредитировать себя только в Москве. А для провинции он остался «добрым царем» – чтобы завоевать популярность, много чего наобещал народу, на год освободил от податей. Получалось – бояре убили «доброго царя», чтобы притеснять людей. Эти настроения не преминули использовать проходимцы. Князь Шаховской и Молчанов украли печать «Дмитрия» и начали от его имени рассылать воззвания, будто он не погиб, а спасся. И поднялась вторая волна Смуты – восстание Болотникова. Действительно ли верили казаки историям о спасении? В своем большинстве – вряд ли. Но Годунова не считали законным царем. А Шуйский был избран даже без Земского Собора, одной лишь Боярской Думой. Ну а раз так, то почему не сменить царя?

Идея самозванничества не была новой для казаков. Запорожцы, например, усаживали на престол Молдавии четверых таких. А на Тереке еще при жизни Лжедмитрия выдвинули «царевича Петра». О нижнетерских казаках в круговерти событий забыли, они не получали ни жалованья, ни заработков. На кругу стали решать, что делать, и атаман **Федор Нагиба** выдвинул идею – дескать, донцы поддерживали «своего» царя и получили награды, так чего ж нам не придумать «своего»? «Царевичем Петром» стал **Илейка из Муром**. Он был сиро-

той, работал «кормовым казаком» (матросом) на Волге [173]. Потом нанялся вместо стрельца сходить в поход на Дагестан (такая замена допускалась). Познакомился с терскими казаками. Видимо, отличился. И по рекомендации двоих из них, Нагибы и Наметки, был принят в Войско. А «царевичем» его избрали из-за того, что он единственный бывал в Москве. И 4 тыс. нижнетерских казаков выступили на Волгу. Некоторые города признали «Петра», другие подверглись грабегам.

Ну а в движении Болотникова объединились самые разные силы – дворяне, казаки, крестьяне. Но сам он, будучи бывшим холопом, сделал опору на холопов и крестьян. Призывал истреблять помещиков, жечь и грабить усадьбы. Но в результате таких безобразий дворянская часть повстанцев перешла на сторону царя. Оставшиеся у Болотникова толпы сброда были разгромлены. Большинству донцов такой предводитель тоже пришелся не по душе. Они, правда, Шуйскому служить не стали, а ушли на Дон и в южные города. Не спас Болотникова и союз с «царевичем Петром», который привел терцев и волжских «воров». Повстанцев осадили в Туле и запрудили р. Упу, затопив город. Они вступили в переговоры и сдались на условиях сохранения жизни. Но Шуйский свое слово не сдержал. Помиловал лишь дворян. «Царевича Петра» повесили, Болотникова и атамана Нагибу утопили, а рядовых пленных, в том числе казаков, истребляли сотнями, глушили дубинами и «сажали в воду».

Такая расправа вызвала озлобление казачества, Шуйский стал для него персональным врагом. А между тем уже поднималась третья волна Смуты! Появился Лжедмитрий II. По Польше распространялись легенды о богатствах Руси, о слабости ее войск. И группа панов смекнула, что если нового самозванца нет, его нужно создать. На эту роль они определили еврея Богданко, учителя из Шклова. Когда он из Польши прибыл в Стародуб, там случайно находился атаман **Иван Заруцкий**. Он был не казачьего рода, мещанин из Тернополя. Угодил в татарский полон, бежал на Дон, выдвинулся храбростью и умом, женился на казачке. Заруцкий участвовал в походе Лжедмитрия I, хорошо знал его. Но предпочел «узнать» Лжедмитрия II, подтвердил – да, тот самый. За что был пожалован в «бояре».

Под знаменами «Дмитрия» собрались отряды польской шляхты, которую возглавил князь Ружинский, полковник Лисовский привел украинских казаков, Заруцкий донских. Это был уже не сброд, а профессионалы.

И войско, одерживая победы, в 1608 г. подступило к Москве. Взять ее не смогло и остановилось в Тушине, осадив столицу. Теперь дело выглядело куда более солидно, чем у Болотникова. Лжедмитрию стали присягать города, покорилась большая часть России. К нему стали перебегать представители знати. Он жаловал их поместьями, чинами, при нем возникла «боярская дума» во главе с Михаилом Салтыковым и Дмитрием Трубецким. А когда из Ростова привезли пленного Филарета Романова, Самозванец сделал его своим «патриархом». Хотя на самом деле вес Лжедмитрия II был нулевым. В Тушине всем заправляли поляки. С «вором» они считались только для видимости, презрительно называли «цариком». Тут как тут оказались и иезуиты, до нас дошел проект их соглашения с «вором» о введении на Руси католичества. Прибыла и Марина Мнишек, неосторожно отпущенная Шуйским.

Он вообще совершал ошибку за ошибкой. Обратился за помощью в Крым – и татары явились. Но воевать не стали, а погромили окрестности Рязани, Серпухова, Коломны и ушли, угоняя полон. А подданные проклинали Шуйского за то, что «навел поганых». Обратился царь и к шведам. Они тоже согласились «помочь». Навязали договор, по которому Россия уступала Карелу с уездом, платила огромные деньги. Но и кадровых хороших войск шведы не дали, на вербовали по Европе наемников из всякой швали и привезли на Русь. Это воинство дошло до Твери, а после первых серьезных боев взбунтовалось, повернув обратно. Зато Швеция находилась в состоянии войны с Польшей. И союз со Стокгольмом стал поводом для агрессии поляков. Если раньше шляхта участвовала в Смуте «неофициально», сама по

себе, то теперь ослаблением Москвы решил воспользоваться король. Причем придворный идеолог Пальчевский выпустил труд о том, что Россия должна стать «польским Новым Светом»: русских «еретиков» надо перекрестить и так же обратить в рабов, как испанцы индейцев. В 1609 г. армия Сигизмунда подступила к Смоленску.

Что касается казачества, то оно в этой мешанине «рассыпалось» на группировки, возглавляемые своими атаманами. Большинство казаков приняло сторону «вора». Этой частью верховодил Заруцкий. С поляками он прекрасно ладил. Став «боярином», жену-казачку упек в монастырь (не «по чину»!). Сына протолкнул в «придворные». Но и в обороне Москвы участвовал отряд казаков атамана Горохового. Хотя, повторюсь, часто неясно, о каких казаках идет речь. Некоторые казаки с Сапегой и Лисовским осаждали Троице-Сергиев монастырь – по распросам пленных, один оказался из Дедилова, другой рязанцем. Но и когда монастырь запросил подкреплений, в него из Москвы прорвалась станица из 60 казаков атамана Сухого-Осташкова, привезла порох. К Сигизмунду под Смоленск пришло 10 тыс. запорожцев атаманов Ширяя и Наливайко. А потом некий Олевченко привел аж 30 тыс. «запорожцев» [90]. Тут уж ясно, что речь идет не о настоящих казаках, а о шпане и вольнице.

Но обстановка быстро менялась. Самозванцем поляки вертели как хотели. Ехали в присягнувшие ему города собирать «жалованье» и снабжение. Грабили, издевались, бесчестили женщин, оскверняли церкви и монастыри. И те же города начали отпадать от «вора». Патриоты стали одерживать победу за победой. В лагере Лжедмитрия это вызвало разлад. Вмешался и Сигизмунд, звал «рыцарство» в королевскую армию. С «вором» никто уже не считался, его хаяли, угрожали. Он испугался, что паны запросто им пожертвуют, и сбежал в Калугу, разослав воззвания – объявил поляков изменниками и требовал истреблять их. И казаки тоже разделились. Одних Заруцкий уговорил идти к Сигизмунду. Другие выступили в Калугу. Заруцкий тут же сообщил об этом Ружинскому, поляки напали на колонну и перебили до 2 тыс. человек. В ответ атаман **Дмитрий Беззубцев** истребил польский гарнизон в Серпухове.

Но до национального единства было еще далеко. Недовольство Шуйским, восставшим против себя всю Россию, накопилось и в Москве. В результате царя свергли и постригли в монахи. Но и нового царя созданный Земский Собор избрать не мог. Любая кандидатура из русской знати вызывала резкое противодействие остальных бояр – считавших, что их собственные роды ничуть не ниже. Однако с юга к Москве опять подступил Лжедмитрий, а с запада – войско польского гетмана Жолкевского. Получалось, что надо договариваться с тем или другим. И был выработан компромиссный вариант, позволявший вроде бы прекратить Смуту и замирился с Польшей – пригласить на царство сына Сигизмунда, Владислава. Речь вовсе не шла о капитуляции. Условиями приглашения был переход королевича в православие, неприкосновенность русской веры, законов, территориальная целостность страны.

Но Жолкевский при переговорах обманул. Прекрасно зная, что Сигизмунд уже настроился на полное завоевание России и введение унии, он сделал вид, что соглашается на русские требования. Добился присяги Владиславу. Патриотов, которые могли помешать утверждению поляков в Москве – Василия Голицына, Филарета Романова, Жолкевский включил в посольство к королю. А удалив их, договорился с соглашательской частью бояр, чтобы они впустили польское войско в Кремль. И столица очутилась во власти захватчиков. Патриарх Гермоген пытался протестовать, но его оклеветали в связях с Лжедмитрием и взяли под стражу. А русское посольство, прибывшее в осадный лагерь под Смоленском, угодило в ловушку. Договор, подписанный Жолкевским, король и сенаторы не признали. Требовали, чтобы послы присягали не Владиславу, а Сигизмунду, чтобы приказали сдать Смоленск. Несмотря на давление и угрозы, Голицын и Филарет твердо отказались. Тогда участников

посольства, представлявших низшие сословия, поляки перебили, а руководителей объявили пленными и отправили в Литву.

13. Казаки устанавливают династию

Присяга Владиславу ничего не дала России, кроме новых бед. С одной стороны, теперь повод для экспансии получили шведы, принялись захватывать русские города. А с другой, и города, впусившие поляков, подвергались от них грабежам и разорению. Повсюду бесчинствовали отряды шляхты, немецких и венгерских наемников, украинцев. Убивали, угоняли в плен, истязали людей, вымогая деньги. И народ стал подниматься на борьбу. Вдохновителем ее стал патриарх Гермоген. Его держали в заточении, всячески притесняли, требуя призвать людей к покорности. Он отвечал, что если поляки не исполнят условий прежнего договора, то он благословит восстание. У него отобрали бумагу, всех слуг. Тем не менее смельчаки пробирались к нему. Сумели с ним увидеться и казачьи атаманы **Андрей Просовецкий** и **Миша Черкашин** (может быть, родственник давнего героя Дона). Патриарх через таких гонцов извещал, что он разрешает Россию от присяги Владиславу и призывал: «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!» [173].

А в декабре 1610 г. устранилось препятствие, разделявшее патриотические силы. Лжедмитрий, заподозрив в измене, убил касимовского царя Ураз-Мухаммеда, а татары отомстили и прикончили самого «царика». Пробовала было играть самостоятельную роль Марина Мнишек – она как раз разродилась «царевичем Иваном Дмитриевичем». Но «царицу» и ее ребенка никто всерьез не принимал. Даже не знали, от кого он был, современники писали, что «Маринка воровала со многими». Калужский лагерь возглавили «тушинский боярин» **Дмитрий Трубецкой** и Заруцкий – атаман понял, что в альянсе поляков и московских предателей ему ничего не светит, никто его «боярство» не признает, и перешел на другую сторону. А на Рязанщине выступил против интервентов Прокопий Ляпунов. Возникло Первое земское ополчение. Весной 1611 г. войска патриотов двинулись к Москве. И поляки, поняв, что во враждебно настроенном городе обороняться не смогут, приняли варварское решение – сжечь Москву. 19 марта возникла драка между солдатами и москвичами. Польский комендант Гонсевский бросил на безоружный люд наемников, учинивших жуткую резню. А когда горожане организовались к сопротивлению, враги начали поджигать дома. Поляки засели во внутренних крепостях – Кремле и Китай-городе. А остальная Москва превратилась в пепелище. Погибло, по разным оценкам, от 150 до 300 тыс. человек [207].

В это время подошло и земское ополчение. Пыталось штурмовать, но центральные цитадели Москвы были первоклассными твердынями, в руки поляков попала лучшая в мире московская артиллерия, и атаки отбивались. Началась осада. При ополчении было создано правительство, возглавил его триумвират из Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Однако лидеры не ладили между собой. Заруцкий стал любовником Марины Мнишек, вынашивал планы возвести на престол ее и «воренка», чтоб возвыситься самому. А Ляпунов был никудышным политиком – поскольку обожглись с польским королевичем, он задумал пригласить на царство шведского, направил для переговоров посольство Бутурлина. Само ополчение было небольшим, 6 тыс. воинов [173]. Умножилось оно за счет приставших к таборам москвичей, но в боевом отношении они стоили немного.

Сигизмунд вполне мог бы раздавить патриотов. Но его силы связала героическая оборона Смоленска. Лишь в июне 1611 г., когда погибло большинство защитников, враг сумел захватить город. Падение Смоленска пышно праздновалось всем католическим миром. Балы, торжества с фейерверками шли даже в Риме. Папа объявил отпущение грехов всем участникам кампании. Генерал иезуитов Аквила провозглашал: «О, даруй, Боже, яснейшему королю польскому, для блага христианской церкви *уничтожить* коварных врагов московитян».

Ну а шведы воспользовались ошибками Ляпунова. Делали вид, будто ведут переговоры, а сами подтягивали войска к Новгороду. А потом предъявили ультиматум о сдаче. Город отказался, и шведы ринулись в атаку. Правда, ее удалось отразить, но ночью шведы проникли в крепость с помощью предателя. Началась резня, паника. Среди тех, кто сражался до конца, был атаман **Тимофей Шаров** с 40 казаками. Им предлагали сдаться, обещая жизнь. Они отвечали: «Не сдадимся! Умрем все за православную веру!» И пали в сече до единого. Новгород был взят.

Неладно было и в подмосковном лагере. Сношения со шведами вызвали недоверие казаков к Ляпунову. Их недовольство подогревал Заруцкий. К тому же земское правительство не сумело организовать нормальное снабжение. Если от городов что-то присылали своим отрядам, то казаки были вынуждены самоснабжаться, что приводило к конфликтам, грабежам, жалобам. Тем более что за время Смуты к казакам прибилась невесть кто. Кончилось тем, что воевода Плещеев поймал 28 казаков по обвинению в грабеже, а Ляпунов без особого разбирательства приказал их «посадить в воду». Казачество возмутилось. Об этом узнали осажденные поляки и провернули интригу. От имени Ляпунова было изготовлено письмо, где он якобы требовал истребления всех казаков, «зачинщиков смут». И через некоего Заварзина фальшивку подкинули казакам. Ее зачитали на кругу, народ забушевал и вызвал Ляпунова. Он отрицал свое авторство, но возбужденные казаки не стали его слушать и изрубили саблями.

После гибели предводителя стали уезжать дворяне. Основной ополчения остались казаки. Между тем к полякам подошло подкрепление, свежий корпус Сапеги. Он прокатился по Руси, отметившись страшными зверствами. Людей сжигали, сажали на кол, рубили руки, ноги, женщинам резали груди. Набрав обоз продовольствия, корпус ударил по осаждавшим извне, гарнизон Москвы предпринял вылазку изнутри, и кольцо было прорвано. С этого момента полной блокады больше не было. У казаков не хватало для этого сил, они осаждали Москву только с востока и юга. Но не ушли, обосновались капитально. Понастроили острожки, соорудили «лавы» – наплавной мост через Москву-реку. А 15 сентября установили батарею мортир и стали обстреливать Китай-город калеными ядрами. Одно попали в сарай с сеном, и запылало. Защитники бежали в Кремль, а казаки полезли на стены. Но и сами не смогли продвинуться из-за пожара, охватившего весь Китай-город. А потом оккупанты согнали их со стены огнем артиллерии.

Однако выжгли Китай-город очень кстати. К Москве из Смоленска вел войско литовский гетман Ходкевич. Теперь же оказалось, что в столице ему разместиться негде. Ходкевич хотел было решить проблему иначе – уничтожить казаков. Вывел 10 тыс. воинов и атаковал острожки у Яузы. Но не тут-то было. Казаки уклонялись от рукопашной и осыпали врага пулями из-за укреплений, из-за торчавших на пепелищах печей. Конница на пожарище не могла развернуться, а пехота в атаках несла большие потери. Когда же поляки стали отступать, казаки нанесли контрудар, отсекали часть неприятелей, загнали в Яузу и перебили. И Ходкевич, потерпев поражение, разделил свои силы. Часть войска оставил в Москве, а сам ушел собирать припасы. Пошла затяжная тяжелая война. Казаки вели кровопролитные бои за овладение отдельными укреплениями, узлами обороны. А Ходкевич несколько раз прорывался с обозами, сменял гарнизон.

Россия лежала в полном развале. Ее уже опустошали все кому не лень – поляки, литовцы, шведы, украинцы, татары, разбойники. Но все шире разворачивалась народная борьба. Отряды партизан – «шишей» нападали на оккупантов. А в Нижнем Новгороде **Минин** и **Пожарский** стали формировать Второе земское ополчение. Когда об этом узнали поляки в Москве, они обвинили во всем Гермогена. Кричали на него, что это он мутит народ своими призывами. Требовали написать увещевание о роспуске ополчения. Патриарх-казак ответил: «Да будет над ними милость от Бога и от нашего смирения благословение, а на

изменников да изльется от Бога гнев, а от нашего смирения да будут прокляты в сем веке и в будущем». 17 февраля патриарха не стало. Поляки уморили его голодом. Впоследствии Православная Церковь причислила его к лику святых.

Создание второго ополчения встревожило и Заруцкого. Он фактически подмял Трубецкого и совсем занесся. Сам себя наделял поместьями и вотчинами, вел игру в пользу Марины и «воренка». Нижегородцев воспринял как угрозу своему положению и планам и стал рассылать отряды для занятия городов, чтоб не отошли к Пожарскому. Да только казакам «воренок» был абсолютно не интересен. Они были сбиты с толку. Не знали, на кого же ориентироваться. А в Пскове в это время появился Лжедмитрий III – Матюшка Веревкин. И когда в подмосковные таборы пришло его воззвание, казаки забузили и присягнули ему – по крайней мере не иноземец. Заруцкий возражать кругу не посмел. А перед Пожарским встал трудный выбор. Объединяться с Заруцким и сторонниками «вора» было нельзя. И развязывать очередную междоусобицу он не хотел. Поэтому дошел только до Ярославля и остановился, собирая силы и формируя армию.

Лжедмитрия III быстро скинули сами же казаки. «Царь» оказался еще тот. Обобрал псковскую казну, бражничал, слуги хватили на улицах баб и тащили ему «на блуд». В мае 1612 г. его свергли и взяли под стражу. Трубецкой начал переговоры об объединении с Пожарским. Заруцкий же сделал последнюю попытку удержать лидерство в освободительном движении. Решил взять Москву до прибытия Пожарского и бросил все силы на общий штурм. Он захлебнулся в крови. Авторитет атамана падал. К казакам поступали сведения об отличной организации в Ярославле, о четком снабжении и выплатах жалованья. К Пожарскому начали уходить земские ратники, часть атаманов со своими станицами.

И Заруцкий не остановился перед попыткой физически устранить «конкурента», подослал для этого в Ярославль казаков Стеньку и Обрезка. Но и охрана Пожарского состояла из казаков [173]. И когда в толпе на площади было предпринято покушение, казак **Роман** получил удар ножом, предназначенный князю. Убийц поймали, на допросе они выдали «заказчика». Заруцкий лихорадочно заметался в поисках выхода. Поляки, зная о его проблемах, направили к нему гонцов, переманивая на свою сторону. Но эти контакты получили огласку – гонцов опознал поляк, служивший у русских. Положение Заруцкого стало совсем шатким, и когда в июле к Москве начали прибывать авангарды Второго ополчения, он приказал казакам сниматься и уходить. Послушались его лишь 2 тыс., в основном всякий сброд, а донские казаки, 3–4 тыс., остались с Трубецким.

У Пожарского было около 10 тыс. ратников, и Трубецкой предлагал объединиться. Но командование Второго ополчения опасалось, что дух казачьей вольницы ослабит дисциплину. И расположило войско в западной части города, а казакам выделило для подкрепления 5 сотен конницы. Врага опередили всего на день. К Москве опять шел Ходкевич с большим обозом продовольствия. Он тоже получил подкрепления – венгерскую и немецкую пехоту, запорожцев Ширяя и Наливайко. У Ходкевича набралось 12–14 тыс. воинов, да гарнизон Москвы составлял 3,5 тыс. (причем польские данные учитывали только «рыцарство», а каждый шляхтич имел 2–3 вооруженных слуг) [75]. Битва началась 22 августа. Поляки атаковали позиции Пожарского, а гарнизон предпринял вылазку. Его крепко побили и загнали назад. Но части Ходкевича теснили русских, стали одолевать. Трубецкой стоял в бездействии за Москвой-рекой, не отпускал и сотни, присланные от Пожарского.

Но когда враг прижал к берегу отряд русских, и они, спасаясь вплавь, появились в Замоскворечье, командиры сотен сами ринулись в бой. Атаман **Межаков** крикнул Трубецкому: «От ваших ссор только гибель чинится Московскому государству» – и с четырьмя сотнями казаков тоже бросился через реку. Получив фланговый удар, поляки отступили.

После этого Ходкевич перегруппировал силы, решил прорваться с юга. Дорогу через сожженное Замоскворечье перекрывали два острожка, со стороны Кремля – у церкви св.

География, и с внешней стороны у церкви св. Климента. Ночью изменник провел 600 гайдуков через посты, и они захватили внутренний, Георгиевский острожек. А 24 августа поляки нанесли двойной удар. Конницу Ходкевич бросил против частей Пожарского, а пехота атаковала оборону Трубецкого. С тыла ударили просочившиеся гайдуки и овладели Климентовским острожком. Дорога к Кремлю открылась, и гетман сразу двинул туда обоз в 400 возов и подкрепления. Но выбитые из острожка казаки засели рядом в кустах и развалинах, к ним подошла подмога. Объехать острожек стороной обоз не мог. А когда враги открыли ворота, чтобы пропустить его, казаки открыли пальбу. Лошади заматались, дорога закупорилась, и казаки ворвались в укрепление. Растянувшийся по Ордынке обоз был разрезан и частью захвачен. А Ходкевич, понеся большой урон, отвел войска и дал им передышку.

В бою возникла пауза. Чтобы узнать о положении в Замоскворечье, Пожарский направил туда нескольких дворян и келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Палицын пишет, что в Климентовском острожке увидели «литовских людей множество побитых и казаков со оружием стоящих». Они сказали келарю: «Хотим умереть за православную веру; иди, отче, к нашим братьям казакам в станы и умоли их идти на неверных». Отправившись дальше, Палицын встретил толпу казаков, возвращавшихся с боя в лагерь, и вдохновил их вернуться, дав боевой клич «Сергиев». После чего достиг табора и увидел «упрямых», которые пьянствовали и играли в карты. Он и с ними поговорил, и они тоже пошли в бой. Что ж, видимо, Палицын был хорошим агитатором. Но во многом можно усомниться. Это подметил еще Костомаров – что автор приписал только себе решающую роль в исходе битвы [90]. Ведь на самом-то деле казаки выдержали на себе всю тяжесть осады, стояли под Москвой полтора года. У них не хватало одежды, обуви, они голодали – так где же им было спиртное взять?

Скорее, картина была иной. Войско Трубецкого растянулось, охватывая половину Москвы. Те казаки, что стояли на Яузе, не знали, что делается в Замоскворечье. У них-то было спокойно, и они могли коротать время за картами. А Трубецкой им приказов не посылал, пустил дело на самотек. И как раз поэтому казаки в Климентовском острожке попросили Палицына известить их товарищей. Те откликнулись сразу. Сам келарь вспоминал, как казаки босые, в лохмотьях, но с саблями в руках неслись на врага. Ударили на лагерь Ходкевича. Поддержал и Пожарский, послал в атаку конницу во главе с Мининым. И разгром был завершен. Казаки отбили обоз, гетман, по сути, лишился и армии – у него осталось 400 конников и 4 тыс. запорожцев. Ночью он ушел прочь.

Победа сплотила патриотов, обе рати объединились. А у осажденных начался голод. Съели ворон, собак, лошадей. Пожарский предложил почетные условия сдачи – с гарантией жизни и свободного ухода домой. Но ответили по-хамски. Называли русских ослами, сурками. Впрочем, стойкость «рыцарства» объяснялась отнюдь не героизмом, а всего лишь алчностью. Гарнизон обчистил кремлевские сокровищницы, церкви, ободрал даже царские гробы и не желал расставаться с награбленными богатствами. А чтобы продержаться до прихода короля, прибег к людоедству. Сперва сожрали пленных, потом гулящих девок, потом стали жрать друг друга и ловить людей на улицах. Но силы поляков быстро таяли. В октябре из 3,5 тыс. бойцов осталось 1,5 тыс., и они согласились на переговоры. Правда, по-прежнему вели себя нагло, торговались. Казакам это надоело. 22 октября без приказа командования, по собственной инициативе, они со списком Казанской иконы Пресвятой Богородицы пошли на штурм. И ворвались в Китай-город.

В честь этого события и был установлен праздник Казанской иконы Божьей Матери. Потому что дальнейшая оборона поляков стала невозможной. И 27 октября остатки гарнизона капитулировали. Уже без всяких условий. По соглашению между двумя частями ополчения пленных разделили. Те, кто попал к земцам, уцелели. А казаки своих пленных

перебили – когда увидели оскверненную столицу, загаженные церкви, чаны засоленной человечины в домах, отношение к полякам было соответствующим.

Москва была взята исключительно вовремя – к ней приближался король Сигизмунд с армией. В Вязьме соединился с остатками воинства Ходкевича. И лишь тут узнал, что Москва пала. Сразу вспомнил об отвергнутом ранее договоре. Направил посольство, уверяя, что пришел дать на царство Владислава. Но земское руководство переговоры отвергло. А король застрял у маленького Волоколамска. Здешний воевода Карамышев было скис, хотел сдаваться. Однако в городе находились донские станицы атаманов **Нелюба Маркова** и **Ивана Епанчина**, они отстранили воеводу от командования и поляков не пустили. Отразили три штурма, да еще и предприняли вылазку, отобрав у врага несколько пушек. А уже начинались метели и морозы. 27 ноября король приказал отступать. Побрели по зиме, бросая в снегах обозы, теряя замерзших воинов. В общем «пришли казаки с Дону, погнали ляхов до дому».

Только тогда Русь смогла заняться государственным устройством. В январе 1613 г. был созван Земский Собор для избрания царя. На него съехались выборные от всех сословий: дворян, духовенства, посадских, стрельцов, казаков, свободных крестьян. В принципе, главная кандидатура была одна. Михаил Романов. Остальные представители самых знатных родов погибли, находились в плену или дискредитировали себя связью с поляками. А Михаил был двоюродным племянником царя Федора Иоанновича. Его отец Филарет проявил себя стойким патриотом в посольстве. Он был популярен у казаков по тушинскому лагерю, по войне со шведами в 1591–1593 гг., где он прекрасно командовал войсками. Но бояре решительно выступили против Романова. Однако и между собой соперничали. Снова заговорили о приглашении шведского принца. Были сторонники Трубецкого, Черкасского.

И Собор преодолел разброд беспрецедентным решением – отправил всех бояр «на богомолье». А без них выработал первое общее постановление: не искать на царство иностранцев и «маринкиного выблядка». Активную агитацию в пользу Романова вел Троице-Сергиев монастырь. На его подворье собирались «многие дворяне и дети боярские и гости многих разных городов и атаманы и казаки». *7 февраля на заседании Собора первую «выпись» с предложением Михаила подал от Дона атаман Филат Межаков.* За ним подали такие же «выписи» служилые Галича, калужские купцы. Так состоялось предварительное избрание. После чего делегатов распустили в свои города – «проведать», поддержат ли кандидатуру их избиратели. 21 февраля собрались снова, уже с боярами. И те опять начали приводить возражения. «Черная» часть Собора возмутилась. Заявила, что хватит тянуть волюнку и интриговать. Окончательное обсуждение вынесли на Красную площадь, где собрались толпы народа и отряды казаков, которые единодушно одобрили избрание Романова. Когда известия о случившемся дошли до Речи Посполитой, канцлер Сапега озлобленно бросил пленному Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы!»

Последствия Смуты были для Руси очень тяжелыми. По разным оценкам, погибло от четверти до трети населения. Города и села лежали в руинах. Западные районы захватили поляки, северо-западные – шведы. Степняки разгуливали беспрепятственно, и жители жаловались, что татары «живут у них без выходу». Пострадало и казачество, понесло огромные потери. Пока казаки сражались под Москвой, их городки были разорены, семьи сгинули. А с другой стороны, станицы пополнились прибывшими к ним людьми, оставшимися без кола без двора. Но казачество, даже ослабленное, являлось в это время основной боевой силой государства. Ведь и прежней армии не существовало. И власть всячески укрепляла отношения с казаками. Один из первых указов нового царя, был направлен на то, чтобы утвердить доброе имя казаков, замаранное всякими бандитами. Михаил Федорович требовал «впредь тех воров казаками не называть, дабы прямым казакам, которые служат, бесчестья не было».

«Воров» и впрямь хватало. Бесчинствовали шайки украинцев, русских разбойников. А главную опасность представлял Заруцкий с Маринкой. Собирал разный сброд, пытался взять Рязань. Против него была направлена рать, нагнала под Воронежем и разбила. После чего от него отделились 2,5 тыс. казаков и принесли повинную. Дон Заруцкого не принял. И он с тысячей сторонников ушел в Астрахань. Убил воеводу, крутым террором подчинил горожан. Вынашивал планы втянуть в русские дела еще и Иран с Турцией, направил послов к шаху, обещая за помощь отдать Астрахань. Разослал воззвания на Дон, Терек, Яик, чтобы вместе с ногайцами идти на Москву. Но его призывы остались без отклика, к нему пришли лишь 560 волжских «воров». Весной 1614 г. на Заруцкого выступили отряды из Москвы и с Терека. Астраханцы, узнав об этом, восстали, перебили многих людей атамана. Заруцкий с остатками подчиненных на стругах бежал на Яик. Однако проводники из яицких казаков помогли стрельцам найти его. Настигли в городке на Медвежьем острове. Но власть Заруцкого уже кончилась. В городке верховодили яицкие атаманы **Треня Ус** и **Верзига**, а когда подошел царский отряд, выдали смутьянов. И впервые Яицкое Войско принесло присягу царю. В Москве Заруцкого посадили на кол, малолетний «воренок» был повешен, Мнишек умерла в тюрьме.

14. Морские походы

Царское правительство высоко оценило роль казачества в освободительной войне. В июне 1614 г. посольство Ивана Опухтина привезло на Дон жалованье. Впервые Войску Донскому было вручено государево знамя. Из Москвы прислали и священников. И в Черкасском городке была построена первая на Дону часовня [219].

У украинских казаков связи с государством тоже улучшились. Они в общем-то тоже разделились. Часть их во время Смуты колобродила по Руси. Но другая часть запорожцев по-прежнему нападала на турок и татар. В 1605 г. они взяли и разорили Варну, в 1608 г. – Перекоп и Очаков. В этих предприятиях выдвинулся выдающийся руководитель казачества **Петр Конашевич-Сагайдачный**. В 1612 г. его эскадра взяла Кафу, освободив тысячи невольников. Следующим рейдом 2 тыс. казаков захватили Синоп. Сагайдачный был ревностным поборником Православия и казачьих вольностей. Но полагал, что все права можно заслужить доблестной службой Польше: оценят ее король и паны, ну и пойдут на уступки. Запорожцы откликнулись и на призыв короля выступить против России. Отряды Сагайдачного разгромили Болхов, Перемышль, Козельск. Но жители Калуги, к которым пришло на помощь 2,5 тыс. донцов, отбили запорожцев. Они отступили в крепость Белую, где были осаждены, и Сагайдачный еле вырвался с немногими людьми, остальных пленили.

К сожалению, правительство при Михаиле Федоровиче сформировалось слабое. Верховодили его родичи, неумные Салтыковы. Войну повели «растопыренными пальцами», стали собирать не одну, а две армии, Черкасского против поляков и Трубецкого против шведов. Но они получились малочисленными, Черкасский не смог взять Смоленск, а Трубецкой – Новгород. Быстро омрачилась и дружба с казаками. Правительство затеяло «разбор» станиц, чтобы в них остались «старые» казаки, а «новых», приставших в Смуту, требовалось удалить. Правда, предусматривалось делать это «по доброй воле», по рассмотрению и «челобитию» самих казаков. А бывшим холопам и крепостным предоставлялся выбор – возвращаться к прежнему хозяину или идти к другому. Но они уже прижились в станицах, сроднились в боях. И казаки резко воспротивились, заявив: «С Дона выдачи нет!» При попытках «разбора» отряды стали уходить со службы на Дон. Или действовали самостоятельно, кочевали по Оке и заключали соглашения с местными жителями – те выделяли снабжение, а казаки обороняли их от татар и поляков.

Кроме того, Москва попыталась заключить против Польши союз с Турцией, для чего потребовала от донцов пребывать в мире с Азовом и Крымом. Но ведь они-то не прекращали нападений! В 1615 г., когда царское посольство к султану проезжало через Азов, туда после очередного набега привели пленных казаков и атамана **Матвея Лиственникова**. На площади их подвергли нечеловеческим мукам, резали из спин ремни. Прощать такое казаки не привыкли. Осадили Азов. Взять его не смогли, но вышли в море и сожгли Синоп. А запорожцы добавили, их эскадра появилась уже возле Стамбула, «окуривала его мушкетным дымом», ограбила виллы в окрестностях. Султан выслал на казаков флот, но его разгромили возле устья Дуная, захватив несколько кораблей и пленив капудан-пашу (адмирала). Турки были в бешенстве, визирь обвинял русских послов. Те оправдывались, что казаки «народ вольный», подданными царя не являются. Однако турки знали, что эти же послы привезли на Дон жалованье, уличали в обмане, и подписание союзного договора сорвалось.

Но обошлись и без турок. Шведский король Густав II Адольф обломал зубы, попытавшись взять Псков (в героической обороне участвовали и несколько казачьих станиц). А партизанская война показала королю, что удержать Новгородскую землю будет непросто. И он согласился заключить мир, удовлетворившись тем, что снова отобрал районы, прилегающие к Финскому заливу. Был этим очень доволен и восклицал: «У русских отнято море!» Поляки

же мириться не хотели, предприняли еще одно наступление. Однако Польша уже выдыхалась. В войско под командование королевича Владислава собрали лишь 10–15 тыс. человек. Оно дошло до Можайска и попало в трудное положение, обложенное с нескольких сторон русскими ратями. Спас королевича Сагайдачный. Гетман Жолкевский провел с ним переговоры. Пообещал увеличить реестр казаков до 12 тыс., восстановить права Православной Церкви на Украине. И Сагайдачный, собрав 20 тыс. казаков, вторгся в Россию, сжег Ливны, Елец. Царское правительство принялось перетасовывать силы, и поляки с украинцами, воспользовавшись этим, с двух сторон прорвались к Москве. Взять ее не сумели, штурм был отбит. И лишь после этого в 1618 г. Польша согласилась заключить перемирие на 14 лет. На очень тяжелых условиях – к Речи Посполитой отошли Смоленщина, Черниговщина, Северщина.

Тем не менее измученная Русь наконец-то обрела мир. А из плена вернулся отец царя Филарет. Он был поставлен патриархом, но одновременно принял титул государя и стал фактическим правителем при сыне. И именно он стал восстановителем Руси после Смуты. Разогнал из правительства временщиков и проходимцев, провел ряд важных реформ. При нем были упорядочены и взаимоотношения Москвы с Доном. Определился размер ежегодного жалованья войску: 7 тыс. четвертей муки, 500 ведер вина, 260 пудов пороха, 150 пудов свинца, 17 142 руб. деньгами и еще 1169 руб. 60 коп. «на будары» (баржи, которыми все это перевозилось). Для строительства будар Филарет (а не Петр I) организовал судоверфи в Воронеже. А от Дона в Москву каждую зиму стала присылаться «зимовая станица» из атамана и сотни отличившихся казаков, привозила «отписки» о войсковых делах. Если требовалось решить какие-то срочные вопросы, присылались «легкие станицы» из 5–10 казаков. Но при этом Дон сохранял полную автономию, казаки подданными России не числились, и их принимали в Иноземном приказе (ведавшем служилыми иностранцами) [35].

А в Польше Сагайдачный за свои услуги королю и впрямь смог поставить себя независимо. Был восстановлен выборный пост гетмана, который и занял Сагайдачный. Когда через Украину проезжал в Москву патриарх Иерусалимский Феофан, гетман уговорил его посвятить в сан Киевского митрополита Иосифа Борецкого. Таким образом восстанавливалась структура Православной Церкви (но за это Феофан наложил на казаков запрет – никогда больше не ходить войной на Россию). Сагайдачный основал в Киеве Братский монастырь, школу для подготовки священнослужителей. Казалось, вернулись и казачьи вольности. Крестынин уходил на год-два в Запорожье, а возвращался в ранге «казака». Заводил хозяйство на землях, отданных магнатам, но считал себя свободным. Однако эти «вольности» были призрачными, терпели их до поры до времени. Да и православных иерархов поляки не признавали «законными», продолжали гонения на церковь, захваты храмов и имущества.

Ну а дела донских казаков вскоре вошли в противоречие с политикой Филарета. Патриарх совершенно справедливо считал главным врагом России Польшу. Она так и не признала Михаила Федоровича царем, сохраняла этот титул за Владиславом. Не исчезли и проекты обращения русских в унию – Филарет знал о них прекрасно, во время пребывания в плену иезуиты всячески обрабатывали его самого. Значит, была неизбежна новая схватка, ставкой в которой было само существование России и русских как народа. А союзницей против Польши выглядела Турция. Но морские походы донцов набирали все больший размах. Причем они стали действовать вместе с запорожцами. Получалось – с потенциальным противником. Центром Войска Донского после Смуты стал Монастырский городок (названный по Монастырскому урочищу – никаких монастырей здесь не было). Тут собирался войсковой круг, выбиравший атамана и утверждавший планы на следующий год. Строили и смоллили челны. У запорожцев они назывались «чайками», но конструкция на Днепре и Дону была одинаковой.

Лодки длиной 15–20 м делались из выдолбленных деревьев, борта наращивались досками. Для маневренности они имели 2 руля, спереди и сзади, а для повышения непотопляемости и защиты от пуль по бортам обвязывались охапками тростника. Экипаж составлял 40–70 казаков. На судах устанавливалось по 4–6 легких пушек-фальконетов, каждый казак брал 2–3 ружья. При попутном ветре поднималась мачта с прямым парусом. Но чаще шли на веслах и за 35–40 часов достигали Малой Азии [25]. Снова горели Синоп, Трапезунд, Варна, Кафа. Турки устроили по берегам системы сигнального оповещения, высылали эскадры в устья Дона и Днепра. Но ничего не помогало. Стремительные казачьи флотилии опережали сигналы тревоги. А турецких моряков обманывали, прорывались домой другими реками – часто пользовались путем через Миус, откуда волоком попадали в притоки Дона и Днепра.

Нападали и на корабли в открытом море. Лодки были низкими, и казаки замечали суда турок раньше, чем обнаруживали их самих. Следовали за противником на расстоянии, держась со стороны солнца. А когда оно заходило, неслышно подгребали к борту, снимали вахтенных и врывались на судно. В морских сражениях казаки умело маневрировали, избегая огня орудий. Старались приблизиться вплотную, попасть в мертвую зону. Расчищали вражескую палубу ливнем метких пуль и бросались на abordаж. Добычу привозили огромную. Но и погибали во множестве. В боях, штормах, от руки палачей. Когда в очередном сражении казаки потрепали турецкий флот, уничтожив 20 галер, враги сумели захватить 17 лодок с перераненными экипажами. Пленных подвергли в Стамбуле показательным казням. Одних клали на землю и топтали слонами, других привязывали к галерам, гребущим в разные стороны, и разрывали на части, третьих закапывали живьем.

Турция в это время готовилась к новой войне с Польшей, предлагая Москве союз. Россия была еще не готова воевать. Но и упускать шансов не хотела. И Филарет решил поддержать султана «неофициально», а заодно перенацелить донцов в нужном направлении. Приказал им выступить на стороне турок. Но патриарх ошибся. Войско отказалось наотрез, заявив, что если будет воевать Россия, то под начальством царских воевод сражаться пойдет, а служить под командованием «пашей нечестивых в обычае донских казаков никогда не бывало».

В 1620 г. османские полчища двинулись на поляков и разгромили их под Цецорой, а в 1621 г. сотысячное войско подступило к крепости Хотин. Под знамена королевича Владислава, возглавившего польскую армию, удалось собрать всего 30 тыс. воинов. В Речи Посполитой царил паника. А Сигизмунд совершил новую глупость, объявил православных священников турецкими шпионами и начал аресты. Запорожцы возмутились, защищать такую власть не хотели. Спас Польшу опять Сагайдачный. Он явился в Запорожье, убил кошевого атамана **Бородавку**, не желавшего идти под Хотин, созвал отовсюду казаков, набрав 40 тыс. И привел на выручку Владиславу. Получив неожиданный удар, турки были разбиты и отступили. Но сам же Сагайдачный вскоре понял, что ошибся. Едва исчезла угроза, паны обнаглели. Несмотря на то, что на сейме в защиту прав казаков выступил Владислав, не лишенный рыцарской чести, шляхта эти права признавать отказалась. И тогда Сагайдачный тайно отправил гонцов... в Москву. Стал первым из гетманов, кто предложил союз и переход Украины в подданство царя. Но на Руси ему не верили, хорошо помнили походы на нашу страну, и посольство не приняли.

Обращался в Москву и султан. Требовал унять донцов. Заявлял даже, что готов взять их на свое содержание и переселить в Анатолию, пусть «промышляют» против врагов Порты. Филарет отвечал, что царь способен и сам усмирить казачество. Но только Порты оказались слишком уж ненадежной «союзницей». После Хотина она замирилась с Польшей, а раз так, то крымский хан выступил за ясырем в другую сторону, на Русь. В 1622 г. татары проломли пограничную оборону, опустошив Епифанский, Даниловский, Одоевский, Белевский, Дедиловский уезды. Казаки ответили. Атаман **Шило** с отрядом из 700 донцов высадился

под Стамбулом, «повоевал в Цареградском уезде села и деревни», хотя на обратном пути его догнала турецкая эскадра и перебила 400 человек. Были разорены Кодриа, Трапезунд, казаки подступали к Керчи и Азову. В итоге так и установилось – Москва требовала от Стамбула унять крымцев, чего турки сделать не могли и не хотели. А когда Стамбул требовал усмирить казаков, в Москве отвечали: «На Дону живут воры и государя не слушают». Однако при этом на Дон регулярно посылались жалованье, в том числе боеприпасы.

На Украине же не стало Сагайдачного – он под Хотинком получил рану, болел и, постригшись в монахи, отошел в мир иной. И все обещания, данные ему, сразу были забыты. Казаки в 1625 г. прислали делегатов на сейм с просьбой законодательно обеспечить права православных, приложили большой перечень беззаконий и обид. На что получили грубый отказ – само обращение «хлопов» к сейму сочли непростительной дерзостью. И вспыхнуло восстание под предводительством **Жмайла**. По инициативе Киевского митрополита Иова Борецкого запорожцы отправили посольство к царю. Приносили повинную за все, что натворили в Смуту, просили помощи и «принятия Малороссии и запорожских казаков в покровительство». Извинения за прошлое приняли. Царь «отпустил вины и велел впредь того не поминать».

Но в вопросе о подданстве Россия уклонилось. Воевать она еще не могла. Да и уверенности в единодушной поддержке украинцев не было, ответ гласил: «Ныне царскому величеству того дела всчати нельзя», поскольку «та мысль и в самих вас еще не утвердилась, и о том укрепления меж вас еще нет». Впрочем, пока послы ездили в Москву, на Украине уже все было кончено. На мятежников были брошены войска. Казаков осадили в укрепленном лагере возле Кураковского озера и вынудили подписать Кураковский договор. По его условиям повстанцы получали амнистию, но все привилегии, которых сумел добиться Сагайдачный, отменялись. Реестр опять сокращался до 6 тыс, запорожцам запрещалось ходить в море. Запрещалось им и «проживать в панских имениях» – или уходи, или превращайся в крепостного.

В это же время казаки стали получать чувствительные удары от турок. Новый султан Мурад IV принялся наращивать флот, назначил командовать способных моряков. В 1625 г. казаки предприняли массированный набег, разграбив Трапезунд и 250 прибрежных селений. Против них было выслано 50 галер. 300 челнов ринулись в атаку на турок. Но сильный ветер и волнение на море дали преимущество крупным кораблям, они одержали победу, потопив много казачьих лодок. А в следующем рейде османский флот уничтожил еще 20 запорожских чаек с командами. Мурад возобновил и проект антипольского союза с Россией. Его посол грек Фома Кантакузин ездил туда-сюда между Стамбулом и Москвой. Целовал крест от имени султана, «что ему с царем Михаилом Федоровичем в дружбе быть... на недругов стоять за одно». Султан брал обязательство запретить «крымскому царю и ногаям и азовским людям на московские земли войной ходить». В 1627 г. договор был заключен. И на Дон пошли суровые повеления прекратить набеги. Филарет грозил: «Или того себе чаєте, что мы, великий государь, не можем с вами управиться?»

Еще одной проблемой было «воровство» на Волге. Тут-то ни о каких высоких целях речь не шла. Но по Волге проходил главный торговый путь из Персии в Россию, добыча была богатой и легкой: шелк, пряности, индийские драгоценности. И «воровские казаки» разгулялись вовсю, нападая на купцов. Правительство предпринимало специальные экспедиции, очищая Волгу от этих банд. Но они укрывались на Дону, да и донцы, соблазнившись, порой примыкали к ним. Царь обратился к Войску, требуя пресечь эти безобразия. И круг, созданный атаманом **Родиловым**, согласился, что такой разбой – дело недостойное. Приговорили: «От сего времени и навсегда чтобы никто с Дона не ходил для воровства на Волгу; а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнену смертию» [63].

Однако морские походы – это было другое. Тут тоже отправлялись «за зипунами», но в рамках борьбы с порабощателями христиан. В 1628 г. царские послы Яковлев и Евдокимов прибыли на Дон мирить казаков с крымцами и азовцами. Донцы в общем-то не отказывались, но заявляли: «Помирился, турецких городов и сел брать не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы украины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших и матерей, братьев и сестер, жен и детей в полон брать и продавать не станут. Если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем...» Но это условие было невыполнимым, потому что и султан своих подданных не обуздал. И в том же году казаки напали на Крым, сожгли Карасу и Минкуп. В 1629 г. пожаловали к Стамбулу. Часть казачьей эскадры орудовала у входа в гавань, а 12 лодок прорвались в Босфор. Их прижали 14 турецких галер. Тогда казаки пристали к берегу, закрылись в греческом монастыре и отстреливались. Их товарищи, услышав шум боя, подошли на 50 челнах, захватили абордажем и сожгли 2 галеры, высадили десант и выручили осажденных. После чего убрались, увозя большую добычу.

Турецкий посол Кантакузин явился в Москву с целым букетом жалоб. Еще и от себя добавил, передав в соответствующем ключе картины, которые он видел на Дону. Филарет осерчал. 60 казаков, сопровождавших посольство, были арестованы и отправлены в ссылку.

Вместе с Кантакузиным в Стамбул должен был ехать посол Савинов, ему велели объявить казакам, что пока они не исправятся, жалованья им не будет. А чтобы припугнуть Дон, с послами направили воеводу Карамышева с отрядом в 700 стрельцов. И вот это сделали напрасно. Да и выбор был неудачным. Карамышев был тот самый, который в 1612 г. чуть не сдал полякам Волоколамск и был отстранен казаками от командования. Теперь он горел желанием утереть им нос, всюду шумел, что будет казаков и атаманов «казнити и вешати». Что он, мол, соединится с татарами и вместе с ними вразумит Дон. Результат был плачевным. Казаки возмутились арестом своих товарищей в Москве. А тут еще Карамышев своими выходками злости добавил. Его притащили на круг, изрубили и утопили. Правда, послов не тронули, проводили в Азов, не взяли даже большую сумму денег, которую вез Карамышев. Но реакция правительства была жесткой. Находившуюся в Москве станицу, атамана **Васильева** и 70 казаков, заточили по тюрьмам, некоторых казнили. Жалованье присылать прекратили.

15. Казаки расширяют державу

Во время Смуты из Москвы сбежал находившийся на русской службе сын Кучума Ишим и в Сибири взбунтовал ряд племен. Его агитации поддались далеко не все. Но в это время из Монголии и Джунгарии начались миграции калмыков (ойратов). Это был многочисленный и сильный народ, воевал с казаками, вторгался в Среднюю Азию. «Кучумовичи» породнились с калмыками, к их союзу примкнули енисейские киргизы, кузнецкие татары. И заполыхало по всей Южной Сибири. Деревни и мелкие острожки погибали. Города кое-как отбивались. Осадам подвергались Тобольск, Тара, Тюмень. В 1615 г. разгорелись бои под Томском. Его осадили кузнецкие татары. Гарнизон предпринял вылазку, казаку **Якиму Захарову** в рукопашной удалось убить вражеского предводителя Наяна, и противника отогнали. После этого томские служилые под командованием стрелецкого сотника **Ивана Пущина** и атамана **Бажена Констептинова** совершили ответный рейд, «Абинский улус повоевали и городок взяли». Но на помощь кузнецким татарам подошли 5 тыс. калмыков и снова обложили Томск. Блокада длилась 10 недель, люди стали умирать от голода. Поняв, что терять больше нечего, ринулись в последнюю отчаянную атаку. И победили – степняки откатились прочь.

По мере стабилизации в Европейской России стало улучшаться и положение в Сибири. Сюда пошло оружие, продовольствие, подкрепления. И от обороны русские перешли к дальнейшему продвижению на восток – в бассейн Енисея. В 1618 г., чтобы замирить кузнецких татар, был построен Кузнецкий острог, в 1619 г. отряд **Алябьева** и **Рукина** основал Енисейск. Добирались уже и до стран вообще далеких. Так, казак **Иван Петлин** «со товарищи» по собственной инициативе совершил путешествие в Китай. Пересекли Монголию, достигли Пекина. Даже сумели получить прием у императора Шэньцзуна и провести переговоры. Получили грамоты для царя, где предлагалось установить между государствами торговые и дипломатические связи. И привезли их в Москву. Увы, в столице не нашлось ни одного человека, способного прочесть китайские грамоты. И единственным результатом похода стало описание Китая, составленное Петлиным.

Важные меры по укреплению восточных рубежей предпринял патриарх Филарет. По его решению в 1620 г. была учреждена Тобольская епархия. А чтобы защитить от калмыков Поволжье, в этом же году был построен Яицкий городок. В нем был размещен стрелецкий гарнизон, а местным казакам царь своей грамотой даровал в вечное пользование земли и рыбные ловы по Яику, право беспошлинной торговли. За это они во взаимодействии со стрельцами стали нести пограничную службу.

Но сибирское казачество, в отличие от яицкого, создавалось искусственно. Оставшиеся в живых соратники Ермака и их потомки были приняты на службу и составили «Старую сотню», размещенную в Тобольске. *А пополнялось Сибирское Войско из служилых казаков. Набирали их в основном на севере, где природные условия были сходны с сибирскими – из вольных крестьян и охотников Вятки, Перми, Устюга, Вологды, Поморья* [45, 129]. Например, до нас дошел указ Михаила Федоровича воеводе Великому Устюга в 1630 г. – набрать для Енисейска 500 «охочих мужиков в сибирскую службу» и 150 «охочих девок сибирским служилым людям на женитьбу». И добровольцев хватало. Но разве повернется у кого-нибудь язык назвать «не настоящими» казаками Пояркова, Дежнева, Хабарова, Атласова – хотя родом они были устюжанами? Впрочем, ведь в Сибири, в условиях постоянной опасности, невероятных трудностей и лишений, тоже оказывались оптимальными казачьи традиции братства, спайки, организации.

Некоторые историки сравнивают освоение Сибири с завоеванием Америки, а казаков с конкистадорами. Действительности это не соответствует. Европейские колонизаторы доби-

вались успехов благодаря своему военно-техническому превосходству – у них, в отличие от индейцев, были ружья, пушки, стальное оружие, кони, а морские коммуникации позволяли удобно подвозить подкрепления. Казаки такими преимуществами не обладали. У сибирских народов была и конница, и стальные сабли, пики, доспехи, у некоторых и огнестрельное оружие. Впрочем, тогдашние фитильные ружья были весьма несовершенными, делали за день боя 12–16 выстрелов, и чаще все решала рукопашная. Не было у русских и удобных коммуникаций – из Москвы в Восточную Сибирь добирались 2–3 года.

Правда, сибирские народы были малочисленны. Но русских тут было еще меньше, на всю Сибирь 3–4 тыс. служилых. Предположим, даже удалось победить в бою то или иное племя, обязать платить ясак. А как быть с партизанской войной в таежном море? Она похоронила бы любые отряды. Но казаки не только объясачивали сибиряков, а и добивались вполне мирного сосуществования. На сбор ясака к отдаленным племенам ходили по 2–3 человека. И возвращались, ясак доставляли, новые ценные сведения узнавали. Просто в Сибири действовали механизмы, совершенно отличные от западных завоеваний. Ясак не был обременительным. Скажем, в Якутии с рядовых жителей брали 1 соболя в год, с богатых – 1 соболя с 4 голов имеющегося у них скота. А с безлошадных вообще не брали – полагали, что без лошади человек не может охотиться. Но ясак был и не безвозмездным, он считался службой для царя. И сдавший его получал «государево жалованье» – топоры, пилы, иглы, ткани.

Кроме того, уплативший ясак получал право свободно продавать излишки мехов. Часто торговлей занимались сами сборщики, бравшие с собой запас товаров. Ехали и купцы, возникали ярмарки. И торговля была ясачным выгодна. Не пахло и никаким порабощением. Сибирские племена полностью сохраняли свои угодья, самоуправление, верования, традиции. Царские указы требовали от воевод: «Приводить инородцев под высокую государеву руку ласкою, а не жесточью и не правежом». «Держать к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их в чем напрасно не ожесточить и от государевой милости не отгонить», городки и селения ставить только «на порозжих местах, а ясачных угодий не имать» [129]. Наконец, сибирские племена постоянно враждовали между собой. Отбивали скот, имущество, обращали пленных в рабов. А согласившиеся платить ясак получали защиту со стороны русских. Ну а в южных районах добавилась внешняя опасность. Здешиим племенам приходилось выбирать – стать данниками степняков или подданными царя. Выбор в такой ситуации следовал однозначный. Остяки, вогулы, тунгусы, сибирские татары часто сражались плечом к плечу с русскими, отражая набеги. А для того, чтобы защитить ясачных на Енисее, в 1628 г. 300 казаков под командованием **Дубенского** построили Красноярск.

Конечно, допускать на свою территорию пришельцев и объясачиваться выражали желание не все. Первые контакты с местными часто бывали кровавыми. Казачьи экспедиции выдерживали нешуточные сражения со значительно превосходящими силами, сидели в осадах в своих острожках, старались захватить аманатов-заложников. Но затем устанавливались взаимовыгодные связи. Которые, кстати, обеспечивались еще и тем, что казаки, в отличие от западноевропейцев, отнюдь не считали жителей тайги и степей неполноценными «дикарями». Воспринимали их в качестве таких же людей, как сами. Уважительно относились к обычаям сибирских народов. И сами не гнушались учиться, перенимали местную одежду, виды жилья, формы ведения хозяйства.

От Енисея освоение Сибири пошло двумя путями. Северным, морским, от Мангазеи, и сухопутным от Енисейска. Точнее, этот путь тоже был водным. Главной целью поисков были новые реки, они служили дорогами в неведомые края. Казаки были на все руки мастера, а в экспедиции включали мастеров-корабелов, запас скоб, гвоздей. На реках делали челны или струги. Для морских плаваний служили кочи. Это были довольно крупные суда водоизмещением 35–40 т. Они имели особую выпуклую форму корпуса и малую осадку, что позво-

ляло идти в прибрежной полосе, очистившейся от льда, а если коч все же попадал во льды, его выжимало на поверхность, и он мог, не погибая, дрейфовать со льдами. Коч имел мачту с парусами. Когда его строили не на верфи, а в ходе экспедиции, паруса делали из оленьих шкур. Существовали и навигационные приборы – глубинный лот, солнечные часы, компасы-«матки» [45].

На Енисее землепроходцы узнали, что восточнее есть река Лена. В 1627 г. на ее поиски отправились 40 казаков атамана **Максима Перфильева** и **Ивана Реброва**, в 1628 г. – десятник **Василий Бугор** с 10 казаками. Трудности приходилось преодолевать невероятные. Без дорог форсировать «дебри непроходимые» и «крючи каменные», надрываться на волоках, перетаскивая грузы, зимовать в необитаемых местах, терпеть голод, морозы. Первым с донесением об открытии Лены вернулся Бугор, произведенный за это в пятидесятники. Он путешествовал 2 года, основав 2 пункта для сбора ясака. Оставил 2 казаков у устья Куты и 4 – у р. Киренги. Вот так и возникали новые поселения. Сперва зимовье – курная изба. Потом ее надстраивали, и получалось подобие башни. Обносили тыном – и это был уже острожек. Поселение разрасталось, ставились стены с башнями, и называлось уже городом. Строились церковь, съезжая изба (канцелярия воеводы), таможня, кабак. Из зимовий у устья Куты и на Киренге возникли Усть-Кут и Киренск. Вскоре были основаны Илимск, Братский острог. На Ангаре казаки встретились с бурятами, и отношения установились настолько дружеские, что в документах того времени бурят называли «братья», «братские люди», отсюда и Братск.

После донесения Бугра на Лену был отправлен отряд атамана **Ивана Галкина**. В нескольких боях победил пятерых якутских тойонов и «подвел под государеву руку». А затем сюда прибыл сотник **Петр Бекетов** с 30 казаками. И в 1632 г. основал г. Якутск. А экспедиция Перфильева и Реброва, первой отправившаяся на Лену, возвращаться не спешила. Спустилась по реке, основав Жиганск. В 1633 г. построила кочи, вышла в море и открыла р. Яну. Объясачила юкагиров, Перфильев с «меховой казной» и сведениями о новых землях отправился назад, а казак Иван Ребров «со товарищи» остался. И провел в здешних краях еще 7 лет. Проплыл еще восточнее, открыв р. Индигирку, потом отправился на запад, на р. Оленек.

Из Якутска направлялись новые партии. **Харитонов** – на Яну. **Дмитрия Зыряна** – на Индигирку. Ряд смелых плаваний в Ледовитом океане совершили казаки **Елисей Буза**, **Беяна**, **Иван Ерастов**. Из Томска пришел на Лену атаман **Дмитрий Косолапов** с 50 казаками. Они поднялись по Алдану, заложили Бутальский острожек. Здесь от отряда отделились 30 человек под руководством **Ивана Москвитина**, двинулись дальше на восток и в 1639 г. достигли Охотского моря, составив первые карты его берегов. Казаки вообще проявили себя отличными географами. По результатам экспедиций составлялись чертежи, «отписки», «скаски», имевшие огромную научную ценность. И когда академик В.Н. Скалон работал в 1929 г. над картами сибирских рек, то вдруг обнаружил, «что русские чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя».

Героями в Сибири были многие. Это считалось обычным, само собой разумеющимся. Несколько трудных походов возглавил **Посник Иванов**. На Вилуй, объясачив эвенков. На Яну, построив Верхоянск. На Индигирку, выдержав «крепкие бои» с юкагирами. В 1642–1643 гг. Иванов руководил первой экспедицией на Байкал. Изучил западный берег озера, уговорил перейти «под государеву руку» местных бурят. Но отряд **Скороходова**, отправленный в 1643 г. в район к востоку от Байкала, в боях погиб полностью. И этот случай был не единичным. О многих экспедициях мы ничего не знаем по одной причине – из них не вернулся никто. Да и удачи порой стоили дорого. В 1643 г. письменный голова Якутска (управляющий воеводской канцелярии) **Василий Поярков** предпринял большой поход на Амур. Отправились 132 человека, поднялись по Алдану, перевалили Становой хребет и достигли Зеи. Построив суда, двинулись к низовьям Амура. Летом 1645 г. вышли в море, увидели о.

Сахалин. И поплыли на север до р. Ульи, откуда по пути Москвитина вернулись в Якутск. От лишений, болезней, в боях отряд потерял две трети личного состава. Но привез огромный ясак, а главное – отчет с подробным описанием своих открытий, чертежами Амура и морского побережья.

Десятник **Михаил Стадухин** за свой счет организовал отряд из 16 человек для похода на Индигирку. Исследовал Оймякон, выдержал тяжелую войну с ламутами, отбиться удалось с помощью союзных якутов и тунгусов. Узнав, что восточнее Индигирки есть еще большие реки, Стадухин объединился с экспедицией Зыряна, двумя кочами вышли в море и открыли р. Колыму. А отряд казаков **Семена Шелковникова** в это же время был направлен из Якутска к Охотскому морю, где основал Охотск. Лена становилась уже совсем «обжитыми» краями. Сюда ехали купцы, промышленники-охотники, поселенцы. Только в 1647 г. таможня Якутска зарегистрировала 404 человека, отправившихся на «дальние реки» для «торгу и промыслу», и 15 кочей, отчаливших к морю. А заполярный Жиганск, куда начальство отродясь не добиралось, превратился в натуральный «Дикий Восток». Через него шли суда на Яну, Оленек, Индигирку, а обратно ехали промышленники, купцы, служилые с добычей и выручкой. В Жиганске расцвели кабаки, гнали вино из какой-то «сладкой травы» и «кислой ягоды», съезжались на заработки якутские, тунгусские, ламутские, ненецкие бабенки. В общем, любой возвращающийся из странствий мог оттянуться и облегчить кошелек.

Появились тут даже и пираты! Одним стал казак **Герасим Анкудинов**. Он сбежал со службы с ватагой из 30 человек, на коче безобразничал в море Лаптевых, ограбил Нижнеиндигирское зимовье. Вторым «джентльменом удачи» стал первооткрыватель Лены Бугор. То ли с начальством не поладил, то ли просто «погулять» захотел. Сговорился с 20 казаками, угнали в Якутске коч и пошли «шалить» по реке. Захватили несколько судов, ограбили коч казанских купцов, хапнув товаров на 1200 руб. Добычу лихо прогуливали в Жиганске. От потерпевших сыпались жалобы царю. Но воинских сил на Востоке было мало (на весь Якутский уезд 350 служилых). И правительство к таким выходкам отнеслось спокойно. Приказало: «Буде те казаки впредь объявятся и про то распросить и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску взятое без прибавки доправить на них, отдати истцам». То бишь если вернуться, пусть возвратят награбленное «без прибавки» и дальше служат...

А на Колыме в это время стало известно, что где-то восточнее лежит река «Погыча». И для ее поисков организовал плавание приказчик купцов Усовых **Федот Попов**. Начальником на Колыме был десятник **Втор Гаврилов** – и целовальником (официальным представителем властей) он назначил в экспедицию **Семена Дежнева**. Это был рядовой казак, но уже успел неоднократно отличиться. В Якутии умелой дипломатией замирил разбойничавших вождей Огеевых. В одиночку ходил на переговоры к восставшему тойону Сахею, убившему сборщиков ясака и уничтожившему посланный против него отряд. И справился, уговорил замириться и выплатить ясак. Участвовал в походах Зыряна на Яну и Стадухина на Колыму, геройски проявив себя в боях. Словом, человек был достойный, вот и получил еще одно назначение.

Первая попытка плавания на восток, предпринятая в 1647 г., была неудачной. Корабли встретили сплошные льды и вернулись на Колыму. Здесь к отряду присоединились приказчики купца Гусельникова, ватага «воров» Анкудинова. И в июне 1648 г. 105 человек на 7 кочах отчалили из Среднеколымска. Ледовая обстановка была более благоприятной, но в Чукотском море эскадра попала в бурю. Два судна погибли, еще два унесло в неизвестном направлении. До пролива, который сейчас называется Беринговым, дошли только суда Попова, Дежнева и Анкудинова. И снова попали в шторм. Корабль Анкудинова разбило волнами, но удалось снять экипаж. И два уцелевших коча обогнули «Большой каменный нос», который впоследствии назовут мысом Дежнева. Прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки и обнаружили «край и конец земли Сибирской».

Экспедиция открыла и исследовала острова Диомида, Ратманова, Крузенштерна. Но опять налетела буря и разъединила суда. Коч Попова погнала на юг, на Камчатку. Почти все, кто находился на нем, погибли от цынги и в боях с коряками. А корабль Дежнева в октябре выбросило на берег южнее р. Анадырь. Их было 24 человека. Во время зимовки от голода и при попытках добыть продовольствие погибла половина. Осталось 12 – из 105... По сути «робинзоны», потерпевшие крушение в суровом полярном краю. Но они думали не о том, как вернуться назад, а как выполнить задачу, ради которой прибыли сюда! Когда потеплело и казаки оклемались от страшной зимовки, они стали исследовать Анадырь, строить острог и приводить здешний край под «государеву руку»...

Через пару лет была открыта сухопутная дорога с Колымы на Анадырь, сюда стали приходить другие отряды. Казак **Семен Мотора** с группой «охочих людей», Василий Бугор со своими разбойничками – видать, надоело грабить и бражничать. Но многие и погибали. Защищая ясачных юкагиров от нападения других племен, пал Мотора. Из двух десятков соратников Бугра осталось лишь пятеро. Дежнев покинул Анадырь лишь после того, как ему прислали смену – сотника **Курбата Иванова** с отрядом. И в Якутск Дежнев возвратился в 1662 г. Воевода Голенищев-Кутузов героя обласкал, отправил в Москву. Его принял сам царь, даже приглашал в круг своей семьи и несколько вечеров слушал рассказы о путешествиях. Дежнева произвели в атаманы, выплатили жалованье за 19 лет – 126 руб. и 20 с половиной копеек. А за добытую им личную моржовую кость он выручил 500 руб. То есть стал состоятельным человеком. В дальнейшем служил начальником на Чечуйском волоке и на Витиме. Кстати, а Василий Бугор после анадырской эпопеи раскаялся, все привезенные им личные меха и моржовые клыки пожертвовал на строительство церкви. Он наград не удостоился, но и о «воровстве» правительство вспоминать не стало.

16. На буйном Тереке

Терское казачество в начале XVII в. умножилось, представляло собой внушительную силу. И в 1603 г. крымский хан обращался к Годунову, требуя свести казаков с Терека, а то, мол, татарам стало слишком опасно кочевать на Кубани. Настоящая причина требования была, конечно, иной. Для Бахчисарая и Стамбула казачество было костью в горле, мешая им проводить свою политику. В это время турки одержали верх в очередной войне с Ираном. Захватили все Закавказье, утвердились в Дербенте. И на их сторону переметнулся шамхал Тарковский. Присягнул султану, стал требовать срыть Койсинский острог, построенный по его же заявке. Но часть подданных шамхала предпочла остаться под властью Москвы, обратилась к царю. И было решено поддержать их. В 1604–1605 гг., когда Русь уже покатила в Смуту, на Дагестан выступило войско князя Бутурлина из 7 тыс. ратников и казаков. Заняло резиденцию шамхала Тарки, однако тот призвал турок. И вместе с ними блокировал рать в крепости. Оказавшись в окружении, без продовольствия, Бутурлин вступил в переговоры с турецким пашой и договорился сдать Тарки на условиях свободного ухода. Но воеводу обманули. Когда войско стало отступать, на него напали и перебили большинство воинов. После чего турки и верные шамхалу племена напали на российские владения, сожгли Койсинский и Сунженский остроги. Но многочисленное Нижнетерское Войско дало отпор, Терский городок с помощью казаков отбил все атаки, и врагам пришлось уйти восвояси.

Вскоре ситуация еще больше осложнилась. В 1606 г. 4 тыс. нижнетерцев ринулись в авантюру с «царевичем Петром». Обратного почти никто не вернулся. И от Нижнетерского Войска осталось всего пара сотен человек [23]. А в ходе продолжающейся войны между турками и персами победил шах Аббас. Занял Восточное Закавказье и, пользуясь русской Смутой, решил прибрать к рукам Северный Кавказ. Тут-то дагестанцам пришлось туго. Если турки довольствовались признанием вассалитета горских племен, то шах драл с подвластных народов огромные налоги. К тому же он был шиитом, устраивал гонения на суннитов. Кавказцы оказали сопротивление. А Аббас, сделав Дербент опорной базой, начал походы на Дагестан. В 1610 г. тарковские правители Гирей и Ильяс Сурхановы обратились к терскому воеводе Головину, снова просились в подданство к царю. Но что мог сделать Головин, когда Русь лежала в хаосе? Обнадеживал князей, слал донесения неизвестно кому.

В 1614 г. терские стрельцы и казаки приняли активное участие в ликвидации мятежа Заруцкого, направили отряд в Астрахань. А персы увязали в боях за горные селения и не могли добиться подчинения. Как доносил казачий сотник **Лукин**, «кумыцкие старшины покоряться не хотели». Но шах попыток экспансии не оставил. Разослал эмиссаров, склоняя на свою сторону черкесов, Кабарду. Сумел привлечь эндереевского князя Султан-Махмуда, кабардинского князя Мудара Алкаева. И направил в Дагестан 12 тыс. войска, чтобы построить крепости на Тереке и Койсу. В 1615 г. Аббас сам явился сюда, жестоко карая непокорных. Однако теперь уже смогла вмешаться Москва. Объявила, что дагестанцы и кабардинцы – подданные царя, и выдвижение персов к Тереку будет означать войну. Россия была крайне слаба, еще воевала со Швецией и Польшей, и на самом-то деле открывать еще один фронт не могла. Но для Ирана была очень важна торговля с ней. Персы сбывали через Россию шелк, транзитные товары из Индии. И шах на обострение конфликта не пошел, отвел войска. Это сразу подняло авторитет царя среди народов Кавказа. Ему присягнули кумыки, карачаевцы, балкарцы, часть адыгов. А эндереевскому Султан-Махмуду пришлось отдуваться. Шамхал напал на него, мстя за свои разоренные селения, а терский воевода и казаки помогли. Султан-Махмуд бежал к чеченцам, принялся натравливать их на кумыков и русских. В ответ в 1616 и 1618 гг. были предприняты первые в истории походы в Чечню. Они были успешными, стрельцы и гребенские казаки вполне «вразумили» Султан-Махмуда. И он тоже при-

знал подданство царю. Вслед за ним присягу принесли уцмий Кайтагский, ханы Андийский и Аварский, ряд чеченских мурз [30].

Гребенское Войско и остатки Нижнетерского по-прежнему жили отдельно и во многом отличались. Гребенцы обосновались на Тереке и Сунже раньше, очень тесно контактировали с местными народами и сами в значительной мере «окавказились». Переняли традиционную одежду, оружие горцев, некоторые обычаи, пляски, методы хозяйствования. Геологи С. Фрич и И. Герольд, посетившие в это время Кавказ, писали о «домовитости» гребенцов. Они занимались скотоводством, огородничеством, выращивали просо, освоили виноградарство и виноделие. Войско разрасталось. Если в начале XVII в. оно насчитывало около 500 боевых способных казаков, то последующие документы перечисляют уже более десятка городков – Червленный, Шадринский, Степанов, Потапов, Наурский, Казан-городок и др. (но располагались они не там, где сейчас, а на правом берегу Терека). Избирали атаманов в каждом городке и общего, войскового. Нижнетерские казаки обитали в единственном Трехстенном городке. «Окавказились» в гораздо меньшей степени, не создавали прочной хозяйственной базы, главным промыслом были рыбные ловы, подрабатывали службой.

Смешанные браки являлись обычным делом, особенно у гребенцов. Женились на черкесах, кабардинках, чеченках, дагестанках. Причем нередко умыкали невест. Этот обычай был чисто кавказским, он позволял не только избавиться от расходов на свадьбу и калым, но и почитался признаком удали. Возникали и куначеские связи. Бывало, что казак отдавал сына на воспитание кунаку-джигиту, а тот выдавал дочь за этого сына. Но невест обязательно крестили, а казачек замуж за горцев не отдавали, это значило бы переход православной девушки в «басурманскую» веру. Как гребенцы, так и нижнетерцы пополнялись и извне. За счет отбитых русских пленников, да и представителей других народов. Межплеменные набеги на Кавказе шли постоянно. Захватывали пленных для выкупа, обращали в рабство, продавали в Дербенте, Анапе, Темрюке. Если к казакам бежал невольник или человек, спасающийся от кровной мести, и принимал крещение, его не выдавали. А со временем он становился казаком. Еще в XIX в. многие семьи терцев помнили о своем происхождении от осетин, чеченцев и т. д.

Опорой России на Кавказе считалась Кабарда, однако в XVII в. из-за ссор и междоусобиц между князьями она стала распадаться. Выделились Большая (Казиева), Малая (Шолохова), Анзорова Кабарда, княжество Сучаловичей Черкасских. И друзьями Москвы были далеко не все князья – например, в 1614 г. гребенской атаман **Яков Гусевский** доносил о нескольких русских, сбежавших из кабардинского плена. Княжескими сварами пытались воспользоваться и турки с крымцами. В условиях войн в Закавказье для них было очень важным, что кабардинцы контролировали Дарьяльское ущелье, по которому можно было наносить удары в тыл персам. Поэтому Стамбул и Бахчисарай активно лезли в здешние дела, направляли эмиссаров. Чтобы поддержать своих ставленников, присылали крупные отряды татар – в 1619, 1629, 1631, 1635, 1638 гг. Но Москва во всех случаях заявляла дипломатические протесты. Слала приказы кабардинцам не вступать в сношения с ханом и не пропускать через свою территорию чужие войска. А терские воеводы и гребенцы помогали сторонникам русских, казаки участвовали в их походах против конкурентов. И кабардинские князья, опасаясь разгневать царя, отказывались от крымской «помощи».

Но казакам доставалось. Татары, не добившись своего в Кабарде, нападали на их селения, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Совершала набеги и Малая Ногайская орда, кочевавшая по соседству. Из-за беспрестанных налетов в 1620–1630-х гг. часть казаков вообще покинула эти края. Некоторые уходили в Сибирь, поступали на службу. Так, терский атаман **Гроза Иванов** в 1624–1626 гг. совершил две экспедиции в глубь Казахстана на Ямышевское озеро, разведаль месторождение соли, составил описание дороги и окрестностей. Часть гребенцов ушла и на Дон. Чему, возможно, способствовало не только положение на

Тереке, но и большая добыча донцов в морских походах. Хотя, с другой стороны, тогдашние документы сообщают об отрядах донских, запорожских, яицких казаков, приходивших на Терек на короткое время. Они помогали здешним братьям против врагов, совершали рейды за добычей и возвращались домой. Некоторые и оставались [23].

Но не только турки с крымцами, персы своих проектов экспансии на Северный Кавказ тоже не забыли. В 1629 г. шах Аббас вторгся в Южный Дагестан. В походе он умер, но его преемник Сефи решил довершить дело отца. Причем готов был даже пойти на конфликт с Россией. Планировал построить крепости на Сунже, Тереке, Елецком городище. Для этого в 1630 г. в Дагестан была послана тысяча солдат, а наготове стягивалась армия в 40 тыс. Кроме того, на сторону Ирана перешел мятежный крымский царевич Шагин-Гирей. Сефи решил сделать его своим наместником на Северном Кавказе, поручил ему вовлечь в персидское подданство местных князей. Но едва возникла иранская угроза, кавказские народы тут же забыли взаимные счеты и приняли сторону России. Тарковский шамхал Ильдар людей для строительства крепостей не дал, заявив, что «земля тут государева, а не шахская». Аналогично отреагировали другие правители Дагестана и Кабарды. А эндереевский Султан-Махмуд, которого не так давно замиряли оружием, теперь прислал в Терский городок сына, чтобы договориться о совместной войне против Шагин-Гирея. Присоединился и аварский хан. Воевода поднял стрельцов, казаков. И Шагин-Гирей, узнав, что против него собираются силы, предпочел удрать. Сефи был вынужден отменить свои планы.

Его наследник, шах Аббас II счел, что удобный момент настал в 1645 г. – в Москве умер Михаил Федорович, воцарился юный Алексей Михайлович. Плацдармом для завоеваний Аббас II решил сделать Кайтаг. Его войско погромило Дагестан, изгнало Кайтагского уцмия Рустам-хана, верного России, и на его место посадило ставленника персов Амир-хан Султана. Началось строительство крепости в селении Башлы. Но прочие кавказские князья сразу обратились за помощью к царю. Москва отреагировала жестко – терскому воеводе был послан приказ привести войска в боевую готовность и выступить при первой необходимости. На Терек двинулись полки из Астрахани и Казани. И шаху был предъявлен ультиматум – немедленно очистить Дагестан. Аббас понял, что воцарение Алексея не вызвало ослабления в России, и увел войско. А поставленный персами Амирхан перетрусил и принялся заверять терского воеводу, что готов быть «под его царскою и шах Аббасова величества рукою в опчем холопстве», а ежели шах не будет возражать, то и в царском «неотступном холопстве» [30].

В 1649 г. большой поход на Терек предприняли ногайцы, «многих казаков побили и жен их и детей в полон поимали». Россия предпринимала меры по защите своих подданных. В 1651 г. был заново отстроен Сунженский острог, службу в нем нес отряд стрельцов, нижнетерские и гребенские казаки. Но не успели оправиться от одной напасти, нагрянула новая. Аббас II с прошлой неудачей не смирился. Однако сперва действовал исподтишка. Влезал во внутренние дрязги дагестанских и кабардинских князей, старался срабатывать их между собой, чтобы поддержать ту или иную сторону и таким способом приобрести приверженцев. Подкупал подарками, деньгами. А в 1653 г., когда Россия готовилась воевать в Польшей и направила все силы на запад, шах бросил на Северный Кавказ армию Хосров-хана Шемахинского. Ему ставилась задача выбить русских с Терека и построить в Дагестане 2 крепости с гарнизонами по 6 тыс. воинов. Хосров, увеличив свое войско отрядами горских союзников, вторгся на земли Гребенского Войска и напал на Сунженский острог. Крепостные пушки, казачьи ружья и сабли охладили пыл атакующих. Взять острог Хосров-хан так и не смог, и наступать на Терский городок, который был куда более сильной крепостью, уже не пытался. Но гребенские земли персы опустошили основательно. В памяти терцев это событие запечатлелось как «кызалбашское разорение». Десять городков прекратило существование, у казаков было угнано 3 тыс. лошадей, 10 тыс. коров, 15 тыс. овец, 500 верблюдов. Воеводы доносили, что «казаки с женами, с детьми разбрелись».

Царь крепко рассердился, потребовал объяснений, угрожая ответными мерами. Иранцы, получив отпор как военный, так и дипломатический, заюлили. Стали лгать, что поход был направлен только против кабардинцев, а «русским людям ни единому человеку и носа не окровавили». На это получили ответ, что и кабардинцы – государевы подданные, и соваться к ним Москва очень даже не рекомендует. На Терек пошли дополнительные войска. Аббас еще надеялся, что, пока идут переговоры, получится зацепиться крепостями в Дагестане. Потребовал от азербайджанских ханов, чтобы они занялись этим, собрали воинов. Но ханам отнюдь не улыбалось нести расходы и потери, они спускали приказы на тормозах. А дагестанские и чеченские князья, поучаствовавшие в нападении на казаков, совсем не горели желанием, чтобы у них утвердилась персидская администрация. Да и Москвы боялись, отказывались выделять землю и людей. И Аббасу пришлось похоронить проект.

Обстановка на Северном Кавказе стабилизировалась на целых семь десятилетий. Расцвел Терский городок. Он превратился в крупный военный, политический и торговый центр. Тут имелись 2 церкви, приказная изба, арсенал, стрелецкая казарма, таможня, торговые ряды, 3 гостиных двора, харчевня. Сюда стали перебираться многие кавказцы – под защитой гарнизона можно было спокойно торговать, заниматься ремеслами. В городе возникли слободы Черкасская (кабардинская), Окоцкая (чеченская), Новокрещенская, Татарская. Подсуетились и армянские купцы. Они поставляли в Россию шелк-сырец и договорились с гребенцами о его обработке. У казаков возникли довольно масштабные промыслы по переработке шелка в пряжу и ткани – отсюда и название станицы Шелковская. А у нижнетерцев в 1668 г. наводнение затопило Трехстенный городок, и они переселились к Терской крепости. Их к этому времени насчитывалось всего 220 человек, их них треть – крещенные кавказцы. *И этих казаков под названием Терского Низового Войска включили в состав гарнизона крепости.* Главной их обязанностью стало выставлять пикеты на переправах через Терек.

17. Украина в крови

Чтобы усилить контроль над украинским казачеством, поляки затеяли «перебор» реестровых. Тех, кого подозревали в нелояльности, из реестра исключали. И заменяли такими, кто будет заведомо послушным. Изгнанные, обращаемые в «мужиков», возмущались. Тогда Сигизмунд направил на Украину на постой коронное войско. Наемники, из которых оно состояло, безобразничали, грабили. А в 1630 г. казаки избрали гетманом **Тараса Федоровича (Трясило)**. Он был настроен пророссийски, в Смуту ушел со своим отрядом от поляков и присоединился к Пожарскому. Панам такая кандидатура понравиться не могла, и король не утвердил ее, назначив гетманом **Грицька Черного**. Оскорбленный Тарас Федорович отправился в Запорожье и поднял восстание. К нему со всех сторон потекли недовольные. В битве под Переяславлем на сторону мятежников перешли реестровые, и польская армия была разгромлена. Тарас направил послов в Россию с просьбой о помощи и принятии Украины в царское подданство. Но полякам удалось схватить гетмана, его сожгли заживо. Повстанцев, оставшихся без предводителя, разбили. И «замирили» неопределенными обещаниями.

Россия же преодолела последствия Смуты, усилилась. Патриарх Филарет был одним из величайших ее преобразователей. Именно при нем в стране началась промышленная революция, возникали крупные мануфактуры, металлургические заводы. Усилиями патриарха задолго до Петра были созданы первые полки «нового строя», солдатские, драгунские, рейтарские. Их обучали и вооружали по образцу лучшей армии той эпохи, шведской, приглашали иностранных инструкторов. В Европе в это время полыхала Тридцатилетняя война, и в Германии сражалось войско шведского короля Густава II Адольфа. Филарет заключил с ним союз, договорившись, что русские ударят на Польшу с востока, а шведы с запада. Обещала помочь и союзная Турция. А в 1632 г. умер Сигизмунд, в Речи Посполитой настало «бескорольевье». Казаки прислали делегатов на сейм, желая добиться обеспечения Православия и участвовать в выборах короля, но получили оскорбительный ответ: «Казаки хотя и составляют часть польского государства, но такую, как волосы или ногти на теле человека. Когда волосы и ногти слишком отрастают, их стригут». А вместо обеспечения Православия сейм принял «Статьи успокоения греческой религии», грозящие карами за непокорство. Начались бунты. Посланцы от казаков прибыли в Путивль – просить о переходе в подданство России [29, 32].

Момент казался самым подходящим. Правительство привлекло к войне и казаков. На Яик был послан полковник Борис Змиев, привел здешних казаков к присяге и устроил их первую перепись, боеспособных оказалось 3 тыс. Из них 2 тыс. остались нести службу на Яике, а из 950 Змиев сформировал отряд на войну, набрав тех, кто «воровал» на Волге и должен был «заслужить вины» [128]. На Дон с той же целью поехал Иван Пашков. Казакам объявлялось, что царь и патриарх простят их за прошлое, но за это требовалось принести присягу и провести перепись – «взять в смету сколько всех будет». Однако с донцами такая история, как с уральцами, не прошла. Они присягать категорически отказались. Заявили: «Крестного целования государям на Дону, как зачался Дон, казачьими головами не повелось». Кстати, их ответ является первой историей Войска Донского – казаки вспомнили и перечислили все войны и атаманов, которые служили царям «не за крестным целованием» со времен Казанского взятия. Отказалось Войско и от переписи. В Москву повезла ответ станица во главе с атаманами **Богданом Капнинским** и **Тимофеем Яковлевым**. И Филарет все же убедил их принести присягу. Но Дон, узнав об этом, тут же дезавуировал своих делегатов: «А креста целовати мы челобитчикам своим не писали, то они учинили, не помня

старины, своими молодыми розумы без нашего войскового совету и приказу» [35]. Что ж, патриарху пришлось уступить. На Дон вновь пошло жалованье, а казаки прибыли на службу.

В июне 1632 г. Россия объявила Польше войну. Но планы сразу пошли наперекосяк. Турецкий султан в войну не вступил, увязнув в схватке с Ираном. Зато крымский хан получил щедрую плату от поляков и вместо действий в союзе с Москвой ударил на Русь. Опустошил окрестности Курска, Орла, Белгорода, Мценска, Новосиля. Русскую армию, готовившуюся выступить на Смоленск, пришлось перенацелить на юг. Время было упущено. Рать двинулась на запад лишь осенью и застряла из-за распутицы. К Смоленску подступила только в начале 1633 г., когда крепость основательно подготовилась к обороне. А весной крымцы снова напали на Русь. За эту диверсию польские послы отвезли хану 200 подвод с деньгами. И гетман Радзивилл комментировал: «Не знаю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике это вышло очень хорошо». Потому что армия Шеина под Смоленском перестала получать подкрепления и боеприпасы. И город не взяла. А в Германии погиб шведский король Густав Адольф. Регентом при его малолетней дочери остался канцлер Оксеншерна, враг России, и союз с царем расторг.

Поляки получили возможность сосредоточить все силы на востоке. И бескорольеве у них кончилось. На престол был избран Владислав. С которым Украина связывала надежды на улучшение, ведь он пытался защищать ее права. Ожидаемое восстание не состоялось. Владислав выдал казакам диплом о свободе вероисповедания, и они поддержали «своего» короля в надежде на его милости. Когда Владислав повел войско к Смоленску, к нему прибыли 15 тыс. казаков, что обеспечило ему значительный перевес [75]. Русское осадное войско само попало в окружение. А в октябре умер Филарет, державший в руках все рычаги государственного управления. После долгих и тяжелых боев остатки армии Шеина капитулировали – им позволили уйти, но с потерей всей артиллерии и обозов. Правда, и Владислав, пытаясь развить наступление, потерпел поражение под Белой. И войну Россия все же выиграла. Владислав отказался от прав на московский престол, Польша вернула России Серпейский уезд, но остальные захваченные земли сохранила.

А вот украинским казакам, поддержавшим Владислава, очень быстро пришлось кусать локти. Диплом, пожалованный им, по польским законам был ничего не значащей бумажкой. Король должен был расплатиться с магнатами за свое избрание, влез в долги на войну. И стал просто марионеткой в руках панов, которые вертели им как хотели. Владислав раздавал им еще оставшиеся «свободные» земли. Усиливалась эксплуатация украинцев и гонения на православие. Было решено прижать к ногтю и последний очаг вольностей, Запорожскую Сечь. И на Днепре рядом с ней началось строительство крепости Кодак. Запорожцы распенили это вполне правильно – как конец своей свободы. Возглавил их **Иван Михайлович Сулима** [185]. Бывший крепостной Вишневецких, бежавший в Запорожье и ставший отчаянным казаком. Он был из тех, кто сказкам о «добром короле» не поверил и в войне не участвовал. Вместо этого в 1633 г. 2 тыс. запорожцев избрали его предводителем, на 40 чайках вышли в море, взяли Аккерман, Килию, Измаил. А в 1635 г. Сулима, возвращаясь из очередного победоносного похода, внезапно напал на Кодак. Гарнизон был перебит. В крепости захватили артиллерию, склады оружия. Сулиму избрали гетманом, и он призвал казаков и крестьян подниматься на борьбу, побивать и изгонять «ляхов, унитов, жидов и турок». Но поляки сумели вбить клин между нереестровыми и реестровыми. Опять внушили надежду, что за верность королю реестровых уравниют в правах со шляхтой, и они изменили. Схватили Сулиму и выдали врагу. Гетмана четвертовали. Повстанцев разгромили. И на Украине принялись закручивать гайки с новой силой. А реестровые не получили ничего, их всего лишь похвалили. Дескать, исполнили долг, ну и ладно.

Но дальше покатились сплошная цепь восстаний, по сути, гражданская война. Запорожцы избрали гетманом **Карпа Гудзана (Павлюка)**. В 1637 г. он совершил поход против

татар, а, возвращаясь, налетел вдруг на г. Черкасы, захватил там пушки и призвал народ подниматься на защиту веры и вольностей. На его сторону стали переходить и обманутые реестровые. Восстание охватило оба берега Днепра. Правительство двинуло армию под командованием Потоцкого и Конецпольского. В боях под Кумейками и Мошнами поляки потрепали слабо вооруженных и плохо организованных повстанцев, но одолеть не смогли. Однако в сражении под Боровицей казаки были разбиты. Среди них начался разлад. Этим воспользовался Конецпольский, завязал переговоры с реестровыми, обещая им льготы и милости, и они опять изменили. Принесли повинную и выдали Павлюка и его помощника **Томиленко**. Их сторонники стали разбегаться. Обоих предводителей обезглавили, а Украину решили покарать чудовищным террором.

Потоцкий прочесывал мятежные районы и казнил всех подряд, заявляя: «Теперь я сделаю из вас восковых». А Конецпольский приказывал подчиненным: «Вы должны карать их жен и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой». За поляками оставались пепелища, вдоль дорог на деревьях болтались повешенные, корчились тысячи посаженных на кол мужчин, женщин, стариков. Но бесчинства карателей вызвали в 1638 г. новое восстание. Как сообщает летописец, «видя козаки, что ляхи умыслили их всех вырубить, паки поставили гетманом **Остряницу**». Он начал поднимать народ на Левобережье. Коронные войска и отряды магнатов двинулись на него. В сражениях под Голтвой и Лубнами казаки коекак отбились от врагов. Но затем их осадили в лагере близ устья р. Сулы. Укрепившись окопами и шанцами, они долго отражали атаки. Однако у них иссякли припасы и начался голод, это опять вызвало внутренние раздоры. Большинство склонялось к капитуляции. Остряница с 3 тыс. сподвижников сумел прорвать кольцо блокады и ушел в Россию. А участь тех, кто не захотел идти с ним, была печальной. Они выбрали новым гетманом **Путивца**. Но тут же и выдали его полякам, надеясь такой ценой купить прощение. Потоцкий согласился на мир, а Путивца приказал расстрелять. Но и тех, кто его выдал, не помиловал. Разоружил и перебил до единого.

Казаки, не попавшие в эту мясорубку, были полностью деморализованы. Избрали гетманом **Гуню**. Он вступил в переговоры с Потоцким и соглашался уже на все продиктованные ему условия, даже принял назначенных поляков на посты казачьих полковников. Вроде, договорились... Но когда Гуня с киевским сотником **Кизимом** и большой свитой прибыл в Варшаву для принесения присяги, их схватили. Гуню, Кизима и его сына посадили на кол, сопровождающих казаков четвертовали и повесили на крючьях за ребра. Последний рецидив восстания возглавил **Полторакожух**. Он собрал отряд на р. Мерло – уже на самой границе с владениями крымского хана. Но узнав, что на них идут поляки, казаки разбежались. Хотя и польскому войску не повезло, дело было зимой, и многие сгинули в степях от морозов [109]. А сейм принял «ординацию», вводившую новый режим управления на Украине. Казачий гетман и вся старшина становились назначаемыми. На Украине размещались коронные войска, местное управление передавалось польским чиновникам. Восстанавливался Кодак, а в Сечи расположился польский гарнизон.

Многие эмигрировали на Дон, в Россию. Польские послы Стахорский и Раецкий жаловались царю, что в его владения ушло 20 тыс. человек. Предъявили претензии: «Царь де их на службу принимает, а надобно было бы, чтобы и колы те уже подгнили, на которых они бы посажены были». Но Россия заняла принципиальную позицию и выдавать беглецов отказалась. После смерти Филарета правительство возглавил двоюродный брат царя Иван Борисович Черкасский. Он тоже был прекрасным политиком, продолжил и развил начинания покойного патриарха. Однако учел и просчет Филарета – политику сближения с Турцией. Имело ли смысл союзничать с державой, чьи подданные-крымцы в критический момент вместо помощи наносят удары в спину? Напрашивался еще один вывод. Прежде чем вести новые

войны на западе, следовало понадежнее укрепить южные границы. За пределами «засечных черт» здесь располагались только города-крепости. Люди селились и земля распахивалась лишь в непосредственной близости от них, чтобы при опасности можно было укрыться за стенами.

Теперь возник грандиозный план построить новые «засечные черты» на 200–400 км южнее прежних, по линии Ахтырка – Белгород – Новый Оскол – Ольшанск – Усмань – Козлов – Тамбов. На пути татарских набегов вставала еще одна сильная преграда. Появлялась возможность освоить огромные площади плодородных земель. И Россия фактически делала большой шаг в Дикое Поле, уже сама могла бы угрожать Крыму. С 1637 г. это строительство началось. Для прикрытия новых систем обороны использовались полки «нового строя». Они после войны были сохранены, пехотные разместили на шведской границе, кавалерийские – на южной. Условия им предоставили примерно такие же, как для служилых казаков. Солдаты и драгуны охраняли рубежи, получали за это жалованье. Им выделялись участки земли для поселения, в свободное время они могли вести хозяйство, беспоплавно торговать и заниматься ремеслами. Привлекались для защиты Белгородской черты и служилые казаки. Одни переселялись с прежней Большой черты, которая стала внутренней и теряла свое значение, других вербовали на месте.

Ну а украинских казаков-эмигрантов стали селить еще южнее, за пределами новых засечных черт. Заселялось «предполье» оборонительной системы. И готовилась почва на будущее, для дальнейшего продвижения России на юг. Таким образом возникла «Слободская Украина» – слободская, потому что ее жители освобождались от налогов. *А сами они стали слободскими казаками. Острянице и его отряду правительство выделило землю, и они основали г. Чугуев. Вслед за ним строились Харьков, Сумы, Ахтырка, Изюм, где формировались общины чугуевских, харьковских, сумских, ахтырских, изюмских казаков.*

18. Азовское сидение

На Дону в описываемое время насчитывалось 48 городков, боеспособное мужское население достигло 15 тыс. И зимой 1636/37 г. среди низовых казаков вызрела идея – взять Азов. Но не просто пограбить, а превратить его в центр Войска Донского. Азов являлся мощной крепостью. Обвод каменных стен с 11 башнями достигал 1200 м, высота их доходила до 20 м, глубина рвов – 3 м. Гарнизон состоял из 5,5 тыс., из них 4 тыс. янычар, остальные – городское ополчение. Стены охраняли 200 орудий. Но казаков такие трудности не смущали. А вот боеприпасов требовалось много. И в Москву отправили зимовую станицу атамана **Ивана Каторжного**. (Прозвище к местам заключения отношения не имеет, в XVII в. каторгами назывались галеры – атаман либо побывал в плену и греб на них, либо захватывал их в бою.)

В столице казаки о своих планах умолчали. Жаловались, что в прошлом году не было жалованья, что в порубежных городах «целовальники стали брать пошлины с казаков», что «многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войной приходить и наши нижние городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет». Почему не прислали жалованья, неизвестно, а пошлины брали еще по приказу Филарета. Но станицу в Москве встретили благосклонно. Пошлины царь отменил, жалованье отпустил. Его повез дворянин Степан Чириков, который должен был встретить ехавшего из Турции посла Кантакузина. А Каторжный, оценив теплый прием, остался, надеясь выпросить еще и прибавку к жалованью.

Тем временем низовцы бросили клич по всем «верховым городкам и по всем речкам» – собраться в Монастырском городке. Но оговаривалось, что дело сугубо добровольное, и «нетчикам суда и расправы не будет». На круг прибыло лишь 4 тыс. – самые крутые и отчаянные. Однако на Украине как раз было подавлено восстание Сулимы, катились репрессии, и тысяча запорожцев решила вообще бросить родные края, уйти на службу к персидскому шаху. Когда проходили через Дон, их пригласили участвовать в предприятии, и они согласились. Круг приговорил «добывать Азов» и избрал атаманом **Михаила Татарина**. Стали делать штурмовые лестницы, готовить пушки, снимая с лодок и стен городков. Тут-то и прибыл на Дон Фома Кантакузин со свитой. Казаки опасались, что он заметил их приготовления, и арестовали. А от царя приехал Чириков с жалованьем. Стал доказывать, что с дипломатами так поступать негоже. Но ему ответили, что «Фомка не посол, а лазутчик», и отпустить отказались.

Чириков отправился обратно в Москву и доложил о замыслах донцов. Но... царь и правительство Черкасского предпочли сделать вид, будто по-прежнему пребывают в неведении. Каторжному отпустили дополнительное жалованье, «зелье ружное да пушечное и пушечные ядра», и повез его тот же Чириков! Которому было велено остаться при казаках в качестве военного наблюдателя. Каторжному разрешили и вербовать добровольцев. Правительство просило лишь не принимать беглых, да и то не слишком настойчиво. Когда воронежский воевода намекнул, что к атаману примкнули не только вольные, но и холопы, Каторжный отрезал: «Беглых выдавать не велено!» То есть Москва негласно поддержала предприятие. Оно как нельзя лучше соответствовало планам правительства, отвлекало татар и турок, позволяя начать строительство засечных черт [207]!

А задержанный Кантакузин и впрямь разобрался, к чему готовятся казаки. Отправил несколько писем в Азов, привязывая их к чурбакам и пуская по реке. Послал слуг пробраться к татарам и ногайцам, именем султана приказывал идти на выручку Азову. Одного из гонцов перехватили на Аксае, надзор за послом ужесточили. 19 апреля казаки выступили – 4 тыс. двинулись на лодках и по берегу, два конных отряда были высланы заслонами в стороны

Тамани и Крыма. Отряд на стругах вышел в устье Дона, блокируя Азов с моря. Но турки успели изготовиться к обороне, при подходе казаков янычары стояли на стенах «в стройном чине». Когда осаждающие принялись строить лагерь, азовцы насмехались: «Сколько вам под Азовом ни стоять, а его вам как ушей своих не видать». Казаки попытались штурмовать, но были встречены ружейным огнем, артиллерией, защитники лили кипяток и расплавленное олово. И атака захлебнулась. Виновными сочли Кантакузина и его толмача Асана. Обвинили в том, что они предупредили гарнизон, притащили на круг и убили, после чего отпели молебен и окропили табор святой водой. Но настроение стало неуверенным, некоторые казаки сочли, что ничего не получится, опасались подхода турецких подкреплений и предлагали отступить.

В это время Каторжный привел 1,5 тыс. подмоги, прибыл и Чириков с боеприпасами. Это подняло дух. И раз уж не удалось взять город нахрапом, донцы приступили к правильной осаде. Обкладывали крепость шанцами по всем правилам военного искусства, приближались к стенам апрошами (зигзагообразными траншеями). Шли бои в степи. Конные заставы, выставленные на «крымскую» сторону, обнаружили татарский загон, возвращавшийся из набега на Русь, разгромили его и освободили 300 пленников. А из Темрюка и Тамани послали на выручку Азову 4 тыс. конницы. Казаки узнали об этом, собрали свою кавалерию на р. Кагальник, внезапно напали на врагов и рассеяли. Более серьезных попыток помочь осажденным не было – Турция воевала с Ираном, и ее армия завязла под Багдадом. Рассчитывали, что Азов сам отобьется, казаки подступали к нему не в первый раз. Осада длилась 2 месяца. Донцы возвели батареи. У них было 90 орудий, по большей части легких. Но били метко, и несмотря на превосходство турецкой артиллерии, дуэль с ней казаки выиграли: «Башни многи и стены из пушек поразбивали. И окопались... около всего града, и подкоп подвели». Подкоп предназначался для мины, руководил ее устройством «немец Иван Арданов». Может, наемник Смоленской войны, прибывший к казакам. А может, и Москва тайком прислала специалиста.

18 июня взрыв снес часть стены, «многих басурман с камнями пометаша». Один отряд во главе с Татариновым, атаковал пролом, другой штурмовал с противоположной стороны, с лестницами и фашинами для закидывания рва. Опомнившись, турки стали оказывать ожесточенное сопротивление. Но казаки уже проникли в город, на улицах, в облаках дыма и пыли от взрыва, пошла «сеча великая». К вечеру часть уцелевших янычар заперлась во внутреннем замке и 5 башнях, часть бежала в степь. Казаки без перерыва продолжали атаковать, подтаскивали пушки, свои и трофейные. На вторые сутки пали последние очаги обороны. Пленных не брали, кроме женщин и детей. Да турки на милость и не рассчитывали, дрались до последнего. А бежавших перехватили конные заслоны у Кагальника и «всех посекали».

У казаков погибло 1100 человек. Было освобождено 2 тыс. русских рабов и рабынь. И добыча досталась огромная. Донцы направили в Москву станицу во главе с атаманом **Потапом Петровым**. Просили царя принять Азов в подданство. Но, с другой стороны, и подчинения не желали. Наоборот, просили не присылать воеводу, а оставить Азов в полном владении казаков. То есть, лелеяли планы создания автономной «республики», которая пользовалась бы покровительством России – примерно так же, как кавказские княжества [35]. Но именно этот вариант устраивал и правительство! Он позволял избегать открытого разрыва с султаном. Михаил Федорович принял казаков, для порядка попенял за то, что Азов взят «без царского повеления», и особенно за убийство посла – «ибо того не ведется и тогда, когда государи воюют, а я с султаном состою в мире». Однако наградил щедрым жалованьем и поручил вести разведку, «что умышляет крымский хан и ногайские мурзы».

Султан Мурад IV, узнав о падении Азова, был взбешен. Направил в Москву посольство, обвиняя в нарушении мира. Но турецких дипломатов ткнули носом в татарские набеги и развели руками: дескать, крымцы – ваши подданные, а казаки – люди вольные, царю не

подчиняются. Так кто же мир нарушает? Султан разослал приказы в Бахчисарай, Керчь, Тамань, Темрюк, требуя отбить Азов. Хан отреагировал по-своему и бросил татар не на Дон, а на Русь – чтобы полон набрать. Но царские рати крымцев уже ждали и крепко побили. В 1638 г. Мурад все же настоял на походе. На Азов двинулись рати из Крыма, Темрюка, Тамани, привлекли ногайцев и черкесов. Успеха они не добились. Орды действовали разрозненно и состояли из конницы, бесполезной против крепостных стен. Налетали, стараясь захватить врасплох. Но и дозоры казаков не дремали. Противник находил ворота запертыми, атаки отражались. Грабить под Азовом было нечего, и степняки уходили не солоно хлебавши. А конные отряды казаков еще и клевали их, набрали много пленных.

Зато донцы, обрета столь удобную базу, учинили массированный морской набег. Турки утверждали, будто вышла тысяча челнов. Это, конечно, преувеличение, в таком случае экипажи составили бы нереальную цифру в 50 тыс. казаков. Но отряды разошлись по всему морю, захватывали суда, погромили Трапезунд, Синоп, Ризе, появлялись у Босфора. Разгневанный султан писал, что если казаков не унять, они доберутся до его серая. И к Керченскому проливу был выслан флот. Стаи лодок дерзко атаковали его. Но как раз дерзость вылезла им боком. Капудан-паша действовал умело, расстреливая челны артиллерией и не допуская до abordaja. Донская эскадра была разгромлена. После этого поражения казаки изменили тактику. Начали ходить в рейды небольшими группами и избегать столкновений с крупными флотилиями.

Азов быстро обживался. Донцы провозгласили его «вольным христианским городом». Был восстановлен и заново освящен старый генуэзский храм Св. Иоанна Предтечи, превращенный турками в мечеть, – спустя полтора века казаки помнили, что это за церковь! Помнили, что Азов был их городом. И хранили чудотворную икону св. Иоанна Крестителя, вероятно, спасенную из этого храма. Теперь ее торжественно водрузили в церкви. Построили и новый храм св. Николая Угодника, покровителя мореходов. К некоторым казакам из донских городков переселились семьи. Потянулись и купцы. Русские, персидские. Да и из Крыма, Тамани, Анапы – казаки после азовской добычи и набегов были людьми не бедными, и торговля с ними сулила большие барыши.

Но Мурад IV наконец-то взял Багдад и в 1639 г. заключил мир с Ираном. Вот теперь у султана развязались руки для удара на север. Подстрекали его и поляки, заверяли, что с запорожскими набегамы они покончили, значит, осталось покончить с донскими. И турки ограничиваться Азовом не собирались. Решили покорить Дон, изгнать и истребить казаков, а дальше... открывались пути для реализации того плана, который не удалось осуществить в 1569 г. Присоединить Астрахань, Казань... Весной 1640 г. Россия стала собирать на юге армию – все силы, даже солдатские полки со шведской границы. Ожидали турецкого вторжения. Но оно не состоялось. Мурад умер, в Стамбуле пошла неразбериха. И войско собрали только в 1641 г. Командующим стал Гассан-паша, ему выделялся флот из 43 галер, сотен галеотов и мелких судов. И армию численностью до 180 тыс.: из них 20 тыс. янычар, 20 тыс. спагов (поместной конницы), 50 тыс. татар, 10 тыс. черкесов. Плюс наемные европейские специалисты по осадам крепостей, вспомогательные войска из молдаван, валахов, болгар, сербов, масса землекопов, носильщиков. Артиллерия насчитывала 129 тяжелых орудий, 32 мортиры и 674 легких пушки.

Армада кораблей причалила южнее устья Дона, в 40 км от Азова, и начала высадку. Сюда же подошли крымцы и черкесы. А в Азове на тот момент находилось 5367 казаков – из них 800 женщин. Возглавил оборону атаман **Осип Петров**. 24 июня подошла турецкая армия, заполонив все окрестности. И Гассан предложил защитникам оставить город. Указал, что помощи от царя они все равно не получают, а за согласие обещал 42 тыс. червонцев – 12 тыс. задатком, а 30 тыс. когда сдадут крепость. Казаки ответили: «Сами волею своею взяли мы Азов, сами отстаивать его будем; помощи, кроме Бога, ни от кого не ожидаем;

прельщений ваших не слушаем, и хотя не орем и не сеем, но так же, как птицы небесные, сыты бываем. Жен же красных и серебро и злато емлем мы у вас за морем, что и вам ведомо. Будем и впредь так же промышлять; и не словами, а саблями готовы принять вас, незваных гостей».

На следующий день паша бросил на штурм 30 тыс. солдат. В яростной сече казаки били врага пушечным огнем, расстреливали из ружей, сбрасывали со стен и рубили лезущих янычар. И отбились – турки потеряли 6 тыс. Вынуждены были действовать осадой. Начали возводить батареи, полевые укрепления и по образцу взятия Багдада насыпать вал вокруг городской стены. Казаки совершали вылазки, мешая работам. Разгоняли землекопов и прикрывавшие их части, разрушили четыре укрепления. Захватив 28 бочек пороха, подорвали турецкий вал. Между тем и остальное казачество поднялось на войну. Стало тревожить тылы вражеской армии. В этой войне впервые ярко себя проявила донская кавалерия. Преимущество в коннице у противника было подавляющим. Но в придонских степях и зарослях отряды казаков захватили полное господство. Нарушали связи осаждающих с Крымом, с оставшейся на побережье эскадрой. Уже вскоре турки стали испытывать недостатки в снабжении. Невзирая на трудности, они все же возвели вал выше крепостных стен, установили на нем орудия и начали жесточайшую бомбардировку. Мортиры закидывали город бомбами, сотня «проломных» пушек долбила стены, постепенно снося их до самой подошвы.

Тем не менее казаки в этом аду держались. И пока противник разбивал укрепления, насыпали позади них второй вал. Артиллерия стала бить по нему. А казаки позади второго начали воздвигать третий... Видя, что боеприпасы тают, Гассан периодически останавливал бомбардировку и предпринимал штурмы. Но они оборачивались лишь новыми потерями. На валах Азова храбро дрались и казачки. Брали ружья убитых мужей и братьев, отстреливались и рубились наравне с мужчинами, под огнем рыли землю, возводя укрепления. А у татар топтание на месте без добычи, нехватка пищи и фуража вызывали ропот. Они стали требовать, чтобы их отпустили пограбить русские окраины, собрать продовольствие. Командующий, чтобы не раздражать их, разрешил хану отправить нескольких мурз на «охоту». Но донские разъезды крутились рядом и держали врага под наблюдением. Одни татарские загоны, едва отделившись от лагеря, попали под удары казачьих отрядов и были разбиты. Других встретили царские войска, своевременно предупрежденные, потрепали и прогнали.

Гассан-паша из-за потерь и дефицита боеприпасов временно прекратил обстрел и атаки, ограничиваясь блокадой. Осажденные получили передышку, а их братья донцы сумели извне прорваться в город, привести обоз с припасами и подкрепление (численность неизвестна). Но уже близилась осень. С августа залили дожди, ночи стали холодными. В турецком лагере, началась эпидемия, сотнями косившая солдат и рабочих, скученных в палатках и шалашах. Командующий обратился в Стамбул с просьбой отложить кампанию до весны. Но султан ответил: «Возьми Азов или отдай мне голову». Кое-как смогли доставить из Турции и провезти к Азову порох и ядра, и сражение возобновилось. Артиллерия разбила третий вал, сооруженный позади двух уничтоженных. Но защитники уже построили четвертый и отбивались за ним. Были снесены все постройки. Уцелела лишь церковь св. Николая Чудотворца, расположенная за горой, в мертвой зоне обстрела. А казаки зарылись в землю, устроив жилища и укрытия от огня. Прорыли и подземные ходы под валом, по ночам делали вылазки, резали врагов.

Паша применил новую тактику. Стал каждый день посылать на штурм 10 тыс. солдат. Их отбрасывали. Тогда вступали в дело орудия и грохотали всю ночь. А наутро Гассан бросал в атаку другие 10 тыс., предоставляя отдых побитым накануне. И так продолжалось две недели подряд! Казаки держались из последних сил. Половина погибла. Остальные были переранены или больны. У них уже была выбита вся артиллерия, кончались боеприпасы и еда. Турки на стрелах посылали предложения заплатить по тысяче талеров каждому, лишь

бы ушли. Они отказывались. За время осады среди казаков не нашлось ни одного изменника, ни одного перебежчика. Наконец, 26 сентября не выдержал крымский хан. Несмотря на угрозы паши снял свое воинство и повел домой. Гассан в отчаянии продолжил атаки...

Но и силы казаков иссякли. Они уже давно превзошли все человеческие возможности. Однако пришел момент, когда стало ясно – больше обороняться не получится. Даже и тогда о сдаче не заикнулся никто. Решили идти в рукопашную, или прорваться, или погибнуть в бою. Наступила ночь на 1 октября, канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Казачьего праздника. Собравшись в храме св. Николая Чудотворца, защитники написали прощальное письмо царю и патриарху. Прощались и друг с другом. Долго молились и целовали крест и Евангелие на том, «чтоб при смертном часе стоять дружно и жизни не щадить». Многие дали обет – если уцелеют, постричься в монахи.

Выступили строем. Некоторым казакам было видение – что сама Богородица идет перед ними, показывает путь и защищает своим Покровом. И действительно, когда начало светать, земля оказалась укрыта густейшим туманом. Под его прикрытием казаки вышли к позициям врага и... нашли турецкий лагерь пустым. Оказалось, что в эту же ночь паша снял осаду и начал отводить армию к кораблям. Это было чудо. И оно настолько воодушевило казаков, что изможденная и израненная горстка людей, выдержавших 3 месяца осады и 24 штурма, ринулась в погоню! Настигла турок, налетела на них, расстреливая последними зарядами мушкетов, рубя саблями. Среди неприятелей возникла паника. Они смешались и побежали, давя друг друга. Набивались в лодки, переворачивая их, бросались вплавь и тонули... Для турок поход обернулся полным разгромом, по разным оценкам, их армия потеряла 60—100 тыс. человек, на родину вернулась лишь треть. Казаков в «осадном сидении» полегло 3 тыс.

Но теперь и самым отчаянным было ясно, что в режиме «вольного города» Азову существовать невозможно. Осип Петров послал в Москву станицу во главе с атаманом **Наумом Васильевым** и есаулом Федором Порошиным. Они везли подробный доклад об обороне и просьбу к царю – принять город в полное владение, прислать воеводу с войсками. Послов встретили в столице как героев, чествовали и угощали, наградили «великим жалованьем». Но вопрос о принятии Азова был не так прост. Согласиться – означало войну. А ситуация очень отличалась от русско-турецких войн XVIII в. Еще и Османская империя была намного сильнее, сохранялась угроза со стороны Польши и Швеции. И правительство поступило осторожно. Отправило комиссию Желябинского осмотреть Азов и доложить о состоянии крепости.

А для решения столь важного вопроса в январе 1642 г. был созван Земский Собор. На нем мнения разделились. Делегаты от дворян и прочих служилых высказывались за принятие Азова. Делегаты от торговых и посадских людей были против. Указывали на риск, на неудачи Смоленской войны, на огромные расходы по строительству «засечных черт». Добавилось заключение комиссии Желябинского: «Город Азов разбит и разорен до основания и вскоре города поделатъ никоем образом нельзя, а от приходу воинских людей сидети не в чем». И Земский Собор постановил – Азов не брать, но и казаков в обиду не давать, оказать им всемерную помощь [207].

В Турции же разгром на Дону вызвал настоящую бурю. Гассан-паша попал в тюрьму. Султан Ибрагим Безумный, разъярившись, учинил массовую резню христиан. Для взятия Азова стала формироваться вторая армия, возглавил ее сам великий визирь Мухаммед-паша. В Москве об этом узнали от русской агентуры. Михаил Федорович отправил на Дон дворянина Засецкого и есаула Родионова с 15 казаками, они везли указ: «Ведомо нам учинилось заподлинно, что Ибрагим... отправил сильную рать воевать нашу Украину, и всех христиан, находящихся в его владениях, велел побити. Нашей же рати за кратостью времени не успеть притти под Азов, принять его и вооружить... Дабы напрасно не пролить христианской крови,

повелеваем вам, атаманам и казакам, и всему Великому Войску Донскому Азов оставить и возвратиться по своим куреням...». Необъявленная война уже началась. Отряд, везший грамоту, попал у Северского Донца в засаду турок. Засецкий с несколькими казаками сумел прорваться и доставить указ по назначению. Обсудив его на кругу, казаки начали эвакуацию Азова. Вынесли иконы, вывезли церковную утварь, 80 пушек. Вырыли даже останки погибших, «да не оставит их братство в басурманской земле». В июне показался турецкий флот. При его приближении последний отряд казаков взорвал остатки крепостных сооружений и ушел вслед за товарищами.

Визирь нашел на месте города лишь груды развалин. И двигаться в глубь Дона не рискнул. Без тыловых баз, каковой мог стать только Азов, удаляться от моря было опасно. Мухаммед-паша предпочел отрапортовать, что «овладел крепостью», оставил команды для ее восстановления и вернулся в Стамбул. Казалось бы, самое крупное самостоятельное предприятие казаков завершилась впустую?... На самом деле – нет! Именно благодаря Азовскому сидению, оттянувшему на себя силы турок и татар, Россия смогла быстро и беспрепятственно построить Белгородскую засечную черту! Тысячекилометровую систему сплошных засек, рвов, валов с частоколами. Возникли 25 новых крепостей: Коротояк, Усмань, Козлов и др. А между городами через каждые 20–30 км встали острожки с гарнизонами и дозорами. Таким образом азовские герои помогли России занять и освоить всю черноземную полосу – нынешние Курскую, Белгородскую, Орловскую, Воронежскую, Липецкую, Тамбовскую области.

С этими событиями связан и первый из дошедших до нас памятников казачьей литературы – «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», созданная есаулом Федором Ивановичем Порошиным. Великолепнейшее историческое и поэтическое произведение, своим стилем напоминающее древние былины. Казаки в ней сражаются, будто «впрямь на Руси богатыри святорусские». Не только за Дон, но и за все «государство Московское», которое «велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орды бусурманской аки в небе солнце». А разве может оставить читателя равнодушным эпизод, где казаки, идя в последний бой, прощаются: «Не бывать уж нам на Святой Руси: смерть наша грешная в пустынях за наши иконы чудотворные, за веру христианскую, за имя государево». И обращаются к родной природе: «Простите нас, леса темные и дубравы зеленые, простите нас, моря синие и реки быстрые...» А завершается «Повесть» словами: «Была казакам слава вечная, а туркам укоризна вечная».

19. Воссоединение Дона с Россией

Это нападение на Азов султан казакам не простил. В 1643 г. на Дон обрушились крымцы и силы азовского гарнизона. Были сожжены Монастырский, Черкасский и ряд других городков. И казаки обратились в Москву. Доносили, что не в состоянии «противиться совокупной силе турецкой и татарской» [63]. Но Земский Собор в 1642 г. принял решение не только о том, чтобы не принимать Азов. Он постановил оказать покровительство казакам. Царь и Боярская Дума были того же мнения. На Дон был направлен воевода Кондырев с 3 тыс. стрельцов, тысячу «новых казаков» набрав на подмогу воевода Красников. Местом для нового центра Войска был выбран Черкасский остров, на котором под руководством атамана **Павла Федорова** в апреле 1644 г. взамен сгоревшего городка была построена крепость. Возводили ее и поселились в ней казаки шести станиц, двух Черкасских (украинских), Павловской, Средней, Прибылянской и Дурновской. Здесь разместился и гарнизон царских войск. *С этого времени Дон прочно воссоединился с Россией, и царь стал обращаться в грамотах к «нашему Донскому Войску».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.